Подросток в мегаполисе:
поиск вопросов и ответов

4–5 апреля 2023

МОСКВА

CONFERENCE.PEREKRESTOK.INFO

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт образования НИУ ВШЭ
НП СРДП «Перекресток Плюс»
Институт общественных наук РАНХиГС
Пермский университет
Московский государственный медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова
Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании
Московский государственный психолого-педагогический университет
Московский физико-технический институт
Московский государственный институт международных отношений

ПОДРОСТОК В МЕГАПОЛИСЕ: ПОИСК ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Сборник трудов
XVI Международной научно-практической конференции
4–5 апреля 2023 года, Москва

Москва
2023

УДК 316.6
ББК 88.4
П44

Составитель А.А. Бочавер

П44 **Подросток в мегаполисе:** поиск вопросов и ответов: сб. трудов XVI Междунар. научно-практич. конф. (4–5 апреля 2023 года, Москва) [Электронный ресурс] / сост. А.А. Бочавер; отв. ред. А.А. Бочавер; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. — Электрон. текст. дан. (объем 528 Кб). — М.: НИУ ВШЭ, 2023. — 150 с. — ISBN 978-5-7598-4008-4 (e-book).

В сборник вошли статьи участников XVI Международной научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: поиск вопросов и ответов» (4–5 апреля 2023 года, Москва). Рассматриваются разные аспекты социализации подростков и молодежи из перспектив психологии, психотерапии, психиатрии, социологии и образования. Обсуждаются риски, с которыми сталкиваются подростки, и ресурсы, на которые они могут опираться, развиваясь в транзитивном обществе.

УДК 316.6
ББК 88.4

На обложке — иллюстрация Алеси Румянцевой (alesya.k772@gmail.com)

Режим доступа: https://ioe.hse.ru/#publications

ISBN 978-5-7598-4008-4

© Авторы, 2023
© Иллюстрация на обложке. А. Румянцева, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Абеленцева, А.Н. Будницкая, Д.А. Голубева, Е.Д. Петрова, В.А. Чернов, А.М. Шапиро, Д.Ш. Юрова. «Территория свободного общения» в «Подростковом клубе на Селигерской» 6

П.А. Афанасьева, А.Ю. Дайнеко, А.А. Ермолаева, О.Р. Михайлова. Темная триада и выбор социального окружения: пилотажное исследование на выборке московской студенческой молодежи 11

И.К. Биткина. Влияние культурных ценностей семьи на финансовое поведение подростков 15

О.М. Бойко, Т.И. Медведева, О.Ю. Воронцова, С.Н. Ениколопов, Д.В. Жабина. Нарушения Я-функции как психологические факторы суицидальной идеации у девушек с самоповреждающим поведением 19

А.А. Бочавер. Школьный буллинг: вопросы без ответов 23

Д.Р. Валиахметова, Д.В. Щелканова, О.Р. Михайлова. Пилотный анализ мотивов чтения фанфикшн-литературы среди московской студенческой молодежи 25

П.А. Гавриленко. Содержание и особенности убеждений учителей относительно самостоятельности школьника 29

Е.В. Гулина, Л.А. Любич, Д.А. Осокина. Предварительные результаты качественного исследования мотивов потребления медиаконтента, посвященного серийным убийцам, среди российской молодежи 33

В.Г. Ерофеева. Гендерные различия в переживании аутентичности в интерперсональном контексте в период «становящейся взрослости» 37

Д.С. Закревская, Т.Ю. Садовникова. Восприятие моральной атмосферы вуза и эмоциональная саморегуляция студентов 42

Е.В. Иванова, Н.А. Кольцова, М.С. Помелова. «Место под солнцем». Исследование про то, как подростки выбирают и присваивают городские локации 47

С.С. Канавина, И.Ю. Халина, П.Д. Азыркин. Третье место в жизни подростка 49

О.В. Коваль, Д.Д. Колпакова. Мотивация детей младшего школьного возраста, обучающихся в спортивных школах, и перфекционизм их матерей 54

Н.И. Колачев, К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, Е.Л. Николаев, С.Э. Дровосеков. Шкала «Сочувствие к себе» К. Нефф: уточнение структуры и установление норм 58

Т.С. Копылова. Детско-родительские конфликты в семьях подростков 62

В.В. Косоногов. Регуляция эмоций — расслабление или напряжение: данные психофизиологии и психологии развития 67

П.О. Крайнова. Сексуальное образование в современном российском контексте 71

М.Э. Кушнир. Востребованность параметров развития образовательной субъектности 75

А.С. Матвеева. Об отрасли молодежной политики города Красноярска, как механизме профилактики негативных проявлений в молодежной среде 78

О.Р. Михайлова, А.И. Бочкор, Е.Р. Рыбакова, Д.С. Попов, П.М. Осипова, М.И. Десятова, М.Д. Чепелева, Е.И. Серебренная. Разработка опросника для измерения детской самостоятельности в заботе о здоровье 82

С.К. Нартова-Бочавер. Трудные жизненные ситуации в жизни обучающейся молодежи 86

А.С. Небогов. Влияние социально-психологических факторов на наркотизацию подростков 90

К.Н. Поливанова, О.Р. Михайлова, А.С. Струкова, П.А. Гавриленко. Лестница учебной самостоятельности: оценка уровня самостоятельности российских школьников через анализ представлений родителей 94

Ю.В. Потапова, А.Ю. Маленова, А.А. Маленов, А.К. Потапов. Привязанность к городу как фактор миграционных установок омских школьников 98

А.С. Рахимкулова. Пятиступенчатая программа работы с подростками с генерализованным тревожным расстройством с помощью когнитивно-поведенческой терапии 102

В.А. Розанов. Психическое здоровье и суициды среди подростков: справляются ли дети с вызовами цифровой эпохи, и как им помочь? 106

А.Н. Россинская, А.А. Иванова. Дефициты в межпоколенной коммуникации между подростками и их родителями 110

Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, С.Н. Илюхина. Подростки как лидеры позитивных цифровых практик: мотивация участия и стили руководства 113

Д.С. Фокина. Особенности психологической сепарации от матери подростков, являющихся старшими и младшими сиблингами 118

Е.В. Фомичева, Ж.К. Жыргалбек, О.Р. Михайлова. Детерминанты доверия онлайн-платформам предоставления психологической помощи среди московской студенческой молодежи 122

К.Д. Хломов, М.А. Варенов. К вопросу валидизации методики диспозиций насильственного экстремизма на выборке подростков и молодежи 125

К.А. Чистопольская, Н.И. Колачев, С.Н. Ениколопов, С.Э. Дровосеков. Теория суицидального напряжения Ц. Чжана и психометрические показатели шкал психологического напряжения 128

А.А. Шашкова. Психологическое благополучие подростков с разным типом привязанности к родителям 132

Н.П. Шилова. Взаимосвязь представлений о будущем в юношеском возрасте и результатов государственной итоговой аттестации 136

Т.В. Шинина, И.Г. Морозова. Имплицитные и эксплицитные мотивы подростков с различными формами антисоциального рискового поведения 140

А.В. Ширшов. Профилактика рискованного поведения и буллинга без использования запретов 145

В.А. Ясная, С.Л. Залманова. Внимание: родители! Состояние родителей и особенности взаимодействия в семьях подростков с суицидальным и самоповреждающим поведением 147

«ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО ОБЩЕНИЯ» В «ПОДРОСТКОВОМ КЛУБЕ НА СЕЛИГЕРСКОЙ»

В.В. Абеленцева, А.Н. Будницкая, Д.А. Голубева, Е.Д. Петрова, В.А. Чернов, А.М. Шапиро, Д.Ш. Юрова

НП СРДП «Перекресток Плюс», г. Москва, Россия

Подростковый клуб центра «Перекресток», работающий по технологии «Территории свободного общения», зародился ещё в 1990-х годах и развивался вместе с различными проектами социально-психологической помощи в разных организациях и под разными названиями, преследуя цель поддержки подросткового сообщества. На проведённом сотрудниками «Подросткового клуба центра «Перекресток» в рамках XVI конференции «Подросток в мегаполисе: поиск вопросов и ответов» круглом столе специалисты разных направлений задавали много вопросов о структуре и особенностях работы подросткового клуба. Данная статья посвящена работе подросткового клуба, строящегося на принципах и правилах авторской методики «Территория свободного общения», а также в ней описан опыт команды «Подросткового клуба на Селигерской», работа которой позволяет обогащать жизнь подростков уже многие годы.

Ключевые слова: «Территория свободного общения», подростки, подростковый клуб.

Подростковый клуб центра «Перекресток» работает по системе «Территории свободного общения» и выступает как безопасное, безоценочное пространство, позволяющее подростку отдохнуть от ожиданий и давления социума (родителей, учителей) и получить поддержку. Структуру процессов, происходящих в рамках встречи клуба, задают принципы, которые позволяют ведущим выстраивать доверительный контакт с подростком, а им — чувствовать себя в безопасности, доверять и выстраивать ответный контакт. Среди *принципов работы* подросткового клуба можно выделить следующие.

- *Добровольность участия и уважение права на свободный и ответственный выбор* проявляется в любой ситуации, возникающей в клубе: мы поддерживаем свободу и предлагаем подросткам делать свой собственный выбор, в независимости от того, нравится он нам или нет. Он в любом случае ценен для нас. Мы лишь стремимся помочь участнику научиться осознанности и ответственности в ситуации выбора.

- *Безоценочное принятие личности подростка* — мы можем не принимать конкретное действие подростка, но мы принимаем его таким, какой он есть. Это помогает не воздвигать между нами «стену обиды, злости или раздражения» в сложные моменты.
- *Честность и открытость в выражении собственных чувств*. Мы открыто говорим о происходящем здесь и сейчас, и о чувствах, сопровождающих эту ситуацию.
- *Забота о себе, своих границах и ценностях* — у нас есть свои границы, и нам важно, чтобы их уважали другие.
- *Стремление сотрудников к собственному профессиональному и личностному росту*. Только в том случае, когда для нас самих развитие является реальной жизненной ценностью, мы можем помочь подростку в его собственном развитии.

Как и любое сообщество, даже низкопороговое (поскольку ориентировано на подростков в трудной жизненной ситуации), клуб не может существовать без *правил*. Их можно разделить на базовые правила безопасности и принятые самим сообществом правила взаимодействия.

Правила безопасности установлены организаторами клуба и обеспечивают физическую безопасность участников и ведущих. Первое среди них — «правило трезвости». Оно относится к запрету на нахождение в клубе под воздействием веществ, изменяющих состояние сознания (алкоголь, энергетики и другие психоактивные вещества). Его появление связано с историей клуба, когда он предоставлял альтернативный употреблению ПАВ способ времяпрепровождения. Кроме того, запрещено наносить вред себе или другим, драться, брать чужое, нарушать законодательство РФ, приходить в клуб с симптомами ОРВИ. Еще одно правило обязывает участников остановиться, если ведущий говорит «СТОП».

Поскольку в практике встречаются подростки, систематически нарушающие правила, в технологию были добавлены «*страйки*». Это предупреждения, которые могут выдать ведущие подростку за поведение, нарушающее безопасность (физическую или психологическую) пространства. Когда участник получает три «страйка» за одну встречу, его просят покинуть клуб. Эту просьбу нельзя проигнорировать, поскольку при несоблюдении требования ведущих клуб заканчивает свою работу на этот день для всех участников. Однако, в следующую дату проведения, двери клуба «будут открыты» для всех, включая нарушителя.

Помимо базовых правил безопасности в клубе раз в год проводится процедура принятия *правил, предложенных участниками и сотрудниками*. Решение по каждому новому правилу должно быть единогласным: если хотя бы один участник против, оно отклоняется. Далее участники и ведущие могут апеллировать к этим правилам во взаимодействии.

Клуб на Селигерской. Пространство: игры, творчество, музыкальные инструменты

Пространство «Подросткового клуба на Селигерской» представлено отдельным помещением, в котором активно задействованы два зала. Они условно поделены на «активную» и «тихую» комнаты, удовлетворяющие определенные потребности. Первый зал — потребность в активности, коммуникации, проявлении ярких эмоций: участники в нем сосредоточены на настольных играх и общении. Второй зал — потребность в отдыхе, самоисследовании, творческом проявлении: участники здесь могут рисовать, лепить, вышивать, вязать, валять и играть на музыкальных инструментах с согласия других подростков, находящихся в комнате. Очень важно, что подросток, приходя в «Подростковый клуб на Селигерской», опирается на свой интерес, участвует в том, что ему ближе, важнее и понятнее. По мере необходимости задействуются другие помещения: кухня, если есть потребность в приготовлении еды к празднику, и большой зал, если необходимо провести крупное мероприятие: принятие правил, кинопоказ, открытые встречи.

Ведущие и волонтеры в клубе: «доброжелательный взрослый»

Во время каждой встречи «Подросткового клуба на Селигерской» в работе участвуют ведущие (не менее двух человек на клуб) и волонтеры. Участники клуба (подростки) посредством наблюдения за взаимодействием волонтеров и ведущих друг с другом и с находящимися в пространстве подростками, знакомятся с новой для большинства ребят моделью поведения. Они получают возможность наблюдать за стилем взаимодействия, в котором основными постулатами выступают: доброжелательность и уважение к собеседнику; важность своих чувств и мыслей; отстаивание своих ценностей; пожелание-посыл к любому участнику в уважении к своим границам.

В процессе работы с подростками ведущие и волонтеры клуба отталкиваются прежде всего от происходящих во время клуба процессов между участниками и поддерживают безопасность пространства для них, помогают найти занятие, соответствующее актуальным интересам и потребностям.

Принятие решений в разных вопросах, возникающих по мере прохождения встречи клуба, решается коллегиально, то есть принимается совместно как ведущими, так и волонтерами. Ведущие — это сотрудники клуба, обладающие большими возможностями в принятии решений по сравнению с волонтерами. Также они несут больше ответственности за все происходящее в клубе: волонтер, например, не может самостоятельно выдать участнику «страйк», это возможно только при посредничестве и с согласия ведущего.

Кто приходит в клуб?

«Подростковый клуб на Селигерской» могут посещать подростки в возрасте 10–17 лет. Записи или предварительного заполнения документов перед первым посещением клуба не требуется: подросток просто может прийти в рабочие часы клуба и сразу принять в нем участие. Часто ребят в клуб направляют специалисты (психологи, психиатры, социальные работники), работающие с ними. Также будущие участники могут узнать о существовании такого места от своих друзей или из социальных сетей, которые ведутся сотрудниками «Подросткового клуба на Селигерской». Кроме того, периодически сотрудники клуба организуют уличные выходы, целью которых является популяризация подросткового клуба и привлечение в него новых участников из среды дворовых компаний.

Часто потенциальные участники клуба социально и психологически дезадаптированы. Их образ жизни можно назвать ригидным. У таких подростков обычно узкий круг общения, они плохо учатся в школе и прогуливают ее, употребляют алкоголь и курят. А также у них может не быть сформированных интересов или хобби. В «Подростковом клубе на Селигерской» такие ребята могут найти то, что их интересует, увидеть новые модели общения и поведения, которые предъявляются другими участниками, ведущими и волонтерами, сделать свое социальное окружение более разнообразным, обрести новые знакомства, сформировать более реалистичные представления о себе и других, принять участие в безопасных формах досуга (например, настольные игры) и раскрыть свой творческий потенциал.

Таким образом, в этой статье мы описали особенности «Подросткового клуба на Селигерской»: историю его возникновения, основные правила и принципы, согласно которым он функционирует, а также рассказали о пространстве, в котором проводится подростковый клуб, и о людях, которые принимают в нем непосредственное участие: о ведущих, волонтерах и о самих подростках.

Литература

Голубева Д.А., Дементьев Н.Н., Калякина С.М., Кац М.Я., Рагулина О.А., Росина Е.М., Бочавер А.А. Низкопороговый подростковый клуб как элемент городской среды: Дискуссия // Городские исследования и практики. 2020. № 5(3). С. 78–86. https://doi.org/10.17323/usp53202078-86.

Росина Е.М., Кац М.Я., Дымова Т.Е. Перекресток — это не магазин: интервью А.Г. Филипповой с руководительницами подростковых клубов в г. Москве // Комплексные исследования детства. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perekrestok-eto-ne-

magazin-intervyu-a-g-filipovoy-s-rukovoditelnitsami-podrostkovyh-klubov-v-g-moskve (дата обращения: 30.04.2023).

ТЕМНАЯ ТРИАДА И ВЫБОР СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ: ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ВЫБОРКЕ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

П.А. Афанасьева, А.Ю. Дайнеко, А.А. Ермолаева, О.Р. Михайлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Темная триада (ТТ) — это психологический термин, описывающий три личностных характеристики индивида: нарциссизм, психопатию и макиавеллизм. Как и любые другие личностные черты, ТТ может предопределять человеческое поведение и выборы, в том числе, выбор социального окружения. Несмотря на то что в академических исследованиях существует высокий интерес к изучению ТТ, научных публикаций, затрагивающих связь индивидуальных стратегий формирования социального окружения и проявленности черт ТТ, почти не встречается. Однако подобные научные работы имеют высокую практическую значимость, поскольку могут быть использованы для помощи людям, имеющим трудности с формированием социальных связей, например, испытывающими чувство социальной изолированности или одиночества. В данных тезисах излагается замысел и результаты пилотажного исследования (основной метод онлайн-опрос), направленного на изучение связи между проявленностью черт ТТ у индивида и его социальным окружением. Анкета была разработана с опорой на сетевые исследования социального окружения и научные работы, посвященные изучению ТТ в связи с различными особенностями человеческого поведения. Пилотаж анкеты при помощи когнитивных интервью и формализованного опроса был проведен в марте 2023 года на выборке из 16 студентов московских вузов на данный момент ведется сбор данных.

Ключевые слова: темная триада, личностные черты, социальное окружение, социальные отношения, молодежь, студенты.

Темная триада (ТТ) — это психологический термин, описывающий три личностных характеристики индивида: нарциссизм, психопатию и макиавеллизм (Paulhus, Williams, 2002). Как и любые другие личностные черты ТТ может предопределять человеческое поведение и выборы, в том числе выбор социального окружения (Егорова, Ситиникова, 2014). Несмотря на то что в академических исследованиях существует высокий интерес к изучению ТТ: на основании данных Google Scholar (15 октября 2022 года) на основополагающую статью Полхус и Уильямс сослались 5424 раза, научных публикаций, затрагивающих связь индивидуальных стратегий формирования социального окружения и проявленности черт

ТТ, почти не встречается. Однако подобные научные работы имеют высокую практическую значимость, поскольку могут быть использованы для помощи людям, имеющим трудности с формированием социальных связей, например испытывающими чувство социальной изолированности и или одиночества.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы прояснить, как проявленность черт ТТ у индивида соотносится с его социальным окружением. Под социальными отношениями, которые выстраивает человек и тем самым производит свое социальное окружение, мы понимаем «процесс воздействия субъектов друг на друга, в котором каждое действие обусловлено как предыдущим действием, так и ожидаемым результатом со стороны другого», условно говоря, это обмен действиями, сопряженными друг с другом (Врублевская, 2006).

Основным методом данного исследования является онлайн-опрос. Молодые люди, обучающиеся в вузах, составили выборку нашего проекта, поскольку именно на период юношества приходится пик формирования новых социальных связей, меняются интересы, формируется профессиональная траектория, именно в молодом возрасте создается больше всего дружеских связей и круг общения — самый широкий (Arnett, 2000). Выбор Москвы был обусловлен тем, что количество и качество социальных связей также зависит и от размера города, в городах-миллионниках отношения между людьми многочисленнее и разнообразнее, чем в крупных и малых городах (Мудрик, 2005). Возрастные характеристики к тому же связаны с использованием разных возможностей города. Юношеский возраст является пиком проведения человеком большой части своего времени в общественных местах, а познаваемое, воспринимаемое и осваиваемое пространство расширяется, в дальнейшем сужаясь ближе к старости (Там же). Москва — это современный мегаполис, в котором преобладают различные типы связей, а молодежь, имея широкое осваиваемое пространство, порождает большое количество новых социальных отношений.

Анкета, распространяемая в онлайн-опросе, была составлена на основании анализа предыдущих исследований, касающихся ТТ и работ, посвященных социальному окружению, выполненных в традиции сетевого анализа. Она содержит в себе три блока: оценивающий социальное окружение респондента (составлен самостоятельно), тот, что посвящен выявлению черт ТТ (использовался готовый переведенный с английского опросник — Корниенко и Дериш, 2019) и финальный служебный блок — социально-демографический. Опросник ТТ включал 18 пунктов и выбор в его сторону был сделан в силу краткости, которая предположительно должна привести к низкому проценту не полностью заполненных анкет.

9–17 марта 2023 года проводился пилотаж разработанного опроса в формате когнитивных интервью и опроса (16 участников). Отбор информантов осуществлялся методом снежного кома с 3 точками входа (по количеству интервьюеров), использовалась квотная выборка, где квотой выступал пол респондента — мы стремились к соблюдению одинаковых пропорций респондентов мужского и женского пола в выборке (итого: 8 юношей и 8 девушек). Вторым важным критерием был возраст — мы старались обеспечить вариацию возрастов в выборке, включая туда не только 18–19-летних информантов, но и информантов старше, по итогу максимальный возраст — 22 года. Продолжительность интервью составила от 18 до 94 минут. Основные корректировки анкеты по итогам пилотажа состояли в упрощении терминологии, для лучшего понимания содержания анкеты респондентами. В результате пилотажа получилась анкета, состоящая из 53 вопросов: фильтры (1–5), социальные отношения (6–31), ТТ (32–49) и социально-демографические характеристики (50–53).

В текущий момент ведется сбор данных по отпилотированной анкете. В ходе него ожидается опросить не менее 240 респондентов, для соблюдения вариации в выборке по полу, специализации обучения и факту нахождения респондентов на момент опроса в романтических отношениях. Используется модель выборки, основанная на генеральной совокупности студентов государственных вузов Москвы. Авторы данного исследования не претендуют на репрезентативность по принадлежности к конкретному вузу, но надеются соблюсти репрезентативность по полу, возрасту и направлению обучения, чтобы обеспечить возможность межгруппового сравнения. Квоты выборки определялись на основе распределения студентов по полу и ступеням образования, взятым из данных Минобрнауки России. Единицами отбора и наблюдения являются студенты, поиск которых осуществляется по группам факультетов/вузов, университетских сообществ и при помощи QR-кодов, размещённых в кампусах различных ВУЗов, чтобы охватить студентов, не состоящих в онлайн-сообществах. Выборка будет неслучайной, стихийной, но квотируемой.

Финансирование. Исследование осуществляется при поддержке проекта «Жизненный выбор: рациональность в условиях турбулентности» (проект программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Литература

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1(131). С. 283–296.

Врублевская О.А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5(12). С. 60–65.

Егорова М., Ситиникова М. Темная триада // Психологические исследования. 2014. № 7(38). https://doi.org/10.54359/ps.v7i38.580.

Мудрик А.В. Город как фактор социализации подрастающего поколения // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 2. С. 47–53.

Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of. Research in Personality. 2002. No. 36(6). P. 556–563.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЬИ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

И.К. Биткина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

В исследовании раскрываются вопросы влияния культурных ценностей семьи на формирование финансового поведения подростков. Для проведения исследования разработан гайд интервью, направленный на оценку влияния культурных ценностей семьи на формирования финансового поведения и финансовой культуры подростков. Новизна исследования состоит в выделении факторов и культурных ценностей, определяющих модель финансового поведения подростка и уровень рациональности принимаемых решений финансового характера индивида в будущем. Рассмотрено влияние таких факторов на финансовое поведение подростков, как наличие собственного дохода и степень его стабильности, взаимоотношение между родителями и другими родственниками, степень контроля со стороны родителей и проч. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем развитии финансовых образовательных программ и их дифференциации в зависимости от культурных специфики воспитания подростков.

Ключевые слова: финансовая культура, финансовое поведение, культурные ценности, финансовая грамотность, модели финансового поведения, паттерны финансового поведения, подросток, семья.

Повышение финансовой грамотности и овладение аспектами критического финансового мышления выступают важным элементом культуры современного человека (Брёхова, Алмосов, 2015). Рационально выстроенные программы обучения направлены на рост рациональности финансового поведения населения — но, несмотря на данный фактор, определённая часть населения современного мегаполиса продолжает допускать существенные ошибки при реализации своего финансового выбора. На наш взгляд, это может объясняться наличием влияние прочих факторов среды на формирование финансовой культуры молодежи. Особенно важно влияние ценностей семьи на отношение к деньгам подростков, поскольку данный период направлен на формирование у личности взрослой модели поведения в обществе. Семья, наряду с образовательными учреждениями, группами сверстников, средствами массовой информации и Интернетом выступают в качестве базовых культурных институтов социализации подростков (Молчанов, 2022). В этот период перед подростком стоит задача самосознания и самоопределения в системе ценностей и отношений

между людьми. При этом для представителей разного поколения роль семейных ценностей для формирования индивидуальной модели поведения, по мнению исследователей, не всегда является одинаковой (Иванова, 2020). Таким образом, повышается значимость развития исследований, направленных на оценку влияния культурных ценностей семьи на финансовое поведение подростков.

В настоящее время в социо-гуманитарных науках присутствует ряд разработок, посвящённых оценке влияния культуры на финансовое поведение и экономическое развитие общества. В частности, модель психологических измерений Г. Хофстеде в качестве компонентов культуры, оказывающих влияние на поведения человека, выделяет «индивидуализм/коллективизм»; модель Г. Триандиса, выделяющего такие культурные компоненты, как «вертикальность/горизонтальность»; модель Ш. Шварца, основанную на исследовании ценностей на личностном и культурном уровнях и выделенных на этой основе мотивационных моделях поведения; модель влияния культуры а экономику А. Аузана (Аузан, 2021).

Поставлены *гипотезы* настоящего исследования: 1) достаточно сильное влияние на формирование финансовых привычек подростка и его отношение к деньгам оказывает этническая принадлежность семьи, в которой он воспитывался; 2) существует взаимосвязь между такими культурными контекста семьи как «коллективизм/индивидуализм», «горизонтальность/вертикальность», «гибкость/консерватизм» и вариантами развития финансового поведения подростков; 3) отмечается оценка влияния таких факторов воспитания как уровень опеки, авторитарность принимаемых родителями решений, необходимость подчинения на формирование модели финансового поведения подростка.

Новизна исследования состоит в выделении факторов и культурных ценностей, определяющих модель финансового поведения подростка и уровень рациональности принимаемых решений финансового характера индивида в будущем. При этом выявлено влияние ценностей индивида и группы на формирование данного поведения.

Методы исследования. Для доказательства гипотез исследования были использованы обобщения и систематический анализ научных источников, посвященных вопросам культурно-психологических особенностей взаимосвязи ценностей семьи и поведения подростков в различных областях принятия решений (включая финансовое поведения), а также организационные и эмпирические методы исследования, позволяющие выявить отношение современной молодежи к влиянию культурных ценностей семьи на формирование их финансового поведения. Для оценки рациональности финансового поведения населения использовались качественные и количественные индикаторы. Основой метод получения данных — полуструктурированное интервью, позволяющее получить достаточный объем информации о компонентах среды подростка, влияющих на формирование его финансовой

культуры и навыков финансового поведения. Данный метод не предполагает применение жестких формулировок, что позволяет провести анализ процесс формирования финансового поведения подростка с различных сторон, включая оценку влияния культурных ценностей его семьи. В ходе исследования обоснованы качественные и количественные характеристики выборки респондентов. Разработанная структура гайда интервью направлена на верификацию (фальсификацию) гипотез исследования, поставленных выше. Вопросы гайда разработаны на эмпирических материалах исследования.

Выборка включает в себя 120 подростков в возрасте 11–20 лет — учащиеся волгоградских школ, техникумов и вузов. Для определения зависимости культурных ценностей семьи с проявлением финансового поведения подростка указанная выборка была разделена на три группы: 11–14 лет, 15–17 лет, 18–20 лет. Численность каждой из групп составляет 40 человек, что составляет сопоставимость результатов исследования для различных возрастных групп. При формировании выборки учитывались такие характеристики, как численность семьи, наличие собственных источников дохода у подростков, особенности модели финансового поведения семьи подростка. Данные характеристики отражают поставленные гипотезы исследования.

Для группировки паттернов и моделей финансового поведения подростков, позволяющая учесть влияние культурных факторов семьи. Матрица включает в себя две группы индикаторов — «рациональность-импульсивность» и «доверие-скрытность». Первые в большей степени соответствуют подходу Г. Триандиса, второй — Г. Хофстеде. На основе примененного гайда определены мотивационные блоки ценностей индивидуального уровня (по Ш. Шварцу), на формирование которых оказывает влияние семья.

В результате проведенного исследования получено, что культурные контексты семьи способны оказывать влияние на определенные проявления финансового поведения подростка. На основании проведенного исследования выделены группы подростков, в зависимости от их отношения к финансовым проблемам в семье (индифферентные, инфантильные, негативно настроенные к отдельных аспектам финансового поведения — например, к кредитам и накопительству, активно взаимодействующие со взрослыми членам и семьи, положительно настроенные). Все полученные модели разделены на рациональные и нерациональные. Произведено сопоставление данных моделей финансового поведения с классификационными группами населения, полученных в ходе опроса Фонда общественного мнения по заказу банка России (Модели финансового поведения россиян, 2021). Это позволило нам показать влияние культурных контекстов, обозначенных в гипотезах нашего исследования. Отдельно исследованы особенности финансового поведения подростков, авторитетом в финансовых вопросах, для которых являются другие взрослые

(бабушки/дедушки, дяди/тети и т.д.), при этом финансовым источникам существования для данных подростков являются средства семьи, в которой они проживают. Исследовано влияние наличия собственного дохода на отношение подростков к деньгам. Показано, что фактор собственного дохода оказывает в целом положительное влияние на рациональность финансового поведения. Выявлены факторы девиантного финансового поведения подростков. Доказаны вторая и третья гипотезы, связанные с взаимосвязью между такими культурными контекста семьи, как «коллективизм/индивидуализм», «горизонтальность/вертикальность», «гибкость/консерватизм» и вариантами развития финансового поведения подростков и влиянием таких факторов воспитания, как уровень опеки, авторитарность принимаемых родителями решений, необходимость подчинения, на формирование модели финансового поведения подростка.

Литература

Аузан А.А. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. 200 с.

Брехова Ю.В., Алмосов А.П. Международный опыт повышения финансовой грамотности // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6–2(59). С. 795–798.

Иванова А.Д. Клиповое мышление современной молодежи // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность. Сб. ст. Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. редактор Р.Б. Шайхисламов. 2020. С. 171–177.

Модели финансового поведения россиян: исследование фонда общественное мнение по заказу Банка России — август 2021 года. URL: https://fincult.info/teaching/patterny-finansovogo-povedeniya/ (дата обращения: 23.02.2023).

Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста: учебник для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2023. 351 с.

НАРУШЕНИЯ Я-ФУНКЦИЙ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОЙ ИДЕАЦИИ У ДЕВУШЕК С САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ

О.М. Бойко, Т.И. Медведева, О.Ю. Воронцова, С.Н. Ениколопов, Д.В. Жабина

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», г. Москва, Россия

Цель: анализ связи суицидальной идеации при самоповреждающем поведении с нарушением Я-функций. Выборка: 48 девушек, госпитализированных в ФГБНУ НЦПЗ. Методы: Я-структурный тест Аммона, SCL-90-R, опросник Баррата. Результаты: выраженность суицидальной идеации коррелирует с дефицитарными нарциссизмом и «Внешним Я-отграничением», конструктивным «Внутренним Я-отграничением», а также нарушениями саморегуляции и широким спектром психопатологической симптоматики. Выводы: выраженность суицидальной идеации у девушек с самоповреждающим поведением коррелирует с характером сформированности Я-функций.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, селфхарм, суицидальная идеация, Я-функции, опросник Аммона, SCL-90-R, Bis-11.

Самоповреждающее поведение является актуальной проблемой у подростков и молодежи. Исследования отмечают выраженную гендерную специфику аутоагрессивного поведения — корреляции с женским полом, а также гендерно детерминированные различия мотивации аутоагрессивного поведения (Чистопольская, Ениколопов, 2019; Моц, 2021). По-разному рассматривается связь самоповреждающего и суицидального поведения: от того, что это различные, хотя иногда и сопутствующие друг другу феномены, до теории входных ворот, утверждающей, что самоповреждающее поведение представляет собой десенсибилизацию, облегчающую переход к планированию и осуществлению суицидального поведения (Чистопольская, Ениколопов, 2019). Наличие суицидальной идеации при самоповреждающем поведении можно рассматривать как проявление реалистичного суицидального риска, что обуславливает актуальность разностороннего исследования данного контингента. Я-функции, согласно теоретическим представлениям Г. Аммона, представляют собой психические структуры, развивающиеся на основе раннего опыта взаимодействия с близкими людьми, которые впоследствии проявляются в поведении человека по отношению к себе и другим, в том числе в потенциально суицидогенных ситуациях (Аммон, 1995). Целью исследования стал анализ связи суицидальной идеации при самоповреждающем поведении с нарушением Я-функций.

Материалы и методы. Материалом стали данные исследования 48 молодых женщин в возрасте от 16 до 23 лет (средний возраст 19 лет) с самоповреждающим поведением, госпитализированных в клинику ФГБНУ НЦПЗ. В связи с тем, что заполнение опросников было связано с особенностями режима отделения и психопатологического состояния обследуемых, количество респонденток отличается в разных опросниках: Я-структурный тест Г. Аммона («Ich Structur Test Ammon», ISTA) (Аммон, 1995), позволяющий оценить спектр патологических состояний, которым соответствует сложившийся тип организации структуры личности, и опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R были заполнены 48 девушками, опросник импульсивности Баррата Bis-11 — 47. Выраженность актуальной суицидальной идеации оценивалась по ответу на вопрос «насколько сильно в течение последней недели Вас тревожили мысли о том, чтобы покончить с собой?», который оценивался по 5-балльной шкале от 0 до 4 (где 0 — никогда, а 4 — очень сильно).

Результаты. Применение опросника Аммона показывает наличие значимых корреляций между наличием суицидальных мыслей и дефицитарным нарциссизмом ($r = 0{,}372$ при $p = 0{,}009$), а также статистической тенденции с такими факторами как дефицитарное «Внешнее Я-отграничение» ($r = 0{,}242$ при $p = 0{,}098$), конструктивное «Внутреннее Я-отграничение» ($r = -0{,}250$ при $p = 0{,}087$), конструктивный нарциссизм ($r = -0{,}263$ при $p = 0{,}071$).

Результаты опросника импульсивности Баррата демонстрирует наличие статистически значимых корреляций между наличием суицидальной идеации и параметрами «когнитивная простота» ($r = 0{,}360$ при $p = 0{,}013$) и «нарушение планирования и контроля» ($r = 0{,}313$ при $p = 0{,}032$) а также корреляций на уровне статистической тенденции по параметрам «невнимательность» ($r = 0{,}257$ при $p = 0{,}081$) и интегральному параметру «отвлекаемость внимания» ($r = 0{,}277$ при $p = 0{,}059$).

Данные методики SCL-90-R показывают значимые корреляции суицидальной идеации с широким спектром психопатологической симптоматики (соматизация ($r = 0{,}361$ при $p = 0{,}012$), обсессивно-компульсивная симптоматика ($r = 0{,}367$ при $p = 0{,}008$), межличностная сенситивность ($r = 0{,}337$ при $p = 0{,}019$), депрессия ($r = 0{,}652$ при $p = 0{,}000$), тревога ($r = 0{,}335$ при $p = 0{,}020$), фобическая тревога ($r = 0{,}346$ при $p = 0{,}016$), параноя льность ($r = 0{,}366$ при $p = 0{,}010$), психотизм ($r = 0{,}515$ при $p < 0{,}001$) с комплексными показателями тяжести состояния GSI ($r = 0{,}541$ при $p < 0{,}001$) PDSI ($r = 0{,}503$ при $p < 0{,}001$) и PSI ($r = 0{,}474$ при $p = 0{,}001$), и с ощущением неопределенности будущего ($r = 0{,}594$ при $p < 0{,}001$) и наличием мыслей о смерти ($r = 0{,}915$ при $p < 0{,}001$)), а также с враждебностью на уровне статистической тенденции ($r = 0{,}279$ при $p = 0{,}055$), что может указывать на более выраженную остроту состояния у обследуемых с суицидальной идеацией.

Обсуждение результатов. В концепции Аммона дефицитарный нарциссизм отражает глубокое нарушение центральной Я-функции, ведущее к почти полной неспособности воспринимать неповторимость собственного существования, придавать значение своим желаниям. Среда, формирующая дефицитарный нарциссизм — холод, безразличие и равнодушие. Отрицательные корреляции выраженности суицидальной идеации с конструктивным нарциссизмом на уровне статистической тенденции подтверждают взаимосвязь выраженности суицидальных мыслей у девушек с самоповреждающим поведением со степенью несформированности «нормального», конструктивного нарциссизма, позволяющего принимать уникальность собственного существования. Представляют также интерес и корреляции с дефицитарностью Я-функции «внешнее Я-отграничение», усиливающей трудности в межличностных отношениях с потребностью в слиянии с другими людьми, тенденцией подстраиваться под окружающих. Трудность восприятия других как отдельных личностей, связанная с дефицитарностью данной Я-функции, проявляясь в межличностной сенситивности, приводит к усилению фрустрации в ответ на несовпадение в межличностных отношениях и формирует ощущение одиночества, оторванности от других, являющееся важным суицидальным фактором. Отрицательные корреляции с Я-функцией конструктивное «внутреннее Я-отграничение» свидетельствуют об отрицательном влиянии аффекта на когнитивные функции, что проявляется в усилении импульсивности, нарушениях внимания, которые выявляются в результатах опросника Баррата, и приводят к трудностям полноценного прогнозирования результатов собственных действий и контроля над ними. Нарушение регуляции интрапсихических процессов, приводящее к смешению фантазии и реальности, может усложнять использование конструктивных стратегий совладания и поддержание ощущения протяженности жизни с прошлым, настоящим и будущим в аффективно заряженной ситуации, и способствовать формированию суицидальной идеации.

Выводы. Таким образом, выраженность суицидальной идеации у девушек с самоповреждающим поведением коррелирует со степенью дефицитарности таких Я-функций как нарциссизм, внешнее и внутреннее Я-отграничение.

Литература

Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Психоневрологический. ин-т, 1995. 198 с.

Моц А. Психология женского насилия. Преступление против тела. М.: Когито-Центр, 2021. 455 с.

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Особенности молодых людей с самоповреждениями и предшествующими попытками в остром суицидальном кризисе // Суицидология. 2019. № 10(4). С. 47–64. https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-47-64.

ШКОЛЬНЫЙ БУЛЛИНГ: ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

А.А. Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Школьный буллинг активно изучается во всем мире последние три десятилетия, собран огромный массив данных о его феноменологии, предпосылках и последствиях, разработаны десятки программ профилактики. Однако прикладные аспекты данной проблемы проработаны значительно лучше, чем теоретические. Существует несколько теорий буллинга, все они имеют свои подтверждения, однако каждая имеет свои ограничения и не дает ответа на отдельные важные вопросы, от ответа на которые зависят практические разработки. В данном материале приводятся некоторые из этих вопросов.

Ключевые слова: буллинг, образовательная среда, теории буллинга.

Согласно К. Лоренцу, внутривидовая агрессия имеет большое значение для сохранения вида: она позволяет распределить территорию между особями, детенышам достаются более сильные родители, а вожаки стаи, используя ее, могут поддерживать порядок и заботиться о сообществе. Однако, согласно М.В. Бутовской, хотя стремление к доминированию и конкуренция за материальные и репродуктивные ресурсы выражены у подростков и молодых мужчин во всех культурах, буллинг не является типичной формой конкуренции — в нем нет соперничества, он не ведет к выигрышу. В традиционных обществах систематическая вербальная агрессия, насмешки и другое буллинг-поведение табуировано по отношению к «своим», однако допустимо по отношению к «чужим» — например, новым, пришедшим из другой семьи родственникам, пленникам или рабам. Согласно М.В. Бутовской и ее коллегам, школьный буллинг является артефактом современного массового анонимного общества, и в его основе лежат базовые механизмы доминирования, агрессии и социальной идентификации», где имеют место борьба за социальные и материальные ресурсы и идентификация / противопоставление. В рамках социально-когнитивной теории (например, в работах С. Суирер), основывающейся на концепции социального научения А. Бандуры, предполагается, что человек обучается определенному поведению благодаря наблюдению за другими людьми и осмыслению последствий, и дети выбирают поведение, которое, они считают, будет вознаграждено, и воздерживаются от того, которое будет наказано таким образом, буллинг в определенных условиях становится тем поведением, которое востребовано и получает поддержку со стороны окружения. Социально-психологический подход, на котором основывается, например, К. Сальмивалли, состоит в анализе мотивации

агрессоров, которая определяется потребностью стать заметными, приобрести власть и популярность среди сверстников — это объясняет необходимое присутствие свидетелей в ситуациях буллинга. Концепция отчуждения моральной ответственности, также берущая начало в работах А. Бандуры, описывает четыре базовых механизма морального отчуждения, которые распространены среди школьников и не так уж редко представлены у взрослых и которые вносят вклад в нормализацию и распространение буллинга: когнитивное переструктурирование («буллинг — нормальная составляющая жизни ребенка»); размывание личной ответственности за коллективным действием («взрослые в школе должны отвечать за защиту детей от обидчиков»); искажение последствий («буллинг закаляет характер»); дегуманизация жертвы или ее обвинение («те, кого травят, сами виноваты»). Наиболее влиятельный и популярный сейчас способ рассмотрения буллинга — социально-экологический подход, развиваемый Д. Эспелейдж и ее последователями, является скорее мета-теорией: буллинг рассматривается в нем как явление, располагающееся в обширном социальном контексте, включающем группы семьи, сверстников, школы, районы, сообщества, страны, но хотя он позволяет учесть многочисленные предпосылки и факторы защиты от буллинга, он не дает ответа на вопрос о причинах буллинга.

Несмотря на большое число публикаций, посвященных динамике буллинга и анализу эффективности профилактических мер, часть вопросов в связи с буллингом не находит ответов в этих теориях. Среди таких вопросов можно назвать следующие.

• Что побуждает детей и даже учителей присоединяться к буллингу, хотя они знают, что это недопустимое, неподходящее поведение, и оно противоречит их ценностям?

• Почему буллинг обладает такой устойчивостью?

• Почему буллинг держится в секрете?

• Почему наказание агрессоров не является необходимой и достаточной мерой профилактики буллинга?

ПИЛОТНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВОВ ЧТЕНИЯ ФАНФИКШН-ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДИ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д.Р. Валиахметова, Д.В. Щелканова, О.Р. Михайлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Фанфикшн — это написанные, как правило, непрофессиональными авторами тексты на основе популярных артефактов массовой культуры. На сегодняшний момент существует множество электронных площадок, на которых публикуются русскоязычные работы фикрайтеров (писателей фанфикшн). Студенты являются основными потребителями подобного рода культурных продуктов, однако в научном дискурсе почти не представлено работ, описывающих причины, по которым фанфикшн-тексты интересны молодежной аудитории, а также как именно молодежь взаимодействует с фанфикшн-литературой. В настоящих тезисах описываются результаты пилотного анализа читательских практик и мотивов чтения фанфикшн, проведенного путем формализованного онлайн-опроса и интервью с 27 студентами. В классификацию мотивов вошли следующие типы: связанные с участием в фандоме; хобби и хорошее развлечение; эмоциональные; развитие воображения и улучшение навыков написания фанфикшн-текстов. Аспекты читательских практик, встречающихся среди потребителей фанфикшн, описаны и предложены к измерению после ознакомления с интернет-страницами, где размещены фанфикшн-тексты.

Ключевые слова: фанфикшн, мотивы чтения фанфикшн, читательские практики, студенты, молодежь.

Фанфикшн — это тексты, написанные на основе популярных артефактов массовой культуры, как правило, непрофессиональными авторами, не претендующими на публикацию в издательстве за денежное вознаграждение (Горалик, 2003). Ключевым компонентом в фанфикшн являются взаимоотношения между читателем и писателем, их общение посредством обратной связи. На сегодняшний момент существует множество русскоязычных электронных площадок, на которых публикуются работы фикрайтеров (писателей фанфикшн): Ficbook.net, Fanfics.me, Wattpad.com, Fanfiction и другие. В марте 2020 года месячная аудитория первых двух упомянутых выше площадок составила в сумме 7,5 миллионов пользователей и продолжает увеличиваться (Мурашова, Лебеденко, Ересь, 2020). Если говорить о возрастных характеристиках, доля людей в возрасте от 18 до 24 составляет 24,86% аудитории Ficbook и 20,88% аудитории Fanfics.me, однако самая представленная группа на

обоих сайтах — от 25 до 34, которая составляет 38,14% и 34,07% соответственно. Наиболее активными читателями фанфикшн произведений считаются студенты (Розанов, 2010).

Несмотря на распространенность фанфикшн как в России, так и за рубежом, этот феномен остается мало изученным и в особенности в связи с молодежью. Первые крупные работы, посвященные фанфикшн, появились в 1980-х годах, одним из их авторов является Г. Дженкинс (Jenkins, 1992). Именно на его исследования до сих пор ссылаются ученые, занимающиеся феноменом фанфикшн, однако изучение мотивов чтения редко находится в фокусе их научной деятельности.

Целью нашего научного проекта является выявление мотивов чтения фанфикшн среди студенческой молодежи г. Москва (18–25), а также анализ особенностей читательских практик в связи с социально-демографическими характеристиками студентов. К последним мы относим возраст, пол, направление подготовки обучения, а также наличие работы (полный рабочий день; неполный рабочий день; ненормированный рабочий день) или ее отсутствие.

Первым шагом для создания опроса являлся анализ встречающихся в научной литературе по культурологии и социологии литературы классификаций мотивов. Мы составили авторскую типологию мотивов, объединив мотивы, выделенные в работах Н. Самутиной и С. Силен. Итоговая классификация включает мотивы, связанные с участием в фандоме (желание вновь погрузиться в любимый вымышленный мир; восполнение пробелов в оригинальном произведении авторами фанфикшн-текстов; напряжение соотнесения с каноном); хобби и хорошее развлечение; эмоциональные (эскапизм; узнавание себя в персонажах и получение знаний о себе; сексуальное удовольствие; шок) и развитие воображения и улучшение навыков написания фанфикшн-текстов (в том числе обучение на ошибках других). Основываясь на этой типологии, мы составили 17 вопросов.

Следующим этапом было формирование пула суждений о распространенных среди читателей практиках чтения. Для его создания мы обратились к двум российским платформам размещения фанфикшн-текстов: Ficbook.net (существует с 2009 года) и Fanfics.me (с 2004 года). После ознакомления с интерфейсом поиска фанфикшн-произведений были выделены следующие аспекты читательских практик, которые встречаются в сфере фанфикшн: частота чтения (число дней в месяц); размер читаемых произведений (мини — до 20 страниц; миди — от 20 до 70 страниц; макси — от 70 страниц и больше); направленность (гет — отношения между мужчиной и женщиной; слэш — отношения между персонажами мужского пола; джен — история без упора на отношениях; фемслэш — отношения между персонажами женского пола); рейтинг фанфикшн-произведений (G — можно читать любой аудитории; PG-13 — романтические отношения на уровне поцелуев / намеки на насилие;

R — присутствуют эротические сцены / насилие без детального описания; NC-17 — присутствуют детальное описание эротических сцен / насилия; NC-21 — очень высок уровень насилия / жестокости / подробного описания эротических сцен) и предпочтение «ориджинал-фандомная работа» (ориджинал — оригинальная работа, написанная без заимствования героев и сюжета из других произведений; фандомная работа — работа, основанная на других оригинальных произведениях). Дополнительно в качестве характеристики читательских практик была выделена вовлеченность в фанфикшн-сообщество. Вовлеченность — многомерный признак, который включает в себя оценку фанфикшн-текстов, креативный контент по фанфикшн-произведениям, обсуждение фанфикшн, писательство, отношение к авторам фанфикшн-текста и к феномену фанфикшн в целом. На основе этих категорий было составлено 18 суждений, которые позволят нам измерить вовлеченность в процентном соотношении.

Затем было проведено пилотирование анкеты. На первом этапе осуществлялся теоретический пилотаж с двумя экспертами с целью распознать основные несовершенства в компоновке анкеты с точки зрения методов социологического исследования. Следующий этап был эмпирическим и заключался в выявлении содержательных ошибок анкеты — всего участвовало 27 человек. Итоговая анкета включает 5 блоков (фильтрующие вопросы; вопросы про читательские практики в сфере фанфикшн; вопросы о мотивах чтения фанфикшн; вопросы о социально-демографических характеристиках респондента; контактные данные респондента, заполняемые по желанию) и 18 вопросов (в блоке с читательскими практиками присутствует вопрос про вовлеченность, который представляет собой список из 18 суждений; в блоке мотивов 17 вопросов, оформленных в виде таблицы в итоговой анкете).

На нынешнем шаге нашего исследования мы находимся в процессе сбора данных, анализ которых еще предстоит провести впоследствии. Однако даже сейчас мы можем утверждать, что выделенные нами мотивы на основе качественных исследований предшественников действительно довольно распространены среди студенческой московской молодежи. Все это может приводить к выводу о том, что отечественное фанфикшн-сообщество, осуществило прямую рецепцию зарубежных практик. Вместе с тем только дальнейшее качественное исследование может окончательно помочь подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу.

Финансирование. Исследование проводится в рамках стратегического проекта НИУ ВШЭ «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире».

Литература

Горалик Л. Как размножаются Малфои. Жанр «фэнфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом // Новый мир. 2003. № 12.

Мурашова А., Лебеденко С., Ересь Л. Фанфикшн и его читатели: о причинах популярности фанфиков // Читатель в школе. М.: Библиомир, 2020. С. 190–196.

Розанов К.А. Студенческая жизнь в новейшей российской интернет-литературе: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Саратов: Саратов гос. ун-т, 2010.

Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture. NY: Routledge, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УБЕЖДЕНИЙ УЧИТЕЛЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКА

П.А. Гавриленко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Учителя являются ключевыми фигурами в развитии самостоятельности ребенка в школе. Ввиду зонтичности самого феномена и высокого уровня контроля за поведением ребенка в школе, представляется важным изучить, каково содержание убеждений учителей о самостоятельности и практиках её поддержки, и каковы особенности этих убеждений. В результате было выделено три группы убеждений, различающихся по типу мышления и характеру практик. В первую группу попали учителя, чьи убеждения были слабо отрефлексированы, а практики носили воспроизводящий характер. Учителя, чьи убеждения попали во вторую группу, имели неустойчивый характер убеждений, им тяжело было артикулировать практики поддержки самостоятельности. Третья группа характеризуется ясно сформулированной позицией относительно самостоятельности ребенка в школе. Практики по её поддержке были почти революционными, что приводило к институциональному давлению в лице коллег и администрации школы. Автор делает вывод о наличии возможностей у учителей для развития самостоятельности детей, однако большинство ограничений связаны с особенностями убеждений педагогов, либо не готовых менять свои убеждения, и как следствие свои практики, либо не готовые рисковать чувством онтологической безопасности и противостоять давлению коллег и администрации.

Ключевые слова: убеждения педагогов; автономное обучение, самостоятельность, агентность школьника, институт школы.

В последнее время тема самостоятельности ребенка в образовании приковывает внимание как практиков, так и ученых (Patall, Zambrano, 2019; Soenens и др., 2017). Учителя играют ключевую роль в развитии необходимых качеств ребенка (Sanders et al., 1996). В настоящее время в рамках изучения роли учителя в развитии самостоятельности в школьном образовании можно выделить два корпуса таких исследований. Первый корпус связан с изучением создаваемых педагогом условий, от которых зависит уровень самостоятельности ребенка. Второй корпус исследований связан с изучением убеждений учителей. Несмотря на достигнутое единство в том, что самостоятельность ребенка важный образовательный результат, существует ряд весомых ограничений для её развития: дисциплинарная культура в школах, низкий уровень поддержки автономии со стороны учителей, ориентация

на предметный результат. Мы сфокусировались на изучении содержания и особенностей убеждений учителей, поскольку есть немало исследований, подтверждающих определяющую роль убеждений учителей в части реализации реформ и иных инноваций (Levin, Nevo, 2009). Мы рассмотрели убеждения на двух уровнях: содержания (что думают учителя о самостоятельности и практиках её поддержки) и особенностей (как думают и как говорят учителя о самостоятельности и о своих практиках). На уровне содержания нас интересовало, какими смыслами наполняют этот феномен учителя, какие видят ограничения, как реализуют свои убеждения на практике, каков характер этих практик с точки зрения готовности/ неготовности учителей воспроизводить устоявшиеся институциональные порядки. На уровне особенностей убеждений было важным понять, в какой степени учителя осознают ограничения, готовы пересмотреть свои убеждения о самостоятельности. Для анализа содержания и особенностей убеждений мы обратились к теории высокого уровня. Э. Гидденс в своей теории структурации наделяет человека способностью не только воспроизводить институциональные практики, но и их трансформировать, в зависимости от доминирующего типа сознания (Гидденс, 2005). В основе первого типа действия (репродуктивного) лежит практический тип сознания. Мышление его носителя — инертное, стереотипное. Человек не способен артикулировать мотивы своих действий, но при этом он действует больше привычным образом. Так человек может действовать, но не задумываться, почему он действовал именно так. В основе второго типа действия (продуктивного) лежит дискурсивный способ мышления или тип сознания. Такое мышление рефлексивно, рационально, критично. Именно способность к артикуляции и рефлексии позволяет осознать воспроизводящий характер своих действий и при наличии возможностей и желания, инициировать социальные изменения. Также был использован подход Green, различающий убеждения по устойчивости на основные и периферийные (Green,1971). Убеждения в этом исследовании — когнитивные и аффективные представления о мире и о причинах происходящего в нем (Richardson, 2003). Эти представления могут быть нелогичными, но они «истинны» для индивидуума. Под самостоятельностью мы будем понимать многогранный феномен, который отражен в нескольких теоретических подходах и концепциях: autonomous learning, student agency, self regulated learning, личностная автономия.

Методы и данные. Использовалась качественная методология. Было собрано 20 интервью. Выборка была построена по принципу максимальной вариации кейсов. При анализе данных использовался тематический анализ (Kvale, 2003). Интервью были транскрибированы, закодированы с помощью программы MAXQDA.

Результаты. В данной работе мы ставили целью изучить убеждения школьных учителей о самостоятельности ребенка, предполагая, что основные условия для её развития

связаны с особым статусом учителя в школе. Он, как ключевая фигура в системе школьного образования, может быть проводником перемен на институциональном уровне, а может воспроизводить укоренившиеся практики, которые препятствуют развитию самостоятельности. В результате категоризации убеждений удалось выяснить следующее.

- В школе есть возможности для развития самостоятельности. Не все учителя их осознают и пользуются ими.
- Способность учителя к артикуляции и рефлексии — необходимое условие для пересмотра своих собственных убеждений и практик, лежащие в основе как трансформации существующих структурных правил, так и поддержки нововведений сверху.
- Основные ограничения для поддержки самостоятельности детей в школе связаны с недостаточно отрефлексированными действиями учителя; его устойчивыми убеждениями относительно той самостоятельности, которая развивается средствами урока, и только так; отсутствием поддержки педагогов со стороны коллег, родителей и администрации школы, заинтересованных в развитии самостоятельности и внеурочными средствами.
- Увеличение смыслового диапазона понятия самостоятельности происходило пропорционально расширению полагания школы как образовательного пространства. Учителя, заинтересованные в поддержке решений, интересов ребенка, видели и маркировали новые места и виды деятельности как возможные условия для её развития.
- Континуум смыслов от узкого, как самостоятельное выполнение учебных заданий, до широкого, как осознанность и инициативность, нарастает от первого к третьей группе убеждений. Равнозначно нарастало и понимание дефицитов для развития самостоятельности. Если в первой группе практически не было артикулированных ограничений, то при приближении к третьей группе мы обнаруживаем в содержании убеждений образовательную тесноту школы.

Данное исследование стоит учитывать при внедрении образовательных нововведений. Несмотря на долгий период существования новых стандартов, в которых явно постулируется необходимость развития самостоятельности и ответственности, провозглашается особая роль внеурочной и проектной деятельности, среди учителей по-прежнему доминируют представления о высокой значимости предметных знаний и ориентация на высокие академические результаты. Сами убеждения педагогов могут быть как источником позитивных изменений, так и серьезным ограничением. Возможно, процесс внедрения новых требований стоит сопровождать повышением осведомленности педагогов через курсы повышения квалификации, тренинги, участие в исследовательских проектах или так называемых action research с фокусом на развитие способностей к рефлексии и артикуляции.

Литература

Гидденс Э. Социология. Учебник. Изд 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009. 304 с.

Green J.R. Kinesics in the foreign-language classroom. Focus reports on the teaching of foreign languages. Number 24.1971.

Levin T., Nevo Y. Exploring teachers' views on learning and teaching in the context of a trans-disciplinary curriculum // Journal of Curriculum Studies. 2009. No. 41(4). P. 439–465.

Soenens B., Vansteenkiste M., van Petegem S. Autonomy in adolescent development: Towards conceptual clarity // Psychology Press, 2017.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИАКОНТЕНТА, ПОСВЯЩЕННОГО СЕРИЙНЫМ УБИЙЦАМ, СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.В. Гулина, Л.А. Любич, Д.А. Осокина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В тезисах приведены предварительные результаты качественного исследования мотивов потребления контента о серийных убийцах среди российской молодежи. По результатам 26 полуструктурированных интервью с молодежью от 18 до 35 лет из 11 регионов России, можно утверждать, что российская молодежь потребляет медиаконтент о серийных убийцах в основном потому, что нуждается в переживании сильных эмоций и хочет маркировать собственную нормальность.

Ключевые слова: мотивы, медиапотребление, медиаконтент, серийные убийцы, молодежь.

Среди современных молодых россиян пользуется популярностью медиаконтент, посвященный серийным убийцам, и, хотя серийное убийство входит в категорию редко совершаемых преступлений в РФ, данный тип убийств часто освещается в российских и зарубежных медиа (Вартанова, Коломийц, 2020). В результате получается, что существенная часть российского молодого населения регулярно и опосредованно, то есть через медиаканалы, переживают нечасто встречающиеся в повседневной реальности события. На данный момент практически отсутствуют научные исследования, которые бы объясняли интерес к серийным убийцам среди жителей России, и поэтому не очень понятно, что обусловливает интерес российской молодежи к подобному медиаконтенту. Тем не менее попытки ее изучения осуществлялись журналистами и авторами научно-популярной литературы. Так, например, 25 октября 2021 года в интернет-журнале «Нож» вышла статья под названием «Тру-крайм-порно: почему поп-культура превращает серийных убийц в медиа звезд», похожая публикация под названием «Почему нам так нравятся истории о маньяках и убийцах и как это помогает расслабиться?» размещалась на сайте книжного магазина «Лабиринт». Видео на эту тематику выходило и на видеохостинге YouTube на канале VNNV, посвященному тематике тру-крайм.

Цель настоящего исследования заключается в научном анализе мотивов, которые стоят за потреблением медиаконтента, посвященного серийным убийцам среди российской молодежи от 18 до 35 лет. В качестве методов сбора информации о мотивах используются

полуструктурированные качественные интервью. Для анализа полученных данных будет применяться тематический качественный анализ.

Под мотивом понимается комплекс субъективных значений, которые представляются действующему лицу или наблюдателю адекватной основой поведения. Ключевыми мотивами потребления контента о серийных убийцах, выделенными на основе литературы, которые мы ожидали встретить у российской молодежи, были страх виктимизации и консьюмеризм. Мотив консьюмеризма означает, что люди нуждаются в постоянной стимуляции эмоций для удовольствия, причем не важно — положительных или отрицательных, человек становится «серийным потребителем», который эстетизирует жестокость, не проводя различие между реальным маньяком и его медиа-изображением (Campbell, 1987; Jarvis, 2007). Страх виктимизации как мотив предполагает, что контент про серийных убийц становится источником знаний о стратегиях поведения серийных убийц и способов защиты от них.

В марте-апреле 2023 года для проверки предположений о мотивах мы провели 26 интервью. Гайд состоял из вопросов о социально-демографических характеристиках информантов, особенностях потребления контента о серийных убийцах, истории увлечения контентом о серийных убийцах, мотивах потребления, идентичности в связи сообществом потребителей контента о серийных убийцах, образе серийного убийцы и отношении к насилию и жертвам серийных убийц. Средняя длительность интервью составила 71 минуту. Выборку составили люди от 18 до 35 лет из 11 различных городов России. Потребителями контента о серийных убийцах в основном являются девушки, поэтому их представленность в выборке выше, однако из 26 интервью 8 были проведены с мужчинами. Точками входа являлись сообщества в социальной сети ВКонтакте, посвященные серийным убийцам или контенту о них.

Предварительные результаты анализа транскриптов интервью показывают, что информанты в большинстве своем действительно удовлетворяют потребность в переживании сильных эмоций, в особенности страха, отмечая, что контролируемость переживаемых эмоциональных потрясений помогает трансформировать страх в «приятный» и «расслабляющий» (мотив консьюмеризма). При этом участники исследования проводят различие между жанром ужасов и контентом о серийных убийцах (вне зависимости от своего отношения к первому), объясняя это тем, что серийные убийцы — реальные люди, которые «есть среди нас», а, значит, чувство опасности более приближено к жизни. В то же время очень небольшое число информантов признают эстетизацию насилия в подобном контенте. Наоборот, они предпочитают отгораживать себя от романтизации образа серийных убийц, подчеркивая либо свое осуждение эстетизированных аспектов контента, либо проводя строгое

различение между реальностью и медиа-изображением преступлений и убийц. Важно, что почти всех информантов привлекал психологический аспект подобного контента, будь то попытка понять, что привело серийного убийцу к таким поступкам, или динамика противостояния героев внутри истории (например, детектива и убийцы). Более того, иногда подобный контент становится маркером собственной нормальности, который позволяет информантам сравнить свое эмоциональное состояние с состоянием убийц, Других. В этом смысле референтность серийных убийц проявилась в неожиданном и ранее неосознаваемом исследователями виде: как отрицательная референтная группа, схожесть с которой заставляет менять свое поведение и корректировать представления о норме.

Виктимизация также оказалась одним из самых распространенных мотивов потребления контента, но контент не является источником знаний о конкретных способах защиты, скорее, повышает общую осведомленность и создает иллюзорную уверенность в возможности защититься или выявить маньяка раньше, чем он нападет.

Помимо консюмеризма и виктимизации среди молодых людей обнаружилось еще несколько мотивов, например, расследовательский. Расследовательский мотив или «мотив Скуби-Ду» роднит контент о серийных убийцах с жанром детектива и часто проявляется у тех информантов, что в детстве читали книги в жанре детектива (произведения Артура Конан Дойля, книги Агаты Кристи и т.д.) или смотрели детективные сериалы и программы, в особенности «Следствие вели с Леонидом Каневским» или «Криминальную Россию», хотя установить силу взаимосвязи этих потребительских практик в рамках нашего исследования трудно.

Наконец, часть информантов действительно создают свою особую, уникальную идентичность на основе потребления подобного контента, заявляя, что такой контент не для всех, они особенно делают упор на том, что являются поклонниками «контента о серийных убийцах, а не самих убийц» в целом. В связи с этим они приписывают себе качества особенных фанатов, которые в самом контенте о серийных убийцах предпочитают более элитарные формы и более глубоко анализируют их.

Финансирование. Исследование проводилось при поддержке стратегического проекта НИУ ВШЭ «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире».

Литература

Вартанова Е.Л., Коломийц В.П. Телевидение в России в 2019 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. 2020. 52 с.

Campbell C. The romantic ethic and the spirit of modern consumerism. Oxford, Basil Blackwell, 1987.

Douglas J.E. et al. Crime classification manual: A standard system for investigating and classifying violent crime. John Wiley & Sons, 2013.

Jarvis B. Monsters Inc.: Serial killers and consumer culture // Crime, Media, Culture. 2007. No. 3(3). P. 326–44.

King A. Serial killing and the postmodern self // History of the Human Sciences. 2006. No. 19(3). P. 109–25.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕЖИВАНИИ АУТЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ В ПЕРИОД «СТАНОВЯЩЕЙСЯ ВЗРОСЛОСТИ»

В.Г. Ерофеева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Изучаются гендерные различия в восприятии других людей при переживании аутентичности в период «становящейся взрослости». Юноши чаще отмечали, что другие помогают или не влияют, а девушки — что другие мешают понять себя и что роль других зависит от качества отношений с ними. Все информанты связывают поддержку и принятие с развитием аутентичности, а осуждение — с отчуждением.

Ключевые слова: аутентичность, «становящаяся взрослость», гендерные различия, подлинное Я, ложное Я, идентичность, интерперсональный контекст, социальная поддержка, одиночество.

«Становящаяся взрослость» — это период в жизни молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, который характеризуется следующими чертами — сосредоточенностью на себе, нестабильностью, ощущением себя между подростковым возрастом и взрослым, исследованием идентичности и оптимистичным ощущением будущих возможностей (Arnett, 2015). Это сложное и полное противоречий время, потому что, с одной стороны, юноши и девушки с интересом относятся к себе и узнают себя, с другой стороны, они много взаимодействуют в интерперсональном контексте, что может привести к утрате подлинного Я.

Обретение статуса взрослого происходит через освоение социальных ролей и принятие на себя ответственности. Хотя молодые люди стремятся сепарироваться от родительской семьи, они оказываются психологически не готовы к таким переменам и нуждаются в помощи близких.

В период «становящейся взрослости» юноши и девушки экспериментируют со своей идентичностью, из-за чего возникает опасность для отчуждения от подлинного Я и создание ложного. Они много мечтают, но если их ожидания не оправдываются, то они разочаровываются в жизни и чувствуют себя несчастными (Arnett, 2015). Молодые люди используют разные стратегии для восстановления своего уровня благополучия. Например, они могут постоянно пробовать что-то новое без соотнесения со своими интересами и ценностями. Или они могут активно социализироваться и стать похожими на других людей. Или они могут занять мета-позицию, с интересом отнестись к своему опыту и понять, что им

подходит. Первые две стратегии могут привести к размыванию своего Я среди других и созданию ложного Я, в то время как последняя может способствовать формированию подлинного Я.

Аутентичность — это способность человека быть самим собой, доверять себе и выстраивать личную жизненную траекторию (Kernis et al., 2006; Wood et al., 2008). Согласно гуманистическому подходу, аутентичность понимается как соответствие первичного опыта человека, его сознания, реального общения и поведения, которое утрачивается из-за влияния извне. Отчуждение от своих чувств приводит к отказу от своего Я, поэтому влияние других людей может восприниматься как угроза для утраты подлинного Я (Wood et al., 2008). Согласно экзистенциальному подходу, аутентичность рассматривается как согласованность мыслей, чувств, поведения и самоотношения человека. Однако в этой парадигме другие люди помогают аутентичности сформироваться (Kernis et al., 2006).

В теории самодетерминации аутентичность не изучается напрямую, но потребность в автономии рассматривается как родственное понятие — аутентичное Я положительно с ней связано (Ryan et al., 2019; Wood et al., 2008). Автономия подразумевает регулирование своего Я таким образом, что человек чувствует, что его поведение отражает его ценности. Наряду с потребностью в автономии выделяется ещё одна психологическая потребность, необходимая для развития подлинного Я, — построение доверительных отношений с другими людьми. Удовлетворение потребностей в социальном контексте влияет на верность своим ценностям, что в свою очередь положительно влияет на аутентичность (Ryan et al., 2019).

Итак, роль других людей оказывается противоречивой в рассматриваемых подходах: они могут либо мешать человеку узнать себя, либо помогать понять себя. Вместе с тем у людей есть потребность в связи с другими, а период «становящейся взрослости» предоставляет контекст социализации: молодые люди выстраивают новый тип отношений со своими родителями, выбирают друзей и партнёров для романтических отношений, взаимодействуют с коллегами. Характер отношений с другими также может меняться в зависимости от гендера, хотя пока имеется недостаточно данных, чтобы можно было сделать однозначные выводы. Поэтому исследовательский вопрос касался изучения гендерных различий в восприятии роли других людей при переживании аутентичности в период «становящейся взрослости».

Выборку составили 150 юношей и девушек в возрасте от 18 до 23 лет, которые были разделены на две эквивалентные группы по гендерному признаку. Их попросили подумать о роли других людей в их жизни и своих ощущениях рядом с ними. Опрос проводился анонимно в письменной форме. Данные анализировались с помощью индуктивного

качественного контент-анализа. В полученных ответах выделялись коды, после этого кодировался весь массив данных, по каждой категории подсчитывались частоты (Mayring, 2019). Наконец, для анализа гендерных различий рассчитывался критерий Хи-квадрат.

Гендерные различия при оценке роли других людей являются статистически значимыми: $\chi^2 = 15{,}179$, df = 3, p = 0,00167. Выделились четыре категории — помощь в понимании себя, навязчивое внешнее влияние, отсутствие влияния и дифференциация роли в зависимости от человека. Самой частотной стала помощь других людей в понимании себя. 89 информантов ответили, что благодаря другим они могут узнать себя, причём молодые люди называли эту роль чаще, чем девушки. В свою очередь девушки чаще, чем юноши, отвечали, что другие люди или мешают, или могут играть разные роли в зависимости от их поведения при общении. Только молодые люди отмечали, что другие люди никак не влияют на их понимание себя.

При описании помощи выделилось две группы ситуаций — сравнение себя с другими и поддержка. В ситуациях сравнения себя другие люди выступают в роли зеркала, в котором можно увидеть свои сходства и различия с ними и осознать свою уникальность. При общении можно узнать о своих реакциях, эмоциях и ценностях. Также другие помогают, когда юноши и девушки учатся каким-то навыкам или формируют своё мировоззрение. Кроме того, информанты отметили, что они могут быть собой, если другие люди поддерживают их, что выражается в эмоциональной близости, принятии и объяснении их состояний.

Тем не менее, внешнее влияние не всегда позволяет раскрыться аутентичному Я. Сформировалось три группы ситуаций, в которых другие люди мешают понять себя. Во-первых, информанты отчуждаются от себя, когда им приходится соответствовать ожиданиям, чтобы построить отношения. Во-вторых, сравнивая себя с более успешными людьми, юноши и девушки чувствуют неудовлетворение собой и формируют ложное Я, которое выражается в отчуждении от себя и стремлении стать похожими на других. Наконец, информантам трудно общаться, когда другие люди агрессивно высказывают свою точку зрения и не признают ценность индивидуального опыта.

Однако гендерные различия, касающиеся ощущений при взаимодействии с другими людьми, не являются статически значимыми: $\chi^2 = 4{,}8672$, df = 5, p = 0,4323. При анализе ответов на этот вопрос сформировалось шесть категорий — одинаковые чувства, лучше наедине с собой, лучше рядом с другими, зависит от человека, зависит от состояния, разные чувства (без пояснений). Самой частотной оказалась категория — зависит от человека. Информанты отвечали, что чувствуют себя собой, если находятся с людьми, с которыми они имеют близкие и доверительные отношениях. В окружении остальных они переживают

себя иначе: они скрывают свои чувства, из-за чего меняется их поведение, что приводит к формированию ложного Я.

Следующей по частотности стала категория «одинаковые чувства». У таких информантов нет расхождений в самовыражении, причём это не зависит от того, в какой компании они находятся. Также некоторые информанты предпочитают уединение, чтобы не переживать отчуждение от своего Я, в то время как другие с трудом переносят одиночество, поэтому ищут социальную поддержку. У некоторых информантов нет устойчивых паттернов, их переживание аутентичности зависит от своего состояния и потребностей в уединении или общении с другими.

Итак, полученные результаты подтверждают противоречивую роль других людей, обозначенную в современных теориях аутентичности. С одной стороны, в соответствии с экзистенциальным подходом и теорией самодетерминации, другие люди могут помочь исследовать и понять себя. С другой стороны, в соответствии с гуманистическим подходом, влияние других людей может приводить к искажениям в самовосприятии и потере фокуса на своём Я. Ключевой вывод этого исследования состоит в том, что качество отношений, которые юноши и девушки выстраивают с другими людьми, воспринимается как ключевой фактор для переживания аутентичности в интерперсональном контексте. Если молодые люди получают поддержку и принятие, то они могут проявлять подлинное Я. Если они чувствуют осуждение и критику, то стремятся или предъявлять ложное Я, или отдаляться от других.

Таким образом, три теоретических подхода находят своё отражение в полученных результатах. Юноши чаще считают, что другие им помогают понять себя, в то время как девушки избегают однозначных оценок или считают, что другие мешают. Информанты из обеих групп отмечали, что субъективная близость с другими приводит к переживанию аутентичности. Но иногда отношения с другими могут рассматриваться как защита от знакомства с подлинным Я, в то время как одиночество может быть стратегией для сохранения подлинного Я.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект №20-18-00262.

Литература

Arnett J.J. The Oxford handbook of emerging adulthood. Oxford University Press, 2015.

Goldman B.M., Kernis, M.H. The role of authenticity in healthy psychological functioning and subjective well-being // Annals of the American Psychotherapy Association. 2002. No. 5(6). P. 18–20.

Kernis M.H., Goldman B.M. A multicomponent conceptualization of authenticity: Theory and research. Advances in experimental social psychology. 2006. No. 38. P. 283–357.

Mayring P. Qualitative content analysis: Demarcation, varieties, developments. 2019. No. 2(3). P. 1–26.

Ryan R.M., Deci, E.L. Brick by brick: The origins, development, and future of self-determination theory // Advances in motivation science. 2019. No. 6. P. 111–156.

ВОСПРИЯТИЕ МОРАЛЬНОЙ АТМОСФЕРЫ ВУЗА И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ СТУДЕНТОВ

Д.С. Закревская, Т.Ю. Садовникова

ФГОУ ВПО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

В статье представлено эмпирическое исследование восприятия студентами моральной атмосферы вуза на основе авторской модификации для студентов юношеского возраста методики SMAQ (School Moral Atmosphere Questionnaire), апробированной в диссертационной работе Т.Ю. Садовниковой (2005). Изучены особенности эмоциональной саморегуляции студентов. Предложена типология эмоциональной саморегуляции студентов. Выполнен сравнительный анализ восприятия студентами МА вуза при различных типах эмоциональной саморегуляции. Гипотеза исследования нашла подтверждение.

Ключевые слова: юношеский возраст, восприятие моральной атмосферы вуза, эмоциональная саморегуляция, самоопределение, задачи развития возраста.

В юношеском возрасте происходит окончательное становление ценностной сферы личности, продолжается развитие эмоциональной сферы личности, в том числе процессов эмоциональной саморегуляции личности (М.Р. Гинзбург, Н.А. Журавлева, С.В. Молчанов, Д.А. Подольский, М.А. Падун, А.А. Панкратова). Эмоциональная саморегуляция в современной психологии определяется как совокупность психических процессов, механизмов и регуляторных стратегий, используемых человеком для поддержания интенсивности эмоциональных реакций на оптимальном уровне, сохранении способности к продуктивной деятельности и управления собственными эмоциональными переживаниями (Падун, 2010; Первичко, 2015).

Центральными задачами развития (Р. Хейвигхерст) юношеского возраста выступают профессиональное самоопределение, постановка задач в области образования и карьеры, выработка системы ценностей, формирование мировоззрения, становление автономии и независимости от родителей, совершенствование самосознания и рефлексии, освоение и интеграция социальных функций и ролей (Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, Г. Крайг, С.В. Молчанов, А.М. Прихожан, Н.С. Пряжников, Ф. Райс, Х. Ремшмидт).

В современной России значительная часть выпускников школы, людей юношеского возраста, продолжает обучение в вузах и ссузах. Развитие личности студента широко исследуется в отечественной психологии. В фокусе внимания исследователей находятся, в частности, такие проблемы, как становление отношений в учебной группе,

экзаменационный стресс, трудности адаптации к обучению. Специалисты отмечают дефицит работ, посвященных изучению восприятия учащимися психологического климата учебного заведения. Особенности образовательной среды являются важным фактором развития личности студента, выступая компонентом социальной ситуации развития (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, О.А. Карабанова) учащегося. Школьный климат, как показали Т.А. Чиркина и Т.Е. Хавенсон (2017), является устойчивым во времени фактором. A. Thapa с коллегами (2013) выделяют пять основных аспектов школьного климата: 1) безопасность (включая физическую безопасность, эмоциональную безопасность, а также правила и нормы); 2) отношения (включая взаимное уважение и толерантность, социальную поддержку, и восприятие школьного климата); 3) преподавание и обучение; 4) институциональная среда (физические характеристики и материальное обеспечение школы); 5) процесс совершенствования школы.

Одна из наиболее разработанных теорий морального развития принадлежит американскому психологу Л. Кольбергу (L.Kohlberg), который совместно с коллегами показал, что моральная культура образовательного учреждения выступает фактором морального развития личности. Была разработана концепция Справедливого Сообщества, построенного на реализации демократических ценностей, принципах справедливости и равноправия членов сообщества (Power, Higgins, Kohlberg, 1989). Понятие «моральная атмосфера школы» является одним их ключевых в теории Л. Кольберга. В методике диагностики восприятия учениками моральной атмосферы школы (SMAQ — School Moral Atmosphere Questionnaire), апробированной в рамках диссертационной работы Т.Ю. Садовниковой (2005), выполненной под научным руководством О.А. Карабановой, выделены три параметра оценки МА школы: 1) оценка школы, 2) нормы, регулирующие отношения в школе как в сообществе, 3) демократия (Карабанова, Садовникова, 2011). Восприятие МА школы определяется как субъективное отражение и переживание учащимся принятых в учебном заведении правил, норм, принципов и отношений. С точки зрения культурно-исторической психологии, восприятие МА учебного заведения является процессом активной ориентировки человека, по П.Я. Гальперину (2003), в системе норм и правил данной социальной группы, и, следовательно, может рассматриваться, как компонент социальной ситуации развития (Карабанова, Садовникова, 2011).

Являясь, по выражению Б.Г. Ананьева, завершающим этапом социализации, юношеский возраст связан с формированием системы ценностей. Способность человека ориентироваться на ценности — это механизм саморегуляции. Таким образом, саморегуляция, опосредуется через ценности, которые усваивает и интериоризирует человек.

Можно предположить, что по уровню морального развития большинство учащихся вузов и ссузов находятся на трех последних стадиях морального развития, выделенных Л. Кольбергом: на стадии ориентации на социальный закон и порядок, на стадии социального контракта на основе учета прав личности, либо на стадии универсальных этических принципов.

В нашем исследовании использована авторская модификация методики SMAQ_m для изучения восприятия МА вузов и ссузов респондентами юношеского возраста, выполненная в рамках курсовой работы Д.С. Закревской (2021), выполненной под руководством Т.Ю. Садовниковой. Модификация методики SMAQ была направлена на ее изменение с учетом задач развития юношеского возраста, предполагаемого уровня морального развития, а также отличий объективных характеристик учебной деятельности студентов в вузе от учебы в школе. Были изменены формулировки вопросов и названия шкал. Мы добавили в Шкалу 1 «Вуз как сообщество» стадию 5 «Нормативное сообщество». Добавлена Шкала 4 «Профессиональное самоопределение и развитие». Психометрические характеристики SMAQ_m, оказались, по А.Д. Наследову (2004), приемлемыми.

Мы предположили, что существует связь между восприятием моральной атмосферы вуза и особенностями эмоциональной саморегуляции студентов.

Методики. 1. Анкета для сбора социально-демографических данных. 2. Методика, направленная на выявление восприятия МА вуза (SMAQ-m). 3. Методика исследования эмоциональной саморегуляции (ERQ-CA). 4. Методика исследования трудностей эмоциональной регуляции (DERS). 5. Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ-98» В.И. Моросановой (2004).

Выборка. В исследовании приняли участие 60 человек, студенты российских вузов 1–4 курсов. Из них 44 девушки (73%) и 16 юношей (27%). Возраст респондентов варьируется от 17 до 24 лет, средний возраст 19,8 лет.

Основные результаты. Анализ результатов методики ERQ, показал, что студенты, в среднем, несколько чаще используют стратегию когнитивной переоценки для регуляции своего эмоционального состояния. Девушки несколько чаще используют стратегию когнитивной переоценки, а юноши — стратегию подавления экспрессии, различия не являются статистически значимыми. Студенты младших курсов используют обе стратегии, в среднем, чаще, чем студенты старших курсов. Данное различие является *статистически значимым*, однако учитывая особенности нашей выборки их нельзя однозначно трактовать как возрастные.

Согласно данным методики, направленной на диагностику трудностей эмоциональной регуляции (DERS-16), наибольшие трудности у студентов нашей выборки связаны с

проблемами поддержания целенаправленного поведения в эмоциогенных ситуациях. Относительно меньшие трудности связаны с использованием стратегий регулирования эмоций. По данной методике найдены гендерные различия. В целом девушки имеют более высокие показатели по всем шкалам данной методики, что говорит о более выраженных у них проблемах эмоциональной регуляции по сравнению с юношами. Значимыми являются различия между юношами и девушками по шкале «Трудности сдерживания импульсивных реакций», по шкале «Общий показатель трудностей эмоциональной регуляции», а также на уровне тенденции по Шкале 2 «Трудности в поддержании целенаправленной деятельности». Возрастных различий по этой методике не обнаружено.

Методом кластерного анализа выделены три группы студентов, отличающихся по выраженности трудностей эмоциональной регуляции (DERS-16) и по показателю частоты использования стратегий когнитивной переоценки и подавления экспрессии (ERQ).

Студенты в целом воспринимают атмосферу своего вуза как достаточно демократичную. Значимых гендерных и возрастных различий по методике SMAQ_m не обнаружено, однако студенты старших курсов воспринимают МА вуза, как менее благоприятную, по сравнению со студентами младших курсов, а девушки воспринимают МА вуза, как более благоприятную, по сравнению с юношами. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что эффект влияния фактора восприятия студентами МА вуза на их саморегуляцию менее выражен, чем эффект влияния фактора особенностей эмоциональной саморегуляции студентов на восприятие ими МА вуза. Восприятие МА вуза значимо различается в группах с разными особенностями эмоциональной саморегуляции. Мы считаем гипотезу о связи между восприятием МА вуза и особенностями эмоциональной саморегуляции студентов, в целом, *подтвержденной*.

Данные, представленные в статье, были получены в рамках курсовой работы Д.С. Закревской (2020), выполненной под руководством Т.Ю. Садовниковой.

Литература

Карабанова О.А., Садовникова Т.Ю. Модели восприятия моральной атмосферы школы современными российскими подростками как компонент социальной ситуации развития // Вестник Московского университета. Серия: 14. Психология. 2011. № 2. С. 73–85.

Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения // Психологические исследования. 2015. № 8(39). С. 5. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 14.11.2022).

Панкратова А.А., Корниенко Д.С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 139–149.

Первичко Е.И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход часть II. Культурно-деятельностный подход к проблеме стратегий и механизмов регуляции эмоций // Национальный психологический журнал. 2015. № 1(17).

Power F.C., Higgins A., Kohlberg L. Lawrence Kohlberg's approach to moral education. Ch. 4: Asserting the moral culture of school. Columbia Univ. Press, 1989. P. 99–145.

«МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ». ИССЛЕДОВАНИЕ ПРО ТО, КАК ПОДРОСТКИ ВЫБИРАЮТ И ПРИСВАИВАЮТ ГОРОДСКИЕ ЛОКАЦИИ

Е.В. Иванова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Н.А. Кольцова, М.С. Помелова

Архитектурное бюро «Чехарда», Архитектурное бюро «Чехарда»

Подростковый возраст характеризуется не только рядом специфических психофизиологических особенностей, но и активным отделением ребенка от родителей, выходом из-под их опеки… в город. В городе подростки не просто проводят свой досуг, именно город и городская среда помогают становлению самостоятельности, становятся местом пристанища для многих подростков в этот непростой для осознания собственного «я» период. При этом в силу ограниченности финансовых возможностей подростки тяготеют к местам свободного доступа, а в мегаполисе — находящихся неподалеку от места проживания или учебы. Насколько наши города готовы удовлетворить эту потребность?

Ключевые слова: город, подростковый досуг, локации, общественные пространства, подростковый возраст.

Исследовательский коллектив лаборатории образовательных инфраструктур из Московского городского педагогического университета совместно с коллегами из архитектурного бюро «Чехарда» летом 2022 года провел полевое исследование.

Его задачей было выявить общественные пространства, в которых подростки предпочитают проводить свой досуг, изучить характеристики этих пространств, сделать выводы о наличии отдельных пространств для подростков в российских городах. Исследование охватило 35 локаций.

Согласно наблюдениям, подростки выбирают места/пространства в городе, где есть возможность побыть, не привлекая излишнего внимания к своей деятельности, а именно детские площадки, спортивные площадки, специализированные спортивно-досуговые объекты (скейт-парки, рампы и т.д.), антиобщественные пространства — непросматриваемые места, пустыри, рядом со строительными площадками или удаленные места в парках.

Подростки стараются избегать территориальных конфликтов, поэтому для них важно отсутствие других горожан, претендующих на это пространство (мамы с детьми, взрослые) в конкретный момент времени. Однако если пространство достаточно большое, подростки могут вполне мирно уживаться с другими горожанами.

Основной вывод, который был сделан по итогам исследования: в городской среде пространства для досуга подростков не представлены или представлены слабо, только специализированными спортивными объектами для занятий экстремальными видами, что существенно ограничивает круг их пользователей.

Исследовательский коллектив сформулировал свои гипотезы о причинах такой ситуации.

1. Подростковая группа не является, за редким исключением, актуальной целевой аудиторией и центром повестки российских урбанистов, архитекторов и других специалистов, занимающихся развитием городской среды, они не понимают специфику и потребности этой возрастной группы в отношении города.

2. Среди лиц, принимающих решения о развитии городской среды, отсутствует рефлексия относительно реальных потребностей разных групп, ее заменяет стереотипное восприятие (если подросток, ему нужен экстрим-парк).

3. Подростковая группа характеризуется сложным, а иногда резко негативным отношением к ней городских сообществ «не надо ничего для подростков в нашем ЖК делать, будут только пить и курить тут», в результате даже те, кто понимают её потребности, предпочитают не предпринимать активных действий или сталкиваются с непреодолимыми препятствиями при реализации своих проектов.

4. Даже те немногие пространства, которые создаются для подростков, не всегда востребованы. Для того чтобы подростки почувствовали город своим, нужно привлекать их к проектированию, однако пока практики соучаствующего проектирования не получили широкого распространения и остаются уделом энтузиастов.

Актуализация потребностей подростков в городе, повышение значимости наличия функции городских общественных пространств для подростков среди лиц, принимающих решения о развитии городской среды, могло бы стать весомым вкладом в реализацию подростками своего права на город, уменьшение случаев присвоения города через помечание стен, вандализм, апробирование опасности.

ТРЕТЬЕ МЕСТО В ЖИЗНИ ПОДРОСТКА

С.С. Канавина, И.Ю. Халина, П.Д. Азыркин

ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», г. Москва, Россия

Федеральный центр развития программ социализации подростков, г. Москва, Россия

Вопрос об организации досуга для подростков всегда является актуальным: каждое новое поколение создает запросы к деятельности, направленной на удовлетворение потребностей в познании собственной личности и окружающего мира. Интенсификация темпов социального, научно-технического и экономического прогресса в обществе находит отражение в запросах взрослеющих подростков, активно осваивающих окружающую реальность, в том числе и виртуальную. Интернет во многом определяет вектор их интересов: в сети подростки находят информацию об интересных мероприятиях, общаются и, конечно, развлекаются.

Ключевые слова: социализация, социальная дезадаптация, подростковые пространства.

Согласно теории поколений (Штраус, Хоув, 1991), современные подростки не представляют жизнь без Интернета и современных технологий, во многом соглашаются с культом легкого успеха, стремятся к получению новых знаний и реализации личных амбиций, испытывают гораздо меньший интерес к профессиям, сопровождающимся тяжелым физически трудом, и в то же время сохраняют уверенность в собственном будущем. В связи с особенностями стиля мышления данного поколения особенно остро встает вопрос об организации подросткового досуга: как сделать его максимально полезным? Значимость данной деятельности для подростка обусловлена рядом причин. К числу важнейших мы причисляем погружение в сферу интимно-личностного общения, направленную на познание себя в отношениях со сверстниками, и повышение значимости тех видов деятельности, в которых подросток взаимодействует со взрослыми с целью приобретения новых знаний, умений и навыков (Обухова, 2020).

Означенные причины коррелируют со столь значимым для личности любого возраста процессом, как социализация, то есть приобщение к системе социальных связей (Андреева, 2001). Вовлеченность в общественную жизнь служит индикатором, отражающим нормативность развития личности, что для подростков служит важнейшей детерминантой, обуславливающей прохождение возрастного кризиса (Обухова, 2020). Перед подростком имплицитно встает необходимость в обретении себя, истинной Эго-идентичности (Там же), которая априорно является связанной с социализацией, ведь именно во

взаимодействии с обществом индивид становится способным осознать, кем именно он является, какими навыками и знаниями обладает, к каким ценностям стремится и, самое главное, какие конструкты он может интегрировать в систему представлений о самом себе.

Обретение Эго-идентичности становится для подростка сродни поиску Священного Грааля, в ходе которого он достигает не только поставленной цели, но и приобретает новый социальный опыт в ходе наблюдения за другими людьми, интериоризируя его сквозь призму размышлений о том, какое же место занимает в обществе лично он. Будучи так или иначе включенным в социум, подросток организует свое жизненное пространство, в которое априорно являются включенными внешнее окружение, его воздействие на личность и прочие факторы, определяющие поведение. Однако необходимо отметить, что наиболее значимые изменения происходят на его границах.

Одну из таких границ в свое время выделил Р. Ольденбург, постулировавший важную роль в жизни личности третьего места — такого, где можно отдыхать, общаться, узнавать что-то новое. Также им подчеркивается важность сохранения безопасности третьего места как пространства, избавляющего человека от одиночества и чувства отчуждения (Ольденбург, 2014). Все это является более чем актуальным для современных подростков, которые находятся в активном поиске подобного места. Находясь в состоянии переживания кризисного пубертатного периода, они зачастую не признаются в наличии потребности быть принятыми группой и, более того, не могут удовлетворить ее конструктивным путем в силу отсутствия подходящей ресурсной среды. В попытках обрести ресурсную среду подростки актуализируют поисковое поведение, которое зачастую приводит к различным формам девиантного, делинквентного или самоповреждающего поведения, а также выводит их на улицы, в деструктивные социальные группы, присутствие в которых создает иллюзию принятия. Особый риск для подростков представляет наличие более взрослых лиц в подобных компаниях, которые поддерживают легенду о принятии: одобряют подростковые интересы, разделяют переживания из-за проблем и, самое главное, предлагают быстрые способы избавления от негативных эмоций, такие, как, например, употребление психоактивных веществ или совершение рискованных, антисоциальных поступков. Таким образом, в жизни подростка наступают критические перемены: не обладая ресурсами для изменения тревожащей его ситуации, он выбирает путь социальной дезадаптации, отказываясь от риска быть отвергнутым близкими.

Подростковые пространства могут стать альтернативной ресурсной средой «вместо улиц», где подростки учатся занимать активную позицию, принимать и нести ответственность за свои поступки и могут удовлетворять свои актуальные потребности в безопасности, общении и личностном развитии.

Развитие таких подростковых пространств в нашей стране приобрело вторую жизнь с запуска в 2022 году стратегической программы «Подростки России» при поддержке Министерства Просвещения России и Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, которая направлена на развитие системной работы с подростками в стране и оказание поддержки для открытия и формирования сети подростковых центров в регионах России.

Чаще всего вопрос об открытии подросткового центра на территории становится наиболее острым, когда общественные институты или общество в целом начинают испытывать сложности, связанные с поведением подростков, которых обычно называют «трудными»: растет преступность в регионе, увеличивается количество подростковых самоубийств и безнадзорность. Когда такие проблемы приобретают критический уровень, возникает необходимость в организации системной работы с «трудными подростками».

Однако подростковые пространства могут становиться не только ответной мерой на социальные проблемы территории, но и быть частью инфраструктуры для конструктивной социализации и адаптации подростка ко взрослой жизни, где подростки могут получить необходимую психологическую и социально-педагогическую поддержку, иметь возможности для самореализации в безопасной обстановке.

В рамках программы под подростковыми пространствами понимается безопасное, доступное и развивающее место для проведения досуга и свободного времени. Подростковое пространство может быть организовано в формате отдельного подросткового центра, на территории дома культуры или библиотеки или в рамках другого досугового места.

Подобные подростковые пространства востребованы в разных регионах. В зависимости от масштабов территории такие места должны быть открыты в каждом районе города или населенном пункте. Однако при выборе конкретного адреса необходимо также опираться на следующие характеристики территории:

- недостаток досуговых / развлекательных мест, где подростки могут самостоятельно проводить свободное время;
- трудности существующих образовательных и досуговых учреждений в работе с подростками, поведение которых носит антисоциальный характер;
- наличие проблемы подростковой безнадзорности.

При этом важно не только открывать подростковые пространства, но и формировать сообщество профессионалов и специалистов, которые работают с подростками, для обмена полезными практиками и изучения подростковых тем и проблем, быстрее и эффективнее откликаться и реагировать на современные тенденции в подростковой среде.

Подростковые пространства, которые открываются в первую очередь как места для свободного досуга подростков, одновременно становятся безопасной средой для максимального отвлечения подростков от прежнего образа жизни, выстраивания конструктивного взаимодействия между подростками и взрослыми, получения нового социального опыта, реализации интересов, участия в проектах других людей и в воплощении собственных.

В настоящее время сеть подростковых центров «Подростки России»[1] включает более 20 центров в 17 регионах России. В 2022 году подростковые пространства открылись в Пензенской, Ульяновской, Новосибирской, Белгородской, Рязанской, Нижегородской, Тамбовской, Саратовской, Тульской, Челябинской областях, в Республиках Дагестан, Коми, Чувашия, Тыва, в Пермском крае, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

Ежедневно подростковые пространства в различных регионах России посещают более 1600 подростков, и их количество постоянно растет. В 2023 году к сети присоединились Республика Хакасия и Донецкая Народная Республика.

Подростковые центры представляют собой мультиформатные пространства с организованной досуговой и игровой деятельностью, предоставлением психологической помощи и поддержки подросткам и членам их семей, а также творческими мастерскими, направлениями профориентации, уличной службой, работой с подростками в конфликте с законом, просветительской деятельностью и др.

Выстраивание взаимодействия между подростками детерминируется в первую очередь профессионализмом сотрудников центра, наставников, обеспечивающих безопасное нахождение подростков на территории центра.

Данная практика по открытию подростковых центров приобретает все больший интерес и охват, при этом важно, чтобы подростковые пространства не превращались в современные «дворцы творчества» для подростков, а в первую очередь действовали в рамках единых ценностей и форматов, располагались в безопасном месте и с точки зрения требований и норм, и с точки зрения транспортной доступности; были низкопороговыми, чтобы подростки смогли свободно проходить на территорию пространства без сложных барьеров в виде охраны и вахты, и, не менее важно, чтобы подростки были свободны в самоопределении и выборе своей деятельности.

В таком случае подростковые пространства могут решать задачи по преобразованию ситуации социально-психологической дезадаптации в ситуацию, ресурсную для дальнейшего развития подростка, в которой он занимает активную и ответственную позицию,

[1] О программе «Подростки России»: https://rospodros.ru/polls.

предоставляя возможности для решения возрастных задач, удовлетворения своих потребностей и овладения социально-приемлемыми способами самореализации.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведении. М.: Аспект Пресс, 2001.

Обухова Л.Ф. Возрастная психология*:* учебник для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2020. 460 с.

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. NewYork: William Morrow & Company, 1991. 554 p.

МОТИВАЦИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ОБУЧАЮЩИХСЯ В СПОРТИВНЫХ ШКОЛАХ, И ПЕРФЕКЦИОНИЗМ ИХ МАТЕРЕЙ

О.В. Коваль, Д.Д. Колпакова

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Россия

В статье отражено исследование зависимости уровня спортивной мотивации детей младшего школьного возраста, обучающихся в спортивных школах, с уровнем перфекционизма их родителей (матерей). Тема была продиктована все более ранней профессионализацией детского спорта, ключевыми понятиями которого являются перфекционизм и мотивация. Результаты исследования подтверждают выводы о значимости влияния семьи на мотивацию юных спортсменов и на неоднозначность этого влияния. Так, перфекционизм матери, проявляющийся в озабоченности тем, как она выглядит в глазах других, и повышенная внимание к собственным неудачам могут привести к снижению у ребенка внутренней мотивации к достижениям в спорте за счет ощущения беспомощности, отсутствия желания и веры в собственные способности и возможности.

Ключевые понятия: перфекционизм, спортивная мотивация, родительское отношение, ранняя профессионализация.

В настоящее время в психологии спорта теме перфекционизма уделяют особое внимание. В основе спортивной деятельности лежит стремление к высоким достижениям. Так, мотивация достижения и перфекционизм, которые отражают это стремление и регулируют его проявления стали ядром для изучения в сфере спортивной психологии. Первоначально они изучались как регулятор успешности деятельности спортсменов высокого класса. Повышение внимания к подготовке спортивного резерва привело к появлению исследований названных феноменов у юных спортсменов. Часто в профессиональный спорт приходят дети в младшем школьном возрасте. Именно тогда и закладывается фундамент (развиваются способности, отрабатываются навыки) для построения в будущем спортивной карьеры. В профессиональный спорт детей младшего возраста приводят именно родители. Они же активно принимают участие в поддержке карьеры ребенка (финансовое участие, временные затраты, сопровождение на соревнованиях, эмоциональная поддержка и др.). Если в группах спортсменов-подростков особенности перфекционизма изучались, то исследовать напрямую в группе младших школьников — затруднительно. Нам видится значимой роль родителей в формировании отношения столь юных спортсменов к ситуациям достижения

в спортивной деятельности и поддержке первых шагов в профессиональном спорте. Именно поэтому мы обратили свое внимание на родителей спортсменов младшего школьного возраста и поставили перед собой цель изучить связь родительского отношения и перфекционизма матерей с характеристиками спортивной мотивации и тревожностью детей младшего школьного возраста, обучающихся в спортивных школах.

Исследование проводилось среди спортсменов младшего школьного возраста 7–11 лет (42 ребенка), занимающихся индивидуальным спортом на уровне спортивной школы, плаванием, велоспортом, гимнастикой, теннисом, и их родители (42 матери).

Родителям предлагались следующие методики: многомерная шкала перфекционизма Фроста в адаптации С.Н. Еникополова и В.А. Ясной; «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта в адаптации И.И. Грачевой; опросник перфекционизма (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева); опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин). Методики, которые предлагались детям: «Детский вариант шкалы явной тревожности» (CMAS, адаптированный А.М. Прихожан); для исследования уровня спортивной мотивации использовался полупроективный тест мотивации достижения для детей младшего школьного возраста Х.Д. Шмальта, получивший название «МД-решетка»; опросник Пеллетье «Шкала спортивной мотивации» (или «Почему я занимаюсь спортом»), разработанный на основе теории самодетерминации Деси и Райана и адаптированный С.О.Скачковой.

Проверка существования связи между родительским отношением и перфекционизмом у матерей детей-спортсменов позволила обнаружить следующее: «Социально предписанный перфекционизм» отрицательно связан с родительским отношением «Кооперация» ($ро = (-0{,}351)$; $p < 0{,}05$). Чем выше социально предписанный перфекционизм, тем менее выражено отношение «Кооперация». Это говорит о том, что родители, стремящиеся «заслужить» одобрение и принятие в обществе, в меньшей степени обращают внимание на способности и интересы собственного ребенка (навязанные принципы общества важнее интересов ребенка). Перфекционизм по типу «Высокие стандарты и требования к себе» положительно связан с родительским отношением «Отношение к неудачам ребенка» ($ро = 0{,}327$; $p < 0{,}05$). Чем выше у взрослого стандарты и требования к себе, тем хуже он относится к неудачам ребенка, то есть преобладает высокий полюс шкалы «Отношение к неудачам». В данном случае неудача детей воспринимается родителями как несоответствие высоким родительским стандартам и требованиям, игнорируя чувства детей.

Исследование связей перфекционизма родителей с тревожностью детей не показало значимых результатов. Однако, обнаружены связи перфекционизма родителей и мотивации детей-спортсменов. Так, были установлены прямые связи амотивации детей

(беспомощность и отсутствие желания) и перфекционизма родителей ориентированного на других (ро = 0,371; $p < 0,05$), амотивации детей и озабоченности родителей оценками со стороны других людей (ро = 0,406; $p < 0,01$), амотивации детей и негативное селектирование и фиксация на собственном несовершенстве у матерей (ро = 0,342; $p < 0,05$), а также отрицательная связь между внешней мотивацией (идентификация) детей и выраженностью критики и сомнений в действиях у родителей (ро = (−0,315); $p < 0,05$).

Несмотря на небольшое количество опрошенных пар родитель-ребенок (42 пары), нами был проведен многофакторный регрессионный анализ с применением обратного пошагового метода, в ходе которого получена модель ($R^2 = 0,276$), в которой озабоченность оценками со стороны других (B = 0,32; $p < 0,01$) и перфекционизм, ориентированный на других (B = 0,18; $p < 0,05$), являются предикторами амотивации. Таким образом, нами выявлены переменные-факторы (перфекционизм, ориентированный на других, озабоченность оценками со стороны других), которые объясняют 28% дисперсии зависимой переменной фактора (амотивация), то есть могут служить предикторами амотивации. Тем не менее, несмотря на выявленные тенденции, данный результат требует отдельной проверки на большей выборке.

В рамках исследования проверялось наличие связи перфекционизма родителей с мотивацией избегания неудач детей младшего школьного возраста, обучающихся в спортивных школах. Было обнаружено, что у детей-спортсменов избегание неудач, связанное с боязнью социальных последствий, имеет обратную связь с перфекционизмом родителей, ориентированного на других (ро = (−0,310); $p < 0,05$) и прямую связь с родительской критикой и сомнениями в действиях (ро = 0,326; $p < 0,05$). Мотивация достижения у детей положительно связана с личными стандартами и родительскими ожиданиями (ЛСРО) у родителей (ро = 0,318; $p < 0,05$).

Корреляционные связи показателей родительского перфекционизма с родительским отношением, мотивацией детей в спорте и их тревожностью оказались немногочисленными. К значимым относим следующие.

1. Социально предписанный перфекционизм матерей имеет обратную связь с кооперацией с собственным ребенком. Матерям детей, занимающихся в спортивных школах, не так важны способности и возможности их детей, сколько движет желание соответствия их детей заданным обществом стандартам, что может выражаться в навязывании правил и в стремлении к беспрекословному подчинению.

2. Фактор высоких стандартов и требований к себе прямо связан с отношением к неудачам ребенка, демонстрирующий преобладание личного стремления матерей над

переживаниями детей, то есть в случае неудачи ребенка родитель оценивает это как несоответствие его уровню и стандарту.

3. Взаимосвязи материнского перфекционизма с тревожностью детей выявлено не было. Однако была выявлена группа матерей с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, и высоким уровнем негативной фиксации на ошибках, у которых дети оказались выраженно тревожными.

4. Избегание неудач в структуре спортивной мотивации детей, определяемое как боязнь социальных последствий, взаимосвязано с родительской критикой, а также стремлением родителей к внешним идеалам.

Результаты исследования подтверждают выводы других авторов (Г.Б. Горская, А.В. Несветайло и др.) о значимости влияния семьи на мотивацию юных спортсменов и на неоднозначность этого влияния. Так, перфекционизм матери, проявляющийся в озабоченности тем, как она выглядит в глазах других, и повышенная внимание к собственным неудачам могут привести к снижению у ребенка внутренней мотивации к достижениям в спорте за счет ощущения беспомощности, отсутствия желания и веры в собственные способности и возможности.

В заключении считаем необходимым подчеркнуть, что важной работой со стороны организации, ведущей подготовку юных спортсменов, является просвещение родителей о влиянии семьи на создание благоприятной или неблагоприятной атмосферы для осуществления спортивной деятельности ребенком.

ШКАЛА «СОЧУВСТВИЕ К СЕБЕ» К. НЕФФ: УТОЧНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ НОРМ

Н.И. Колачев

Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

К.А. Чистопольская

Московский НИИ психиатрии — филиал НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, г. Москва, Россия

С.Н. Ениколопов

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», г. Москва, Россия

Е.Л. Николаев

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика — Чувашия, Россия

С.Э. Дровосеков

ГБОУ СОШ №93, г. Санкт-Петербург, Россия

Методика «Сочувствие к себе» К. Нефф — важный инструмент исследования самоотношения, а конструкт «сочувствие к себе» проявил себя как значимый фактор, вносящий вклад в суицидальный процесс. В связи с этим нами была поставлена задача разработать нормы, позволяющие определять уровень суицидального риска на основе ответов на данный опросник. Для выполнения этой задачи были заново проанализированы данные нормы: n = 490 человек, 337 женщин, 152 мужчин, 1 участник не указал пол, возраст от 17 до 28 лет (19,3 ± 1,2). Нормативные данные сравнивались с выборкой 146 суицидальных пациентов от 16 до 48 лет (23,1 ± 5,9), 105 женщин и 41 мужчина. Анализ показал, что для диагностических процедур и выявления риска рациональнее использовать не 6 отдельных субшкал или общий балл по методике, но две субшкалы: «Позитивное отношение к себе» и «Требовательное отношение к себе», поскольку они дают наиболее информативные данные сочетания негативного и позитивного самоотношения.

Ключевые слова: суицидальное поведение, сочувствие к себе, шкала, структура опросника, нормы.

Методика «Сочувствие к себе» переведена на многие языки мира и адаптирована в разных странах. Она зарекомендовала себя как важный инструмент измерения самоотношения и применяется в работе с психосоматическими пациентами, с пациентами с

пищевыми расстройствами, в суицидологии и в других областях (Tóth-Király, Neff, 2021; Cleare et al., 2019).

Наши исследования также показали перспективность применения данной шкалы в суицидологической практике (Чистопольская, Ениколопов, 2019; Чистопольская, Ениколопов, 2021). Так, среди молодых суицидальных пациентов (n = 110), пациенты с несуицидальными повреждениями (n = 71) отличались более низким общим баллом «сочувствия к себе» (d Коэна = 0,428), повышенным баллом по шкале «самокритика» (d Коэна = 0,635) и по шкале «чрезмерная идентификация» (d Коэна = 0,41). При разделении этой же выборки пациентов на людей с суицидальными попытками и мыслями обнаружилось, что люди с лишь с суицидальными мыслями (n = 59) отличались более высоким общим баллом «сочувствия к себе» (d Коэна = 0,433), более высоким баллом по шкале «доброта к себе» (d Коэна = 0,627) и по шкале «внимательность» (d Коэна = 0,462). Таким образом, методика показала редкое качество: способность различать людей с разной степенью выраженности суицидального поведения (от мыслей до попыток) и выделять такую особенность суицидального поведения как несуицидальные самоповреждения.

В связи с этим, нами была поставлена задача выяснить критериальную валидность методики и установить нормы для выявления людей с повышенным суицидальным риском в нормативных выборках.

Выборка состояла из студентов московского технического (n = 155), чебоксарского гуманитарного и медицинского (n = 221) и кировского гуманитарного вузов (n = 122). Общая выборка (N = 498) включала 342 женщин и 155 мужчин (1 участник не указал пол и возраст). Возраст участников варьировал от 17 до 28 лет (19,3 ± 1,2). Мы исключили из окончательной обработки 8 участников, так как разброс их ответов по методике был предельно мал (SD < 0,5). В итоге у нас осталось 490 участников, 337 женщин и 152 мужчин (у одного участника пол не определен). Клиническая выборка состояла из 146 пациентов кризисного стационара от 16 до 48 лет (M = 23,1, SD = 5,9), 105 женщин (72%) и 41 мужчина. Исследуемой методикой была «Шкала сочувствия к себе» К. Нефф (Чистопольская и др., 2020).

Для начала мы проверили критериальную валидность методики: сравнили нормативную и клиническую выборки. Мы обнаружили, что шкалы «позитивного самоотношения» («доброта к себе», «общность с человечеством», «внимательность») демонстрируют средневысокую величину различий d Коэна от 0,67 до 0,80; а шкалы «требовательного отношения к себе» («самокритика», «самоизоляция», «чрезмерная идентификация») имеют показатели d Коэна от 1,28 до 1,32, то есть высокий уровень различий.

После этого была осуществлена попытка выделения норм по каждой субшкале методики, однако это оказалось не вполне продуктивно, поскольку вариантов сочетаний уровней субшкал слишком много. Поэтому мы для простоты и большей информативности объединили субшкалы в две категории: «позитивное отношение к себе» и «требовательное отношение к себе».

Проверка одномерности каждой из двух групп результатов осуществлялась на основе модели для рейтинговых шкал. Анализ размерности базируется на изучении контрастов, то есть латентных факторов, не связанных с измеряемым конструктом. Для подтверждения одномерности необходимо, чтобы количество нагруженных на первый контраст переменных не превышало 2 и процент объясненной им дисперсии не превышал процент дисперсии, объясненной общими измерениями.

Анализ контрастов показал, что на первый контраст конструкта «позитивное отношение к себе» нагружается 2,10 переменной, а доля объясненной дисперсии первым контрастом составляет 9,80%. При этом доля дисперсии, объясненной трудностью пунктов и уровнем выраженности признака респондентов, равна 39,00%. То есть процент объясненной моделью дисперсии превышает долю дисперсии, объясненной первым контрастом, почти в 4 раза. Следовательно, результаты по этому показателю можно счесть существенно одномерными.

На первый контраст конструкта «требовательное отношение к себе» нагружается 2,10 переменной, а доля объясненной дисперсии первым контрастом составляет 8,90%. При этом доля дисперсии, объясненной трудностью пунктов и уровнем выраженности признака респондентов, равна 44,90%. То есть процент объясненной моделью дисперсии превышает долю дисперсии, объясненной первым контрастом, в 5 раз. Следовательно, результаты по этому показателю тоже можно счесть существенно одномерными.

Степень связи между выделенными конструктами довольно низкая: $r = -0{,}27$, $p < 0{,}001$. Кроме того, она значима на выборке клиники, но незначима на выборке нормы: $r = -0{,}26$, $p = 0{,}002$ и $r = -0{,}08$, $p = 0{,}075$ соответственно. Это дополнительный довод в пользу того, чтобы использовать две субшкалы: позитивного и негативного самоотношения, — но не общий балл.

В результате, для категории «позитивное отношение к себе» были разработаны следующие нормы: 13–23 — крайне низкий уровень позитивного самоотношения; 24–33 — низкий уровень позитивного самоотношения; 34–44 — средний уровень позитивного самоотношения; 45–54 — повышенный уровень позитивного самоотношения; и 55–65 — высокий уровень позитивного самоотношения.

Для категории «требовательное отношение к себе» нормы такие: 13–23 — крайне низкий уровень требовательного отношения к себе; 24–34 — низкий уровень требовательного отношения к себе; 35–46 — средний уровень требовательного отношения к себе; 47–56 — повышенный уровень требовательного отношения к себе; и 57–65 — высокий уровень требовательного отношения к себе.

Стоит заметить, что для клинической выборки было наиболее свойственно сочетание низкого, крайне низкого и среднего уровня позитивного самоотношения и повышенный и высокий уровень требовательного отношения к себе, а для выборки нормы — средний, повышенный и низкий уровень позитивного самоотношения и средний, низкий и повышенный уровень требовательного самоотношения.

Таким образом, анализ данных нормативной и клинической выборок показал перспективность дальнейших суицидологических исследований с помощью методики «Шкала сочувствия к себе» К. Нефф, а установление норм позволит с большей точностью определять группу суицидального риска при скринингах.

Литература

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Особенности молодых людей с самоповреждениями и предшествующими попытками в остром суицидальном кризисе // Суицидология. 2019. № 10(4). С. 47–64. https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-47-64.

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Несуицидальные самоповреждения как признак тяжести психологического состояния молодых суицидальных пациентов. Суицидальные и несуицидальные самоповреждения подростков / под ред. П.Б. Зотова. Тюмень: ВекторБук, 2021. С. 315–336.

Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. №. 16(4), С. 35–48. https://doi.org/10.17759/chp.2020160404.

Cleare S., Gumley A., O'Connor R.C. Self-compassion, self-forgiveness, suicidal ideation, and self-harm: A systematic review // Clinical Psychology and Psychotherapy. 2019. No. 26. P. 511–530. https://doi.org/10.1002/cpp.2372.

Tóth-Király I., Neff K.D. Is self-compassion universal? Support for the measurement invariance of the Self-Compassion Scale across populations // Assessment. 2021. No. 28(1). P. 169–185. https://doi.org/10.1177/10731911209262.

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СЕМЬЯХ ПОДРОСТКОВ

Т.С. Копылова

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Россия

В статье рассматриваются аспекты взаимоотношений подростков и родителей в конфликтах между ними. Обобщаются актуальные сложности воспитания детей в подростковом периоде с социальной и персонологической позиций. Обосновывается теоретическая потребность в двустороннем исследовании конфликтов в рамках семьи качественными методами — одновременно со стороны родителей и со стороны подростков. Задача специалиста, работающего с семьей, должна состоять в прояснении разных факторов в отношениях с разными членами семьи, от чего и зависит общий ресурс всей семейной системы.

Ключевые слова: детско-родительские конфликты, родительское отношение, воспитание подростков, подростковый кризис, семейное консультирование.

Взаимоотношения подростков и их родителей чаще всего рассматриваются как напряженные, конфликтные и слабо поддающиеся регулированию, особенно самостоятельными силами внутри семьи. При этом каждая из сторон испытывает существенный стресс, нередко приобретающий затяжной характер и негативно сказывающийся на эмоционально-психологическом состоянии всех членов семьи. Однако в ситуации детско-родительского конфликта именно подростки остаются наиболее уязвимыми в виду того, что ещё не имеют достаточного социального опыта, а представления о межличностных взаимоотношениях, как и основные сферы его личности, находятся в процессе формирования. Для оказания психологической помощи и социальной поддержки семьям, имеющим сложности в преодолении таких конфликтов, зачастую недостаточно имеющегося представления о взаимоотношениях подростков и их родителей.

Общеизвестные социальные нарративы говорят о том, что подростковый кризис — это неизбежно тяжелый период для всех, его нужно пережить, оставляя в фокусе внимания возможные негативные проявления (агрессия, девиации, суицидальные намерения), а среди позитивных возможностей предлагаются профориентация для подростков, образовательные программы и направления по развитию лидерства. Семья с ребенком, достигшим подросткового возраста, вынуждена совершать резкий переход и решать противоречивые задачи. Из периода детства, насыщенного самыми разными рекомендациями и правилами о выстраивании детско-родительских отношений, основанных преимущественно на детоцентрированных взглядах, семья оказывается в периоде подростничества, в котором

детоцентристская позиция предлагает предоставлять подростку все права и свободы, при этом оставляя подростка полностью зависимым от его семьи (как минимум, материально). Семье предъявляется требование предоставить подростку самостоятельность, но каким образом эта самостоятельность должна быть реализована с благополучным исходом для всей семьи, а в первую очередь — для самого подростка, остаётся непонятным. Такое положение создает высокое напряжение для всех членов семьи и становится полем для развития конфликтных отношений.

Ряд исследований отмечают, что родительская поддержка наиболее значима для эмоционально-аффективного состояния подростка, а поддержка сверстников не может заменить роль родительского участия вплоть до достижения позднего подросткового возраста (Авдеева, Хоффман, 2019). Данный фактор свидетельствует о том, что психологические барьеры и трудности взаимоотношений между подростками и родителями определяются не только подростковым эгоцентризмом и потребностью в свержении авторитета родителей, но и сложностями со стороны родителей, возникающих в виду различных личностных проблем.

Так, например, логично предположить, что родители подростков, встречаясь с различными аспектами поведения и жизненных ситуаций своего ребенка, могут переживать актуализацию собственного неблагополучного опыта взаимоотношений в подростковом периоде. В свою очередь это может усиливать внутриличностные конфликты родителя и в значительной степени повышать уровень дистресса. Особенно остро это может ощущаться, если родитель в текущем своем процессе развития также переживает кризис (профессиональный, кризис перехода от взрослости к зрелости и др.).

Подросткам требуется пространство для проявления и определения своей взрослости и своих границ, необходим выход переполняющих внутренних конфликтов во внешнюю среду, где первичной средой является семья. Если у родителей в этот период дефицит собственных психологических ресурсов, не хватает понимания и информированности о процессах, происходящих не только с подростком, но с ним самим, уровень конфликтности в значительной степени возрастает.

Стоит отметить, что опыт проживания и специфика детско-родительских конфликтов внутри семьи, вносит вклад в развитие и общесоциальных процессов. Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис описывают, каким образом патогенные ситуации внутри семьи становятся источником психических травм и каким образом семейная ситуация обуславливает реакцию индивида на психическую травму (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008). Те модели поведения и реакций, в частности, в конфликтных ситуациях, которые подростки осваивают внутри семьи, в дальнейшем экстраполируются ими и на межличностные отношения в

социуме за рамками семьи. В анализе агрессивности и криминальных наклонностей Л.Н. Собчик заключает, что криминальные тенденции не являются природно заложенными, а агрессия становится продолжением гиперактивности, признаком неудовлетворенных потребностей и социально-психологической дезадаптации. В отношении подростков риски наиболее высокие в виду эмоциональной неустойчивости и слабоинтегрированной личности и в определенных условиях воспитания приводят к антисоциальному поведению (Собчик, 2022).

В исследовании воспитательных установок родителей и их представлений о конфликтах с младшими подростками (Коваль, 2022), о наиболее частых конфликтах с подростком сообщают родители, у которых воспитательные установки включают эмоциональную дистанцию и одновременно концентрацию на ребенке. При этом эмоциональная дистанция проявляется в строгости, вспыльчивости, уклонении от контакта с ребенком, а концентрация на ребенке проявляется в подавлении сопротивления и агрессии ребенка, беспокойстве о его безопасности, чрезмерной заботе, а также попытке установить зависимые отношения.

Таким образом, сложности воспитания подростков обусловливаются не только самими особенностями возрастного периода, но и обстоятельствами со стороны родителей, которые отчасти могут быть объяснены социальными факторами: популяризацией понятий «интенсивного» и «ответственного» родительства, внедрением прав ребенка и повышением детоцентризма, развитием потребительской культуры, встраиванием в контекст цифровизации общества (Майорова-Щеглова, 2018). Иным аспектом, влияющим на поведение родителей в отношениях с подростками, являются индивидуальные характерологические особенности и внутриличностные процессы родителей. Исследование таких родительских аспектов должно учитывать системное взаимное обусловливание всей семейной системы, в особенности, влияние со стороны подростка, а не только исследование отдельно взятого человека.

Для понимания и формирования возможностей оказания психологической помощи семьям подростков в преодолении конфликтов важно увидеть пересечения и противоречия, существующие с каждой из сторон (и родителя, и подростка) в единой увязке в рамках отдельно взятой семьи. Конфликты подростков и родителей требуют двустороннего исследования — не только как конфликтность саму по себе, а как живой процесс и уникальный феномен детско-родительских взаимоотношений.

Результатом такой теоретической проработки является проектируемое нами исследование восприятия родителями и подростками конфликтов между ними. Мы видим необходимость собирать такую информацию и со стороны родителя, и со стороны подростка

методом полуструктурированного интервью и использовать качественные методы для последующего анализа.

Изучение с помощью качественных методов позволит нам углубиться в природу межличностного конфликта и обнаружить не только его причины, но и потенциал для преодоления, гармонизации отношений за счёт расширения восприятия конфликта, признания (засвидетельствования) наличия конфликта и признания своей субъектной позиции в нем, то есть возможности активно влиять на дальнейшее развитие отношений, а не оставаться в пассивном объектом положении.

В сегодняшнем психологическом поле всё более востребованным становится индивидуальный подход к решению задач социально-психологического благополучия человека, как члена общества, имеющего свои уникальные особенности. На наш взгляд, такой же подход должен быть и в отношении семьи, как отдельной единицы общества, нуждающейся в определении своего уникального положения и в получении помощи, соответствующей этому положению. Таким образом, задача специалиста, работающего с семьей, должна состоять в прояснении разных факторов в отношениях с разными членами семьи, от чего и зависит общий ресурс всей семейной системы. Консультирование должно занять важную роль, проясняя индивидуальные возможности и ограничения в отдельно взятой семье, а не обобщать в единый дискурс семейной конфликтологии и подросткового кризиса.

Литература

Авдеева Н.Н., Хоффман Б.Я. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями // Современная зарубежная психология. 2019. № 8(4). С. 69–78.

Коваль О.В. Воспитательные установки родителей и их представления о конфликтах с детьми младшего подросткового возраста // Вестник практической психологии образования. 2022. № 19(4). С. 96–103.

Майорова-Щеглова С.Н. Социальные факторы, влияющие на деструктивность детско-родительских отношений // Вестник НГГУ. Серия Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 55–61.

Собчик Л.Н. Агрессия и криминальные наклонности: профилактика у подростков // Психологическая газета. 2022. URL:https://psy.su/feed/9778/?utm_campaign=news&utm_medium=mail&utm_source=%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%87%D0%B8%D0%BA%D0%B8&utm_content= (дата обращения: 01.03.2023).

Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 673 с.

РЕГУЛЯЦИЯ ЭМОЦИЙ — РАССЛАБЛЕНИЕ ИЛИ НАПРЯЖЕНИЕ: ДАННЫЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

В.В. Косоногов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Рассматривается вопрос успешности регуляции эмоции с точки зрения психофизиологии и психологии развития. Некоторые из видов регуляции имеют применяются для снижения отрицательных эмоций на уровне самонаблюдения, психофизиологические исследования показывают, что при этом уровень возбуждения часто не снижается или даже повышается. В докладе намечаются будущие исследования этого противоречия на подростковых выборках в том числе в связи с их благополучием.

Ключевые слова: регуляция эмоций, подавление эмоций, когнитивная переоценка, благополучие, психофизиология, подростки.

Регуляция эмоций — это процесс, который включает в себя влияние на возникновение эмоции и на текущую траекторию эмоций. Основное внимание может быть уделено субъективному переживанию эмоции, выражению эмоций или физиологическим реакциям, связанным с эмоцией, будь то её знак или общее возбуждение. Как отрицательные, так и положительные эмоции могут регулироваться как в сторону повышения, так и понижения, но более типична понижающая регуляция отрицательных эмоций, и это находится в центре внимания большинства исследования.

Эффективная регуляция эмоций ассоциируется с более высоким субъективным благополучием, психическим здоровьем и достижением социальных целей (полный обзор см. Gross, 2014). Неспособность регулировать эмоции часто ассоциируется с плохим психосоциальным благополучием, депрессией и другими психическими расстройствами.

Среди различных стратегий, когнитивная переоценка (ориентированная на событие) и подавление выражения (ориентированная на реакцию) получили большое внимание в исследованиях по сравнению с остальными. Когнитивная переоценка ориентирована на событие, на изменении смысла ситуации. То есть предпринимаются усилия по изменению интерпретации вызывающих эмоции стимулов, такие как объективный взгляд, отстраненность, более позитивное переосмысление, дистанцирование. Считается, что эта стратегия непосредственно влияет на ход эмоциональной реакции. Другой распространённой стратегией изменения эмоционального переживания является подавление эмоционального выражения. В отличие от переоценки, подавление происходит позже во временном

развертывании эмоционального опыта, когда предпринимаются усилия по подавлению эмпирических, поведенческих и физиологических реакций, связанных с продолжающейся эмоцией (Gross, 2001). Хотя большинство исследований показывают, что стратегия переоценки более успешна, в некоторых случаях стратегия подавления также плодотворной, особенно в течение коротких периодов и социальных взаимодействий (Webb et al., 2012). Как правило, считается, что эти две стратегии имеют разные когнитивные, аффективные и социальные последствия. Использование стратегии подавления сопряжено с большими когнитивными издержками по сравнению с переоценкой, хотя когнитивные издержки также имеются и при переоценке. В целом, обе стратегии могут быть полезны, в зависимости от контекста и сроков их применения. Подавление помогает регулировать эмоции в течение более короткого периода времени, в то время как переоценка оказывает длительное влияние на регуляцию эмоций.

Для оценки эффективности регуляции эмоций в лаборатории используют различные типы реакций, включая самоотчет, электрическую активность кожи, электромиографию лица, сердечную деятельность и электроэнцефалографию. Поскольку каждый из этих показателей отражает различные аспекты эмоций — эмпирические, поведенческие и физиологические, — они должны коррелировать в одном направлении. В нашем недавнем исследовании (Mohammed et al., 2021) мы сравнили эффективность когнитивной переоценки и стратегий подавления экспрессии с помощью различных показателей, таких как самоотчет, электромиография лица, реакция проводимости кожи и замедление сердечного ритма. Испытуемым были представлены крайне неприятные или нейтральные картинки, и они выполнили задания на регуляцию эмоций. Данные самоотчета показали, что переоценка оказала большее влияние на уменьшение негативных эмоций по сравнению с подавлением. Не было никакой разницы между переоценкой и подавлением, оцененным с помощью реакции кожной проводимости и электромиографии. Любопытно, что замедление сердечного ритма увеличивалось, когда участники пытались подавить свои эмоциональные проявления, что могло отражать усилия, прилагаемые в попытке подавить. Иными словами, несмотря на то, что испытуемые заявляли о снижении неприятного эмоционального состояния, замедление их сердечного ритма указывало на большее напряжение, чем при просмотре изображений без применения регуляции.

Целью нашей новой работы было изучение электроэнцефалографических (ЭЭГ) коррелятов регуляции эмоций. Для этой цели мы рассчитали корреляцию между испытуемыми (признак внимания, вовлечённости, напряжения) и индексы вовлеченности, знака эмоций и возбуждения ЭЭГ, в то время как испытуемые подавляли свои эмоциональные реакции или применяли переоценку, или смотрели нейтральные 1-минутные нейтральные и негативные

видеоролики. Мы обнаружили, что как подавление, так и переоценка провоцировали более высокий уровень корреляции между испытуемыми по сравнению с просмотром негативных или нейтральных видеороликов. Мы рассматриваем это как маркер вовлеченности в задачу и обработки обратной связи, необходимой для регуляции эмоций. Во-вторых, индекс вовлеченности был выше при просмотре негативных видеороликов, чем в других условиях, в центральных отведениях, тогда как обе стратегии регуляции вызывали более высокую вовлеченность в лобные отведения, что мы объясняем общим вовлечением лобных областей в когнитивный контроль. В-третьих, индекс возбуждения был выше во всех негативных состояниях, что могло означать, что регуляция требовала определенного уровня возбуждения. В-четвертых, индекс валентности ЭЭГ был выше в обоих состояниях регуляции эмоций, чем в нейтральном состоянии. Мы интерпретируем это как маркер положительных эмоций, которые индуцируются процессами регуляции эмоций. В целом, различные измерения ЭЭГ отражали различные аспекты регуляции эмоций, но как при подавлении, так и при когнитивной переоценке задействование мозговых ресурсов было выше, чем при простом просмотре.

Указанное противоречие наблюдается и в исследованиях подростков. Ключ к этому вопросу может заключаться в «положительных» или «отрицательных» когнитивных способах регуляции эмоций или защитных реакциях. Так, самообвинение, обвинение других, катастрофизация хотя и снижают эмоциональное переживания подростков на уровне самонаблюдения, сопровождаются с уменьшением вариабельности сердечного ритма, то есть повышенным возбуждением (Fiol-Veny et al., 2019). Напротив, частое применение как когнитивной переоценки, так и подавления связаны с благополучием и высокой вариабельной сердечного ритма (сниженным возбуждением, Meule et al., 2013). Таким образом имеющееся в литературе противоречие о высоком уровне возбуждения при регуляции эмоций может заключаться в смешивании защитных реакций (отрицательной когнитивной переоценке) и эффективных и быстрых способах положительной переоценки. Иными словами, отдельное направление психофизиологических исследований могло бы заключаться в подробном разборе когнитивных способов переоценки, которые приводят к самоотчетных и физиологическим изменениям в протекании эмоции. Учитывая, что в детском и подростковом возрасте и закладываются способы когнитивного реагирования на неприятные эмоциональные события, представляется перспективным изучать самоотчётные и физиологические проявления регуляции эмоции с помощью различных когнитивных методов переоценки (защиты).

Литература

Fiol-Veny A. et al. Negative cognitive emotion regulation as a predictor of adolescent heart rate variability and entropy under social stress //Anxiety, Stress, & Coping. 2019. No. 32(6). P. 641–653.

Gross J.J. Emotion regulation in adulthood: Timing is everything // Current directions in psychological science. 2001. No. 10(6). P. 214–219.

Gross J.J. Emotion regulation: conceptual and empirical foundations // Handbook of Emotion Regulation. 2014. No. 10(2). 3. 3–20.

Meule A. et al. Quality of life, emotion regulation, and heart rate variability in individuals with intellectual disabilities and concomitant impaired vision // Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice. 2013. No. 3. P. 1–14.

Mohammed A.R., Kosonogov V., Lyusin D. Expressive suppression versus cognitive reappraisal: effects on self-report and peripheral psychophysiology // International Journal of Psychophysiology. 2021. No. 167. P. 30–37.

СЕКСУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

П.О. Крайнова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Научно-методический журнал «Исследователь/Researcher», г. Москва, Россия

В статье освещен тот контекст, в котором находится сексуальное образование в России на сегодняшний день. Автор делает акцент на невозможности избегания тем, касающихся сексуального образования со школьниками, и необходимости общественной дискуссии по теме. Кратко рассмотрены инструменты, адаптация которых к российскому контексту, может оказать помощь педагогам практикам при столкновении с неудобными вопросами во взаимодействии со школьниками.

Ключевые слова: сексуальное образование, половое воспитание, образование в области здоровья и безопасности.

«Сексуальное образование» — словосочетание, вокруг которого сейчас в России в обществе и в СМИ разгорается не столько полемика, столько драма: сами эти слова создают провокационный, уже почти вульгарный контекст. При этом такие варианты как «половое воспитание» или «обучение по вопросам безопасности и здоровья» звучат уже не так провокационно, и не сталкиваются с таким осуждением со стороны религиозных и других общественных объединений.

Между тем именно комплексное сексуальное образование является наиболее широкой рамкой для обсуждения вопросов, связанных не только с половой жизнью и репродуктивным здоровьем, но и с безопасностью, ответственностью, правами, отношениями между полами и многими другими темами, особенно актуальными в подростковом возрасте.

Попытки полностью избежать этих тем с детьми и подростками (в надежде, что эти «недетские» темы их не коснутся) заведомо обречены на провал по нескольким причинам.

Во-первых, при наличии доступа в интернет, современные дети могут получить не только любую интересующую их информацию, но и непроизвольно увидеть совсем недетский и даже травмирующий контент. Надеяться на то, что интереса к этой теме не возникнет, если его не провоцировать, также наивно: познавательный интерес в норме является инструментом развития каждого ребенка, а вот разницу между вопросами «откуда берутся облака» и «откуда берутся дети» создают уже сами взрослые, своими реакциями и ответами делая второй вопрос постыдным, неуместным, запретным.

Во-вторых, как и до появления интернета, одним из основных источников информации об отношениях между полами, о сексуальной жизни, являются сверстники, редко оказывающиеся компетентными просветителями.

В-третьих, сама школьная программа содержит обсуждение тем, напрямую связанных с сексуальным образованием: это не только вопросы репродуктивного здоровья в биологии, но и вопросы правового характера в курсе обществознания, и множество любовных сцен и ярких описаний отношений полов, встречающихся в большинстве произведений по литературе.

Наконец, в-четвертых, даже при отсутствии прямого обсуждения, учителя и ученики нередко оказываются в ситуациях, где поведение взрослого может транслировать определенные установки, считываемые детьми (и совершенно не обязательно при этом вербализуемые). Это могут быть проявления взаимоотношений самих подростков и реакции учителя, ставшего свидетелем таких проявлений (здесь, может, например, происходить трансляция установок о гендерных ролях), могут быть высказывания учителя о физиологических проявлениях (например, на уроке физкультуры так может происходить трансляция установок о теле, что может быть весьма травмирующей темой, особенно для девочек в подростковом возрасте, и даже влиять на отношения внутри класса, провоцировать травлю), а может быть и просто покрасневшее лицо взрослого в ответ на вопрос ребенка (считывающего в этот момент — тема является табу, говорить об этом нельзя, но вызывать эмоции таким образом — можно) (Крайнова, 2022; Крайнова, Обухов, 2021). Таким образом, даже при полном отсутствии формального сексуального образования происходит неформальная трансляция установок в этой области даже за пределами семьи.

Тенденции развития современных западных обществ в области сексуальных и гендерных свобод вызывают множество критических замечаний даже со стороны либерально настроенных групп населения, и очевидно не адекватны современному российскому контексту. Тем не менее полный отказ от внимания к опыту западных стран (и западных исследований) и движение в противоположную сторону также не является выходом в данном случае — проблемы, тревожащие подростков при переходе во взрослую жизнь, риски, с которыми они сталкиваются — остаются актуальны и в современной России. Более того, говоря о рисках, нельзя не отметить ужасающую статистику распространения ВИЧ-инфекции именно в России: в 2021 году наибольший процент новых заболеваний на 100 000 человек в Европейском регионе продемонстрировала Россия, а новые случаи инфицирования составили 55% от всех зарегистрированных в Европе (HIV/AIDS, 2022, с. 22).

При этом на сегодняшний день технологические и социальные процессы создают ситуацию, в которой требуют пересмотра даже те вопросы, ответы на которые казались

очевидными еще несколько десятков лет назад. Продолжает модифицироваться роль женщины в семье и обществе, развивается современный феминизм (и критика феминизма), общество охватывает беспрецедентный информационный контекст, возрождается популярность религиозных течений, практиками и экспертами отмечается особая чувствительность современных детей, рожденных уже в новой модели семьи, с несравненно большей вовлеченностью родителей, чем у предыдущих поколений, развивается тенденция к индивидуализации и персонализации, ухудшаются отношения РФ с западными странами, происходит процесс пересмотра собственной государственной идентичности в историческом контексте. Все это создает условия, в которых ценности общества (как мирового, так и в особенности российского) оказываются в кризисной ситуации, в процессе формирования новых истин, актуальных для современной молодежи и учитывающих происходящие изменения.

Все это говорит об особенно острой необходимости общественной дискуссии в области сексуального образования, обучения через ценности, обучения по вопросам здоровья и безопасности. Дискуссии, в которою будут вовлечены представители разных позиций и разных слоев общества. В которой обсуждение будет происходить на основе релевантных данных, учитывающих уникальный российский контекст. Дискуссии, ведение которой будет безопасно для всех ее участников, вне зависимости от позиции. Только так, в ходе обсуждения, возможно формулирование новых тезисов и рамок, философских и методических, которые могут лечь в основу современного обучения в этой области.

При этом важно учитывать, что не все вопросы могут иметь простые ответы, и более того, не все вопросы могут иметь ответы прямо сейчас. Однако учителя уже сейчас должны выходить к ученикам будучи готовыми столкнуться с проявлениями подросткового интереса, подросткового бунта, и просто внимательного наблюдения за взрослым.

И пока на уровне общества, законодателей, методистов происходит поиск ответов и сонастройка, у учителя уже сейчас должны быть инструменты для работы с острыми, опасными, сензитивными, спорными, неоднозначными темами, которые приносят им дети и которые создает школьный контекст.

Как мы можем помочь в этом учителям практикам? Как дать инструменты и определить рамки, не оказываясь в этот момент в той же роли — ретранслятора собственных ценностей (или по крайне мере минимизируя ее). Есть несколько инструментов, адаптация которых к российскому контексту может помочь в подготовке учителей.

Во-первых, в Российской Федерации, как в поликонфессиональном, многонациональном государстве со сложной социальной структурой и высоким уровнем социального неравенства, важно уделять особое внимание критическому мышлению — как инструменту поиска собственных ответов для построения собственной траектории. Наименьшая

вероятность обсуждения в школе характерная для тем, наиболее интересных и важных для подростков, при этом, что вовлеченность их в образовательный процесс тем меньше, чем меньше пространства для дискуссий и разногласий, то есть для проявления собственной уникальной позиции (Evans, Avery, Pederson, 1999).

Во-вторых, создание возможности для рефлексии учителями своих ценностей, установок и стереотипов в отношении сензитивных и спорных вопросов. Во многих странах в подготовку педагогов, работающих с сексуальным образованием, входит прохождение личной психотерапии для этих целей. Создание условий для саморефлексии в данном случае также не предлагает готовых ответов, однако дает возможность сделать видимыми для самого учителя те установки, предубеждения, травмы, которые есть у него самого и могут быть непроизвольно переданы детям в рамках любого взаимодействия, как было показано выше.

В-третьих, предлагается использовать метод обсуждения кейсов, как инструмент совместного поиска ответов в среде педагогов-практиков (Muth, Polizzi, Glynn, 2007). Это может быть эффективно как при обсуждении учебных кейсов при подготовке студентов, будущих педагогов, так и в качестве поддержки учителей на местах, при создании рабочих групп для заинтересованных учителей, или учителей, столкнувшихся со сложной ситуацией.

Литература

Крайнова П.О. Представления российских учителей об актуальности и содержании комплексного сексуального образования // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2022. № 4. С. 51–68.

Крайнова П.О., Обухов А.С. Практики работы школьных учителей с темами, касающимися сексуального образования // Педагогика и психология образования. 2021. №2. С. 169–186.

Evans R.W., Avery P.G., Pederson P.V. Taboo topics: Cultural restraint on teaching social issues // The social studies. 1999. No. 90(5). P. 218–224.

HIV/AIDS surveillance in Europe (Electronic resource). 2022. Mode of access: https://www.who.int/europe/publications/i/item/9789289058636 (date of the application: 06.12.2022).

Muth K.D., Polizzi N.C., Glynn S.M. Case-based teacher preparation for teaching controversial topics in middle school // Middle School Journal. 2007. No. 38(5). P. 14–19.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПАРАМЕТРОВ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

М.Э. Кушнир

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Лига образования, г. Москва, Россия

По результатам проектирования модели личностного развития, ориентированной на формирование цифрового образовательного профиля, а также по итогам пилотного проекта на базе школ, мотивированных на развитие субъектности в учебном процессе, были выявлены особенности восприятия педагогами разных признаков этого развития. Приводятся результаты исследования. Обсуждаются исходные подходы и итоговые решения.

Ключевые слова: субъектность, агентность, образовательный профиль, «Алмаз личности».

В логике оценки мира как VUCA, BANI и все более устойчивого обсуждения субъектности (агентности) как одной из целей образования в условиях цифровой трансформации была разработана (Кушнир и др., 2011) под углом зрения формирования цифрового образовательного профиля модель личностного развития УЗКИiSPEC (как аббревиатура ключевых параметров) или «Алмаз личности» (с опорой на визуализацию в виде октаэдра). Она изначально рассматривалась как попытка эффективного сочетания формальных параметров практического освоения изучаемого знания, проявленных при изучении/освоении признаков субъектного поведения, а также неформальных параметров для заинтересованных в более глубоком рефлексивном поведении.

Под эффективностью понималось сбалансированное сочетание трудоемкости оценивания и получаемого при этом полезного эффекта для административно-управленческого мониторинга. Поскольку неформальная оценка изначально предполагается как добровольные мотивированные трудозатраты, необходимо было компенсировать дополнительные усилия по оценке субъектности, включенной в формальное оценивание. Для этого предполагалось реализовать исключительно качественные признаки с опорой на традиционное оценивание освоения знаний, причем эти признаки присваиваются заданию, выполнение которого автоматически переносит признак на оценку выполнившего его ученика/студента.

Ключевым признаком было принято маркирование задания на типовые и нетиповые. Этот признак еще в XX веке декларировал важным для учебного процесса

И.М. Фейгенберг (1986). Этот же признак используется в методике оценивания модели SAM[2]. Под нетиповыми заданиями понимаются требующие активности ученика, поскольку нет типового решения.

Для признаков освоения знаний, практических навыков было принято 2 уровня: знаниевый и прикладной. С учетом двух уровней по типичности заданий получается 4 градации. Для признаков субъектности, поскольку нет единых общепризнанных подходов, была принята за основу логика личностных интенций аналогично модели управления Гартнер «Исполнитель — Разработчик — Открыватель» с градацией Исполнителя, как наиболее массовой модели поведения, на 3 уровня «Контролируемый — Нормативный — Находчивый». При этом для заданий типового уровня применимы 2 пассивных уровня Исполнителя, а для нетиповых Находчивый Исполнитель, Разработчик и Открыватель (Кушнир, 2017).

В рамках пилотного проекта (Пилотирование…, 2022) выяснилось, что даже мотивированные на развитие субъектности школы-участники не заинтересованы в выявлении более точных признаков субъектности — им вполне достаточно градации «Пассивный — Активный». Как именно проявляется активность, выпадает из поля интересов. Вероятно, это закономерность текущего уровня развития темы, но, возможно, это в принципе поле внимания самого ученика.

Также выяснилось, что представление о «теоретическом» и «практическом» подходе у педагогов и у разработчиков модели радикально расходятся. Группа под «практическим» понимала результаты проектного типа, востребованные социумом. А для школьных педагогов таких результатов в учебном процессе нет — для них это практическое решение учебных задач.

Таким образом, по итогам эксперимента модель в части формальных параметров выродилась в базовый уровень маркирования заданий на типовые и нетиповые — это очень просто реализовать в цифровой среде и совершенно нетрудоемко для педагогов. Группа реализовала это в макетном формате на базе eLearning Server компании Гиперметод. Внесение такого маркирования позволяет анализировать и стиль учебного поведения, и стиль преподавания, дает дополнительные ориентиры для согласования подходов между разными преподавателями, работающими с одинаковыми учебными группами/классами.

В части неформальной, где был сделан акцент на проведении для желающих рефлексивных практик, выявилось, что единой структуры направленности анализа для педагогов недостаточно. Они испытывают большие затруднения в подготовке таких практик, хотя все почувствовали существенную отдачу, признали пользу, несмотря на издержки подготовки.

[2] SAM: student achievements monitoring. URL: http://sam.ciced.ru.

Это говорит о необходимости глубже развивать методики подготовки и проведения рефлексивных практик, чтобы облегчить педагогам регулярную работу в этой логике.

Несмотря на необходимость признать исходную модель избыточной, выход на простые и эффективные приемы, производные от модели, оставляет чувство удовлетворения в логике «гениальное должно быть просто». Кроме того, редкие школы заинтересованно работают в направлении развития субъектности. Возможно, позже, когда такая практика станет более массовой, появится запрос на более детальные признаки, предусмотренные в исходной модели «Алмаз личности». Возможно, эти признаки заинтересуют педагогов в менее типовых учебных процессах — в сфере дополнительного и/или профессионального образования.

Литература

Кушнир М.Э. Модель мегакомпетенций ISPEC (Электронный ресурс). URL: http://medwk.blogspot.com/2017/03/ispec.html.

Кушнир М.Э., Рабинович П.Д., Заведенский К.Е., Базарова Г.Т., Царьков И.С.. Модель образовательного профиля личности для управления образовательной деятельностью и развития личностного потенциала // Информатика и образование. 2021. № 8. С. 23–31. https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-8-23-31.

Фейгенберг И.М. Видеть — предвидеть — действовать. Москва: Знание, 1986. 159 с.

Пилотирование модели образовательного профиля личности для управления образовательной деятельностью и развития личностного потенциала (Электронный ресурс). URL: https://homofuturis.ru/nir2-2022 (дата обращения: 24.02.2023).

ОБ ОТРАСЛИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА, КАК МЕХАНИЗМЕ ПРОФИЛАКТИКИ НЕГАТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

А.С. Матвеева

Главное управление молодежной политики и туризма

администрации города Красноярска,

г. Красноярск, Россия

В статье описан практический опыт реализации молодежной политики в городе Красноярске через призму профилактики негативных проявлений среди молодежи на примере общегородского проекта «Ювенальная служба». Общегородской проект «Ювенальная служба» реализуется с 2011 года на базе молодежного муниципального автономного учреждения «Молодежный центр «Свое дело» города Красноярска. Описаны основные теоретические положения проекта и представлены результаты его реализации.

Ключевые слова: профилактика, молодежь, индивидуально-профилактическая работа, молодежная политика.

В рамках работы с несовершеннолетними, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, когда подросток совершает проступки, или вся семья попадает в неблагоприятные условия и испытывает глубочайший кризис и претерпевает связанные с этим последствия (алкоголизация, наркотизация, агрессия по отношению к членам семьи, мощные депривационные процессы и пр.), на первый план выходит возвращение семьи (подростка) к границам нормы, к оптимальному её функционированию и вовлечение подростка в позитивные социальные практики, которые позволяют изменить уровень жизни.

В этом плане ресурсы отрасли «Молодежная политика» являются достаточно емкими и позволяют при слаженной работе специалистов при взаимодействии с другими субъектами системы профилактики создавать условия для гибкого реагирования на каждую конкретную ситуацию и всесторонне оказывать субъекту помощи, будь это подросток или семья.

Молодежная политика Красноярского края представлена 71 молодежным центром, в которых трудится просто огромная команда — вместе это больше 1200 человек. В городе Красноярске работает 9 молодежных центров и туристско-информационный центр, которые делают большой вклад в социализацию и ресоциализацию молодежи.

В Красноярском крае работа ведется в рамках различных направлений добровольческое, творческое, патриотическое, спортивное (ЗОЖ), профориентационное. В городе

Красноярске молодежные центры работают в рамках своего профиля деятельности. Так, например, «Доброе дело» занимается добровольчеством и волонтерством, а ИТ-центр всем, что связано с информационными технологиями.

Но если мы говорим о механизме профилактики негативных проявлений в молодежной среде, то стоит отметить, что в данном направлении отрасль молодежной политики города простроена таким образом, что профилактика проходит сквозной нитью через все проекты, где подросток может смело сориентироваться и выбрать интересное для него направление. В городе Красноярске реализуются по меньшей мере более 50 различных проектов и направлений только в молодежной политике.

Что касается непосредственной профилактики негативных проявлений среди молодежи, то в рамках этого направления реализуются три общегородских проекта, проект «Ювенальная служба», «Служба превенции» и «Ресурсный центр медиации».

Проект «Ювенальная служба» — непрерывная комплексная работа в сфере вторичной и третичной профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, состоящих на различных видах учета и лиц, находящихся в СОП и ТЖС.

Проект «Служба превенции» направлен на профилактику зависимых форм поведения на территории города Красноярска среди студентов профессиональных образовательных организаций (далее — ПОО) посредством социально-позитивной студенческой субкультуры.

Проект «Ресурсный центр медиации» направлен на воспитание культуры конструктивного поведения в конфликте среди молодежи, основанном на медиативном подходе, который базируется на таких общечеловеческих ценностях, как признание уникальности каждой личности, взаимное принятие, уважение права каждого на удовлетворение собственных потребностей и защиту своих интересов без причинения вреда окружающим.

Одним из таких проектов, который обеспечивает слаженную работу в области профилактики негативных проявлений среди молодежи, объединяет все центры и обеспечивает направлению профилактической работы проходить через все проекты отрасли является проект Ювенальная служба».

Общегородской проект «Ювенальная служба» (далее — Проект) реализуется с 2011 года на базе молодежного муниципального автономного учреждения «Молодежный центр «Свое дело» города Красноярска.

Целью Проекта является осуществление комплексной работы в сфере вторичной и третичной профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, состоящих на различных видах учета и лиц, находящихся в СОП и ТЖС. Отличительной особенностью является, что после снятия с учета КДН и ЗП продолжается работа с

молодыми людьми до достижения ими возраста 21 года, для закрепления их социально-культурной поведенческой рамки, дальнейшего личного и профессионального самоопределения.

С целевой аудиторией проекта проводится индивидуально-профилактическая работа — разработка и реализация программы действий, направленной на изменение ситуации, способствовавшей совершению правонарушений. В рамках этого направления происходит «возвращение» молодежи, вступившей в конфликт с законом, в семью, в образовательное пространство; нахождение для нее группы идентичности; формирование устойчивого интереса к социально одобряемому виду деятельности; уменьшение или полное отсутствие рецидивных правонарушений. В рамках данного направления реализуются ювенальные технологии (медиация, программы восстановительного правосудия, социально-правовые тренинги, «куратор случая» и др.). В этом ключе, данная деятельность целиком согласуется с Указом Президента России Владимира Путина об объявлении 2023 года — Годом педагога и наставника, ведь по сути сотрудники молодежных центров (кураторы несовершеннолетних и специалисты, входящие в составы рабочих групп; руководители клубов и объединений, волонтеры и другие люди, входящие в референтный круг общения подростка выполняют в том числе наставническую деятельность, являясь для подростка образцом поведения и ориентиром для принятия решений.

Основными критериями качественной оценки профилактической работы с целевой аудиторией Проекта являются: возвращение целевой аудитории в семью; возвращение в образовательное пространство; нахождение группы идентичности; формирование устойчивых социально одобряемых интересов.

Специалист организует для целевой аудитории Проекта содержательное позитивное наполнение свободного времени, повышает культурный уровень и социальную компетентность, формирует полезные поведенческие навыки и установки, обеспечивающие эффективную социальную адаптацию, содействует снижению академической задолженности, проводит профилактические мероприятия и оказывает консультативную помощь.

В 2023 году в Проект вовлечены все учреждения молодежной политики города Красноярска. Проект реализуется посредством создания площадок Проекта на базе молодежных учреждений. Площадка включает в себя: рабочее место, штат специалистов (не менее двух ставок), использующих ювенальные технологии, основная профессиональная деятельность которых, предполагает оказание профессиональной (в том числе экстренной) помощи несовершеннолетним и лицам, как уже было ранее сказано, в возрасте до 21 года, являющимся целевой аудиторией Проекта. Площадки Проекта располагаются на базе шести учреждений. Кроме площадок, деятельность в рамках Проекта осуществляется специалистами двух

учреждений, использующими элементы ювенальных технологий, без выделения отдельного направления работы. Еще одно учреждение осуществляет свою деятельность в рамках организации мероприятий и создания позитивной социальной среды для молодежи, находящейся на картотечном учете субъектов системы профилактики города.

В 2022 году в рамках реализации Проекта было проведено 22 мероприятия с участием 338 человек, из них: 77 человек из семей, находящихся в социально опасном положении, 23 человека, состоящих на иных категориях учета. Из общего количества несовершеннолетних, из семей, состоящих на учете в социально опасном положении, хотя бы в одном мероприятии принял участие каждый третий несовершеннолетний. Более чем у 90% несовершеннолетних вышеуказанной категории учета, в индивидуальные программы реабилитации включены мероприятия сферы молодежной политики.

В рамках работы с несовершеннолетними в проекте «Ювенальная служба» специалисты центра и волонтеры были вовлечены в Проект «Шаг навстречу», направленный на ресоциализацию несовершеннолетних воспитанников воспитательных колоний. Проект реализуется в форме выездных психолого-социально-правовых интенсивов и адаптационных выездов, задачами которых являются:

- расширение правоисполнительных социальных связей;
- формирование у воспитанников паттернов поведения и навыков жизнедеятельности в широком социуме;
- включение воспитанников в разнообразные формы совместной деятельности и общения со студентами университета для освоения воспитанниками социально позитивной молодежной субкультуры, «вытесняющей» криминальную картину мира воспитанников.

В 2023 году двухдневный социально-правовой интенсив «Курс на будущее» в рамках этого проекта объединил 57 воспитанников Канской воспитательной колонии, 15 волонтеров Проекта и специалистов пяти молодежных центров города. Интенсив включал в себя пять блоков, направленных на знакомство, командообразование, тренинговую работу и проведение творческих мастер-классов.

В заключение стоит отметить, что сотрудники проектов молодежной политики города Красноярска находятся в процессе постоянного поиска новых инновационных форм и способов для ответа современным вызовам времени.

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ДЕТСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАБОТЕ О ЗДОРОВЬЕ

О.Р. Михайлова, А.И. Бочкор, Е.Р. Рыбакова, Д.С. Попов, П.М. Осипова, М.И. Десятова, М.Д. Чепелева, Е.И. Серебренная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В тезисах представлены замысел, проделанная работа, планы и текущие результаты деятельности по исследовательскому проекту, направленному на разработку опросных инструментов для измерения самостоятельности в вопросах заботы о здоровье у российских детей, подростков и молодежи (5–25 лет). Под заботой о здоровье понимается совокупность практик осознанного управления своим эмоциональным и физическим состоянием (поддержание, мониторинг и менеджмент). В ходе проекта был осуществлен концептуальный анализ понятий, используемых для обозначения практик воздействия на индивидуальное здоровье в зарубежной литературе, проведены Delphi-группы с 8 экспертами по детскому развитию для разработки предварительного варианта опросника для родителей, а также пилотаж опросника с помощью когнитивных интервью с 10 родителями из пяти разных городов России. На данный момент ведется сбор опросных данных среди российских родителей школьников разных возрастов для тестирования психометрических показателей. По итогам проекта планируется получить два опросника с учетом гендерных и возрастных различий: для родителей детей и младших подростков, а также опросник для самостоятельного заполнения старшими подростками и молодежью. Предполагается, что разработанные в проекте опросники будут полезны для оценки общего уровня благополучия молодого населения РФ; при подготовке интервенций, а также для родителей и работников системы образования, для которых благополучие молодежи является одним из актуальных приоритетов.

Ключевые слова: самостоятельность в заботе о здоровье, забота о здоровье, оценка самостоятельности, субъективные представления, дети, подростки, молодежь.

В современной социально-научной литературе существует достаточно много опросных инструментов, позволяющих выяснить, как заботятся о своем здоровье дети, подростки и молодежь с медицински-диагностированными хроническими заболеваниями, однако практически нет аналогичных опросников для детей, подростков и молодежи у которых медицинскими специалистами не было зафиксировано подобных состояний (Biagioli et al., 2022). Цель настоящего исследования заключается в разработке опросника, позволяющего измерить способность детей, подростков и молодежи (5–25 лет) к заботе о своем здоровье.

Под заботой о своем здоровье понимается совокупность практик осознанного управления своим эмоциональным и физическим состоянием: поддержание, мониторинг и менеджмент (Riegel, Jaarsma, Strömberg, 2012). Кроме того, мы хотим понять, имеет ли забота о своем здоровье среди российской молодежи возрастную и гендерную специфику.

Измерение практик заботы о своем здоровье среди молодых людей независимо от наличия у них хронических заболеваний важно, поскольку степень использования практик заботы о здоровье молодым человеком может служить индикатором благополучия молодежи страны в межстрановых и межпоколенческих исследованиях (Abbas et al., 2022). Также подобный инструмент может быть полезен при проведении интервенций, ориентированных на улучшение здоровья молодежи, поскольку позволит обнаруживать группы населения, особенно остро нуждающиеся в поддержке и помощи.

В процессе достижения цели нами было решено несколько вспомогательных задач.

1. Был осуществлен концептуальный анализ понятий, которые употребляются в зарубежной литературе для обозначения практик, используемых людьми для воздействия на свое состояние здоровья. В результате анализа данных понятий был сделан выбор в сторону применения в проекте понятия «забота о себе», поскольку оно имеет нейтральный характер, не ассоциируется с интенциональными попытками самоулучшения, как, например понятие «биохакинг» или ухудшения — «самоповреждение».

2. Для формирования предположений о навыках самостоятельной заботы о своем здоровье у российских молодых людей мы изучили литературу о гендерных и возрастных детерминантах практик самостоятельной заботы о здоровье в России и за рубежом (Osokpo, Riegel, 2021; Lee et al., 2021). В соответствии с рассмотренной литературой ожидается, что могут быть обнаружены гендерно-возрастные различия в самостоятельности молодых россиян в заботе о здоровье, однако их характер пока не до конца понятен и предсказуем, поскольку некоторые из проведенных уже исследований обнаруживали гендерно-возрастные различия в проявлении самостоятельности в заботе о здоровье, а некоторые — нет.

3. В ходе Delphi-групп с экспертами по детскому развитию (8 человек) летом и осенью 2022 года был сформулирован перечень из 14 суждений, характеризующих практики молодых людей по заботе о своем здоровье, и предложена шкала, которая позволяет оценить степень самостоятельности выполнения данных практик, то есть независимости от внешней помощи.

4. В феврале-марте 2023 года для пилотирования валидности и надежности списка практик были проведены двухэтапные когнитивные интервью с 10 участниками-родителями (3 отца и 7 матерей детей обучающихся в 1–11 классах, проживающими в пяти

разных городах России). В результате была скорректирована шкала и сужен список суждений до 11 позиций. Пункты итоговой шкалы варьируются от 1 — «Только со взрослым»; 2 — «Если взрослый опишет план действий и проследит за его выполнением», 3 — «Если взрослый напомнит и поможет по просьбе ребенка»; 4 — «Взрослый НЕ включен в выполнение, но поможет по просьбе ребенка»; 5 — «Ребенок делает сам без напоминаний и помощи», 99 — «Не применимо (не возникало таких ситуаций)».

На данный момент исследование находится на стадии пилотажа психометрических свойств опросника (структурной и конвергентной валидности) в формате онлайн-опроса родителей (примерно 660 человек) из разных регионов России. Также сейчас мы хотим выяснить возрастной порог, при котором заполнять опросник смогут только сами молодые люди (ответы родителей будут слабо отражать самооценки практик детей). Анкета, пилотаж которой ведется, содержит три блока: 1) социально-демографический; 2) опросник заботы о здоровье (11 суждений); 3) опросник родительской вовлеченности в жизнь ребенка (адаптация Grover, Houlihan, Campana, 2016).

На следующем этапе проекта планируется разработка опросника для старших подростков и молодежи, которые будут сами отвечать на вопросы о своих практиках заботы о здоровье. По результатам проекта мы планируем получить две версии опросника: 1) для родителей детей и младших подростков; 2) для старших подростков и молодежи до 25 лет включительно, которая будет отвечать на вопросы о практиках заботы о своем здоровье самостоятельно. В будущем возможна разработка опросников для тестирования детей дошкольного возраста и беременных женщин. В число наиболее существенных ограничений разрабатываемых инструментов входит то, что анализируются представления о практиках, а не сами практики заботы о здоровье, а также не проводится триангуляция данных от родителей, детей и прочих лиц, вовлеченных в жизнь ребенка.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке проекта «Жизненный выбор: рациональность в условиях турбулентности» (проект программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Литература

Abbas A. et al. Human capital development in youth inspires us with a valuable lesson: Self-care and wellbeing // Self-care and stress management for academic well-being: IGI Global, 2022. P. 80–101.

Biagioli V. et al. Instruments measuring self-care in children and young adults with chronic conditions: A systematic review // Frontiers in Pediatrics. 2022. No. 10. P. 1–19.

Lee C.C. et al. The development of health self-management among adolescents with chronic conditions: An application of self-determination theory // Journal of Adolescent Health. 2021. No. 68(2). P. 394–402.

Osokpo O., Riegel B. Cultural factors influencing self-care by persons with cardiovascular disease: An integrative review // International Journal of Nursing Studies. 2021. No. 116. P. 1–9.

Riegel B., Jaarsma T., Strömberg A. A middle-range theory of self-care of chronic illness // Advances in nursing science. 2012. No. 35(3). P. 194–204.

ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

С.К. Нартова-Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Выделяются трудные жизненные ситуации (ТЖС), характерные для особой траектории взросления — становящейся молодости (emerging adulthood). Люди, следующие этой траектории, отличаются фокусировкой на задачах обучения, в ущерб решению традиционных задач развития (сепарация от родителей, собственная семья и проч.). Представлен перечень ТЖС, переживаемых на разных ступенях образования.

Ключевые слова: обучение, становящаяся взрослость (emerging adulthood), трудные жизненные ситуации, учащаяся молодежь, колледж, бакалавриат, магистратура, аспирантура.

Подростковый возраст плавно переходит в юность, центральной задачей которой является получение профессии. Поскольку современная цивилизация давно ориентируется в первую очередь на ценность интеллектуальных достижений, неудивительно, что овладение профессией, начинаясь в подростковом возрасте, переходит в юность и далее продолжается намного дольше, чем это происходило век назад. Этот факт существенно изменил траекторию взросления, которое отмечено необходимостью учиться, что, в свою очередь, делает границы между возрастными стадиями более прозрачными. Исходя из этой новой реальности, понимание взросления артикулируется как более континуальное, в силу чего появился новый термин, описывающий взросление обучающейся молодежи — становящаяся взрослость, emerging adulthood (Arnett, 2007).

Становящаяся взрослость условно включает людей в возрасте от 17 до 30 лет, однако эти границы имеют «плавающий» и заданы скорее фактом включенности человека в учебную деятельность. Оттого, что приоритетной задачей оказывается получение образования и новых компетенций, происходит так, что те задачи взросления, которые решались в рамках традиционной траектории взросления (сепарация от родителей, экономическая независимость, создание собственной семьи и родительство), могут откладываться или вызывать дополнительные сложности. Траектория emerging adulthood отличается выраженностью следующих пяти признаков: исследование идентичности, нестабильность, сосредоточенность на себе, ощущение себя между подростковым и взрослым возрастом и, парадоксально, — оптимистичное ощущение будущих возможностей. Этот сложный период

сопровождается существенным повышением психической напряженности, и обострение дезадаптаций разного содержания приходится именно на это время (Нартова-Бочавер и др., 2023а; Нартова-Бочавер и др., 2023б; Arnett, 2007).

Для профилактики возникающих психологических проблем создается большое количество университетских психологических служб. На наш взгляд, работа этих служб была бы более эффективной при возможности сформулировать «мишени» как связанные с типичными для обучающейся молодежи трудными жизненными ситуациями (ТЖС), которые иногда могут быть решены административно-организационными средствами. Нами были выделены ТЖС, типичные для учащейся молодежи различных образовательных ступеней.

ТЖС — это как значимая негативная ситуация, сопровождающаяся беспокойством, повышенными затратами ресурсов, неподконтрольностью, неопределенностью, необходимостью быстрого реагирования на ее условия, затруднениями в прогнозировании, трудностями принятия решения и признанием собственной некомпетентности в ее разрешении (Анцыферова, 1994; Битюцкая, 2007).

Эмпирическое исследование включало две серии; данные собирались в течение 2019–2021 годов. В первой серии участвовало 337 обучающихся разных ступеней образования: лицей (n = 82), бакалавриат (n = 47), магистратура (n = 131), аспирантура (n = 76) $M_{возраст}$ = 20,9; $SD_{возраст}$ = 3,0, 243 женского пола. Респонденты отвечали на открытые вопросы, касающихся ожидаемых и неожиданных трудностей, которые они пережили в университете. 4 эксперта-участника независимо кодировали ответы, используя индуктивно-дедуктивный метод (теоретически ожидаемые категории и выделенные из эмпирического материала). Было 48 ТЖС, объединенных в 9 кластеров: Адаптация к условиям обучения, Тревожность и перегрузки, Психоэмоциональные трудности, Организация занятий со стороны учебного заведения, Социальные условия обучения, Важность определяющих жизненных событий, Сложности адаптации к новому месту, Потери и страх потери. Все выделенные кластеры (субшкалы) обладают достаточной надежностью. ТЖС сведены в чек-лист с удобным ключом, который может применяться всеми заинтересованными специалистами.

Во второй серии была поставлена задача идентификации ТЖС, типичных для каждой ступени обучения. Респондентами были 717 обучающихся разных ступеней образования: колледж (n = 138), бакалавриат (n = 492), магистратура (n = 55), аспирантура (n = 30), 2 вольнослушателя, $M_{возраст}$ = 19,0; $SD_{возраст}$ = 4,3, 613 женского пола. 301 человек переехал для обучения (23 сменили страну), 416 обучаются в том же городе, в котором родились.

По всей выборке были идентифицированы следующие самые часто встречающиеся ТЖС: Страх не найти (достойную) работу после обучения, отсутствие перспектив, невостребованность специальности 63%; Опасения в отношении собственной компетентности

(синдром самозванца, низкая самооценка) 65%; Нездоровый образ жизни (малоподвижный, неправильное питание) 66%; Ослабление или утрата мотивации к учению и специальности, выгорание 69%; Проблемы с тайм-менеджментом (дедлайны, прокрастинация, многозадачность, умение планировать свою жизнь) 73%; Нарушения сна и нехватка времени на сон 75%; Нехватка свободного времени 77%; Необходимость сохранять эмоциональную устойчивость 78%; Академическая перегрузка (большое количество занятий, экзаменов, учебного материала) 79%; Тревога из-за успеваемости, экзаменов, подготовки публикаций; страх неудачи на экзамене и отчисления 81%.

Наименее частыми ТЖС оказались: Война/вооружённые конфликты 8%; Адаптация к обучению в многокультурной среде 12%; Напряжение и конфликты с однокурсниками и соседями по общежитию 14%; Трудности привыкания к самостоятельности в быту (стирать, поддерживать порядок в комнате и др.) 16%; Токсичная студенческая среда (отверженность, социальный остракизм, буллинг) 16%; Конфликты с преподавателями или научным руководителем 18%; Болезнь и состояние здоровья близкого человека 20%; Немотивированная отмена занятий и неявка преподавателей 20%.

По всем кластерам (кроме «Потери и страх потери») получены значимые различия в зависимости от пола, ступени образования и факта переезда. Обнаружено, что количество и конфигурация ТЖС зависят от пола (больше у девушек), ступени образования (больше в бакалавриате) и факта переезда в другой город (больше у переехавших студентов).

Несмотря на то, что период сбора данных был более стабильным по сравнению с текущим, нам представляется, что полученная картина достаточно репрезентативна и может быть использована психологическими службами вузов для выделения приоритетных задач. В настоящий момент сбор данных повторяется, и в ближайшее время могут быть получены более свежие данные.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №20-513-05014.

Литература

Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 3–18.

Битюцкая Е.В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 87–93.

Нартова-Бочавер С.К., Бардадымов В.А., Ерофеева В.Г., Хачатурова М.Р., Хачатрян Н.Г. Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи // Вопросы образования. 2023а (в печати).

Нартова-Бочавер С.К., Ерофеева В.Г., Байрамян Р.М., Чулюкин К.С. Повседневные представления об аутентичности: от детства к юности // Психология. Журнал ВШЭ. 2023б. № 20(6) (в печати).

Arnett J.J. Emerging adulthood: What is it, and what is it good for? // Child Development Perspectives. 2007. No. 1(2). P. 68–73. https://doi.org/10.1111/j.1750-8606.2007.00016.x.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА НАРКОТИЗАЦИЮ ПОДРОСТКОВ

А.С. Небогов

ООО «ЮРИСОЦ», г. Москва, Россия

Подростки находятся под острым влиянием различных социально-психологических, особенно семейных, факторов. В статье рассмотрены следующие семейные социально-психологические факторы, влияющие на наркотизацию подростков: тип семьи, количество детей в семье, уровень образования родителей, возраст матери, возраст рождения первого ребёнка, отношения подростков и юношей с родителями.

Ключевые слова: социально-психологические факторы, наркотизация подростков, химическая зависимость, отношения подростка с матерью и с отцом.

Период подросткового возраста считается одним из самых сложных в жизни человека, который часто сопровождается рядом психологических проблем, связанных со взрослением. Неполная семья, давление сверстников, учебная нагрузка, городская среда мегаполиса являются одними из распространенных причин, вызывающих стресс в жизни подростков, который побуждает их прибегать к употреблению наркотиков. Дети, растущие в неблагополучных семьях с зависимыми или психически-нестабильными родителями, подвергающиеся школьной травле, переживающие эмоциональное, физическое или сексуальное насилие в большей степени подвержены наркотизации. Наличие зависимых членов в семье, насилие и другие травматические события способствуют формированию зависимости у подростков от наркотиков.

Согласно данным Росстата (Российский статистический ежегодник, 2021), в России за 2020 год официально зарегистрировано 2,7 подростков на 100000 человек населения в возрасте 15–17 лет с впервые в жизни установленным диагнозом «наркомания», и стоящих на учете в лечебно-профилактических организациях — 6,4 подростка на 100000 человек населения. Это официальная статистика, которая не учитывает анонимных наркоманов. Смертность от наркотиков в РФ в 12 раз больше по сравнению с ЕС. Около 70% всех наркоманов — подростки. Средний возраст продолжительности жизни наркомана 28–30 лет. Подросток еще недостаточно зрел (Леонтьев, 1981), чтобы развить свою собственную личность, чтобы отстаивать свои взгляды. Общество взрослых часто игнорирует идеи и взгляды подростков, что влечет за собой низкую самооценку и ощущение собственной неважности подростков для этого мира. Ему придется оставаться в состоянии напряжения, чтобы иметь свой собственный путь в отношении моды одежды, прически, манеры

говорить и вести себя в соответствии со своими собственными убеждениями. Разрыв между поколениями заметен в столкновении между подростками и сложившимся обществом взрослых. Подростки постепенно перестают быть «ориентированными на родителей» и переходят к «ориентации на сверстников» и возникает столкновение между обществом взрослых и обществом подростков. Отдаление подростков в некоторых случаях может сделать их зависимыми от наркотиков и слабыми по характеру — настолько сильным бывает влияние группы сверстников. Выполненные исследования (Личко, Битенский, 1991) подтверждают, что склонность к наркотикам у подростка может возникнуть в качестве влияния как со стороны родителей, так и со стороны посторонних лиц, употребляющих наркотики.

При изучении влияния семейных факторов на наркотизацию подростков использованы следующие методики: анкетирование подростков для выявления влияния на наркотизацию типа семьи, количества детей в семье, уровня образования родителей и возраста матери при рождении первого ребёнка» (Бутенко, 1989); методика «Подростки о родителях» для выявления отношений подростков к своим родителям (Вассерман, Горьковая, Ромицына, 2001); методика «Взаимодействие родителя с подростком» для выявления отношений родителей к своим детям-подросткам (Марковская, 1999). В исследовании участвовало 27 подростков школьников средних общеобразовательных школ г. Москвы, ранее проходившие лечение в стационарах и реабилитационных центрах.

Предварительно проведено анкетирование (по методике Бутенко, 1989) участников исследования, на основании которого получена социально-демографическая информация о семьях, которое показало следующее.

Количество подростков-наркоманов из неполной семьи составляет 26% (7 человек). Чуть меньше половины респондентов (48%) являются единственными детьми в семье. Семьи, в которых 2 и 3 детей составляют примерно одинаковое количество (26% и 22%) с разницей лишь в одного человека. Наименьшее количество участников из семей, в составе которых более 3 детей: 4%. Уровень образования родителей (высшее и среднее) также преобладает в примерно одинаковых пропорциях (55 и 44% соответственно) в пользу высшего образования, превышающее среднее на 10% (3 человека). Возраст матери 22–25 лет при рождении первого ребенка, согласно данному исследованию, составляет 37% (10 человек). Следующим по количеству респондентов выступает возраст матери от 35 лет и более 30% (8 человек). Наименьшее количество респондентов, принимающих участие в обследовании, из семей, возраст матери которых при рождении первого ребенка составляет 26–34 года 11% (3 человека).

Проведено тестирование, обработка и интерпретация результатов тестирования по вышеприведенным методикам.

Интерпретация полученных результатов. В полных семьях по отношению к матери преобладают показатели критики, автономности и враждебности. Наименьшее количество баллов набрали показатели позитивного интереса и непоследовательности. По отношению к отцу в полных семьях трудно выделить однозначные результаты, резко отличающиеся от других. В неполных семьях по отношению подростков к матери преобладают показатели директивности, критики и близости. Однако параллельно с этим высокий балл преобладает и для низкого уровня близости. Следовательно, показатель близости в таких семьях является или абсолютным, или недостаточным, и редко чем-то между. Точно такие же результаты в показатели «враждебность» — две крайности: либо очень высокая, либо очень низкая. Параллельно с этим, в отличие от результатов по полным семьям, наблюдается крайне высокий балл непоследовательности и низкий балл автономности. По отношению к отцу в неполных семьях преобладают высокие показатели враждебности, автономности и крайне низкий результат по шкале позитивного интереса. Это свидетельствует о том, что немногие респонденты из неполных семей поддерживают отношения с отцом в настоящий момент и позитивно отзываются об отношениях с ним в детстве. Большинство испытуемых признают, что держат обиду на отца, и не готовы сделать шаг навстречу восстановлению этих отношений в тех семьях, где отец жив.

Возраст матери при рождении первого ребенка от 35 лет. В отношении к матери высокий результат преобладает по шкалам близости и непоследовательности. Предположительно это связано с высоким уровнем созависимости среди матерей, которые родили своего первого ребенка в позднем возрасте. По отношению подростков к отцу среди данной категории респондентов преобладает, наоборот, низкий показатель близости, низкий балл враждебности и средний балл непоследовательности.

Возраст матери при рождении 1 ребенка от 16 до 25 лет. В отношении к матери преобладает высокий показатель критики, низкий показатель близости и высокий показатель враждебности. Также в показателе «непоследовательность» наблюдается расщепление на очень высокую и очень низкую. По отношению подростков к отцу одинаково высокий балл наблюдается как для пониженного, так и повышенного уровня критики и точно такой же результат относительно непоследовательности.

Исходя из полученной интерпретации следует, что такие показатели, как тип семьи (полная или неполная), возраст матери при рождении первого ребенка (от 16 до 25 лет и от 35 лет и более) оказывают существенное влияние на взаимоотношениях наркозависимых подростков со своими родителями.

В неполных семьях мы наблюдаем высокий уровень негативных показателей отношений с отцом. В семьях, где возраст матери при рождении 1 ребенка превышает 35 лет,

наблюдается высокие показатели близости и непоследовательности, что существенно отличается от параллельной группы (16–25 лет).

На основании проведенного исследования можно сделать выводы.

1. Подростки из неполных семей в большей степени подвержены формированию наркотической зависимости (почти в 2 раза больше в сравнении с полными семьями).

2. Единственные дети в семье с большей вероятностью подвержены формированию химической зависимости, чем в многодетных семьях. Наличие одного или двух братьев или сестер в примерно равной степени влияют на наркотизацию подростков и юношей, в то время как семьи, в которых 4 детей, преобладают в меньшей степени.

3. Возраст матери при рождении первого ребенка, составляющий 26–34 года, является наиболее редким среди семей с наркозависимыми подростками, составляя примерно 1/10 всех наркозависимых подростков.

4. Уровень образования родителей не оказывает существенного влияния на наркотизацию подростков, высшее и среднее образование родителей примерно в равной степени (с разницей в 5%) преобладает среди наркозависимых подростков.

Литература

Российский статистический ежегодник. Официальное издание Росстата, 2021. 693 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981. 584 с.

Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология: Руководство. Л.: Медицина, 1991. 304 с.

Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами: Учеб. пособие для студентов и аспирантов вузов. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб.: «ФАРМиндекс», 2001. 68 с.

Марковская И.М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 2. С. 94–108.

ЛЕСТНИЦА УЧЕБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: ОЦЕНКА УРОВНЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ

К.Н. Поливанова, О.Р. Михайлова, А.С. Струкова, П.А. Гавриленко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В тезисах приведены результаты пилотного исследования психометрических свойств опросника для оценки уровня учебной самостоятельности российских школьников «Лестница учебной самостоятельности». В основе этого инструмента лежат наблюдения родителей о том, какая степень включенности взрослых требуется их детям для решения той или иной учебной задачи. На основании ответов 1924 родителей сделан вывод о том, что мальчики и девочки статистически достоверно отличаются по уровню самостоятельности до 7 класса, активное развитие самостоятельности продолжается как минимум до конца 6 класса, разные возрастные группы детей достоверно отличаются по уровню самостоятельности.

Ключевые слова: учебная самостоятельность, психологическое развитие, оценка учебной самостоятельности, школьники, родительские представления.

Современные федеральные стандарты образования опираются на системно-деятельностный подход (Асмолов, 2009) и подразумевают, что школы не только передают определенный объем знаний, но и обучают тому, как учиться самостоятельно (ФГОС Основное общее образование, 2020; ФГОС Начальное общее образование, 2020; ФГОС Среднее общее образование, 2020). В отечественной педагогике существуют способы оценки учебной самостоятельности, например, в системе развивающего обучения (Воронцов, Чудинова, 2004; Цукерман, Венгер, 2010). Однако эти способы или затратны по исполнению — требуют подготовки и обучения наблюдателей, включенного наблюдения и т.д., или являются инструментом оценки самостоятельности внутри конкретной педагогической системы и с трудом могут быть применены в другой педагогической традиции.

В рамках проекта РНФ «Самостоятельность детей и подростков в образовании» (грант №22-18-00416) была предпринята одна из первых попыток создать универсальный и простой в использовании инструмент оценки самостоятельности с опорой на существующие ФГОС. Критерием оценки самостоятельности в этом опросе выступает наблюдения родителей за степенью своей включенности в те или иные задачи, с которыми ученик сталкивается в школе. Чем меньше степень включенности родителей — тем, соответственно

выше степень самостоятельности ребенка. Такой подход имеет свои ограничения, связанные с тем, что мы оцениваем не собственно развитие навыков, а представления родителей о степени помощи взрослых, которая требуется ребенку. В дальнейшем мы планируем дополнять этот инструмент другими разработками, которые позволят оценить уровень учебной самостоятельности с позиции педагога и самого ученика.

Для создания опроса мы последовательно проанализировали существующие стандарты начального, основного и среднего образования, утвержденные приказами Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 11.12.2020) и выделили ряд результатов, которые могут быть отнесены к категории учебной самостоятельности, такие, как например, универсальные регуляторные действия, способность действовать в ситуации неопределенности, саморазвитие, самовоспитание, самодисциплина и т.д. Затем на основе проведенных интервью с родителями и исследовательской групповой дискуссии мы сформулировали ряд конкретных действий ученика, которые родитель может наблюдать и в которых ему легко будет оценить степень своего участия. Первоначальный список показателей мы повторно обсудили на исследовательской групповой дискуссии и удалили те, которые вызывали разночтения или непонимание. В качестве ответной шкалы мы взяли за основу шкалу Ликерта, но адаптировали ее под задачу опросника: сформулировали 5 степеней включенности родителя в действие ребенка, где минимальным значением было «ребенок делает только вместе со взрослым», а максимальным — «ребенок делает полностью сам, без напоминаний».

В результате у нас получился опросник, состоящий из 20 вопросов. С полным текстом опросника можно будет ознакомиться в статье, которая будет подготовлена и опубликована чуть позднее. Затем мы провели пилотирование опросника и собрали 1924 ответа респондентов. В исследовании участвовали родители детей разного возраста, в том числе — родители учащихся начальной школы (1–4 класс) — 684 человек, основной школы (5–9 класс) — 1110 человек, средней школы — 130 человек. Средний возраст детей составил 11,6 лет (SD = 2,75). В выборке равномерно представлена информация как о мальчиках-учащихся (974 человека), так и девочках (950 человек). Для того чтобы убедиться, что мы можем суммировать значения переменных опросника и опросник не распадается на несколько подшкал, мы рассчитали Альфу Кронбаха (А Кронбах = 0,9), значение которой позволяет опровергнуть гипотезу о многомерности конструкта учебная самостоятельность и сделать вывод о том, что показатели могут быть суммированы. Затем мы вывели новую переменную — сумма баллов по опроснику. Максимально возможная сумма баллов — 100 баллов, минимально возможная — 20 баллов. Средний показатель суммы баллов по опроснику для всей выборки составил 79 баллов (SD = 14,7). Распределение значений показателя не является нормальным: асимметрия составляет −1,26, эксцесс — 1,61: мы наблюдаем

потолочный эффект и смещение кривой распределения в сторону высоких значений показателя. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что оценивать самостоятельность через представления родителей о степени их включенности в действия ребенка после достижения определенного возраста может быть затруднительно. Подробнее эта гипотеза будет рассмотрена в последующем анализе данных для будущих публикаций.

Для сравнения групп мальчиков и девочек по агрегированной индивидуальной сумме баллов по опроснику мы использовали t-test Стьюдента для независимых выборок. Так как дисперсия в группе мальчиков и в группе девочек неравномерна и распределение значений признака ненормально, то мы ввели в анализ дополнительные коэффициенты Уэлча и Манна-Уитни. Расчеты были произведены в программном обеспечении Jamovi. По результатам расчета мы сделали вывод о том, что группа девочек статистически достоверно отличается от группы мальчиков ($p < 0,01$). Девочки обладают более высоким уровнем самостоятельности (средний балл по опроснику — 80,9), чем мальчики (средний балл по опроснику — 77,2).

Затем мы провели половозрастные сравнения в группах 1–2, 3–4, 5–6 и 7–9, 10–11 классах. Более дробное разбиение на группы внутри одного уровня образования было продиктовано образовательными задачами, стоящими перед учащимися на разных уровнях образования и различиями в возрастных психологических особенностях. В дальнейшем мы планируем провести более детальный анализ данных и выявить оптимальное деление на возрастные группы. Для анализа мы использовали ANOVA и перепроверяли результаты в модуле Walrust Robust ANOVA, основанном на непараметрических методах сравнения групп для ненормального распределения. Расчеты были произведены в программном обеспечении Jamovi. Все возрастные группы статистически достоверно отличаются по агрегированной сумме баллов по опроснику ($p < 0,01$). Наибольший скачок развития самостоятельности происходит между группами 1–2 и 3–4 класса, между группами 5–6 и 7–8–9 классов. Разница в агрегиированной сумме баллов по опроснику между мальчиками и девочками внутри каждой возрастной группы подтвердилась для групп 1–2 ($p < 0,05$), 3–4 ($p < 0,05$) и 5–6 классов ($p < 0,05$). В группах 7–9 классов и 10–11 классов достоверных различий мы не обнаружили.

Таким образом, ученики осваивают учебную самостоятельность постепенно. Предположительно, до 6 класса включительно ученикам требуется поддержка взрослых и учителей для того, чтобы осваивать этот навык. Это говорит о том, что не стоит ожидать от учащихся в этих классах способности полностью самостоятельно справляться с учебными задачами и отказывать им в необходимой поддержке, выставлять требования справляться со всем самостоятельно, а напротив, педагогам и родителям следует постепенно работать

над развитием этого навыка, как и любого другого навыка в школе. Полученные данные лягут в основу методических рекомендаций родителям и педагогам по развитию и поддержке учебной самостоятельности. Расчеты и анализ данных, приведенные здесь, являются промежуточными и будут уточнены для последующей публикации.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Самостоятельность детей и подростков в образовании» (грант №22-18-00416).

Литература

Асмолов А.Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. 2009. № 4. С. 18–22.

Воронцов А.Б., Чудинова Е.В. Учебная деятельность: введение в образовательную систему Эльконина-Давыдова. М.: Рассказов А.И., 2004. 304 с.

Цукерман Г.А., Венгер А.Л. Развитие учебной самостоятельности. М.: ОИРО, 2010. 432 с.

ФГОС Основное общее образование (Электронный ресурс). URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 14.06.2022).

ФГОС Начальное общее образование (Электронный ресурс). URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/ (дата обращения: 14.06.2022).

ФГОС Среднее общее образование (Электронный ресурс). URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/ (дата обращения: 14.06.2022).

ПРИВЯЗАННОСТЬ К ГОРОДУ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ОМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ю.В. Потапова, А.Ю. Маленова, А.А. Маленов, А.К. Потапов

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия

Приводятся результаты исследования отношения к городу в контексте миграционного поведения омичей. Выделено три типа молодых горожан: со слабыми миграционными установками и положительной оценкой города; со средними показателями привязанности к городу и миграционных установок; с сильными миграционными установками и средним уровнем привязанности к городу (в нем чаще встречаются девушки и представители нетитульной нации).

Ключевые слова: отношение к городу, миграционные установки, учащаяся молодежь, типы школьников, Сибирский регион.

Экономические, социальные и политические процессы, происходящие в современной России, приводят к формированию высокого уровня дифференциации территорий страны с точки зрения густоты населенности, образуя ландшафт, на котором немногочисленные крупные города и их агломерации стягивают к себе значительную часть населения, тогда как остальные территории, менее привлекательные для проживания, пустеют, люди покидают их в поисках лучшей жизни. Молодежь — это самая мобильная группа, составляющая основную часть мигрирующего населения, поскольку она свободнее от семейных и трудовых обязательств, легче принимает решения о релокации. Населенные пункты, из которых уезжает значительная часть молодых жителей, оказываются в трудном положении: снижается доля трудового, инновационного и репродуктивного потенциала региона. Омская область может послужить примером территории с высокими темпами миграционной убыли. При этом следует отметить «транзитный» характер миграции молодежи в Омске: вчерашние школьники приезжают, чтобы получить образование (пока город обладает весьма широким выбором высших учебных заведений), а затем, получив профессию, уезжают в другие города. Таким образом, трудоспособное население, получившее специализированные знания, а значит, еще более высокую ценность для региона, покидает его. Поэтому необходимо срочно решать вопросы о способах сдерживания миграционных потоков, формирования позитивной установки, связанной родным городом. Отношение к городу часто изучается через анализ идентичности его населения (Шуб, 2021), его образа в глазах жителей разных социально-демографических категорий (Питина, 2021), а также имиджа

(Овсянникова, Саенко, 2022), который определяется как сознательно формируемый конструкт, влияющий на впечатление о городе у различных групп населения, их единение через процесс разделения схожих ценностей, формирование ощущения безопасности и комфорта в городской среде. Имиджмейкинг признается низкозатратной технологией, опирающейся не на реальные трансформации среды, а на создание определенного информационного поля, воздействующего на массовое сознание (Там же). Потенциально улучшение отношения к родному городу может снижать стремление молодежи к переезду из родного региона. Гипотезу о наличии определенных типов сочетания миграционных установок с отношением к городу мы стремимся проверить в настоящем исследовании. Также мы предполагаем, что можно определить, какие социально-демографические характеристики связаны с усилением или снижением миграционных установок и динамикой отношения к городу.

В исследовании приняли участие 313 омских школьников, из них 176 (56,2%) девушек и 137 (43,8%) юношей, подавляющее большинство 278 (88,8%) русских. Организационный метод исследования — сравнительный, эмпирические — тестирование и анкетирование. Методики исследования: шкала миграционных установок С.А. Кузнецовой, опросник «Привязанности к дому» С.И. Резниченко, С.К. Нартовой-Бочавер, В.Б. Кузнецовой, модифицированный для оценки отношения к городу А.Ю. Маленовой, Ю.В. Потаповой. Методы математической статистики: таблицы сопряженности с подсчетом хи-квадрат, кластерный анализ методом К-средних, однофакторный дисперсионный анализ.

Основанием для классификации выступило сочетание двух переменных: привязанность к городу и собственные миграционные установки. Исследовались 3- и 4-кластерные решения, и по суммарной величине ошибки оптимальным оказалось деление городских школьников на три типа. Далее были сравнены нормированные по выборке показатели переменных, заложенных в основание классификации. Было выявлено, что испытуемые, включенные в кластеры, статистически значимо отличаются друг от друга как по отношению к г. Омску ($F = 48$, $p \leq 0{,}001$), так и по миграционным установкам ($F = 773{,}2$; $p \leq 0{,}001$).

Первый кластер включал 47 человек, у которых наблюдались низкие миграционные установки (нормированный балл по выборке 34,7), и высокий уровень положительного отношения к городу, привязанности к месту проживания (60,1 балла).

Второй кластер (166 человек) предполагал включение школьников со средними миграционными установками (48,9 балла) и средним уровнем привязанности к городу (53,5 балла), предполагающим, скорее, его нейтральную оценку.

Третий кластер (100 человек) состоял из молодых людей с высокими миграционными установками (63,1 балла) и средним уровнем привязанности к городу (47,7 балла), показатели которого ниже, чем у представителей 2 кластера.

Таким образом, не было выделено группы подростков, обладающей явным негативным отношением к городу Омску, низким уровнем привязанности к нему, хотя почти треть опрошенных (100 человек) обладали высокими миграционными установками. Это означает, что, несмотря на потенциальное решение уехать из города, школьники, похоже, не испытывают к нему непримиримой антипатии, что может выступать ресурсом для формирования установок, противоречащих идее о миграции.

Интерес представляет выявление социально-демографических характеристик респондентов, попавших в каждый из трех кластеров, особенное внимание в этом смысле следует уделить отличиям между вторым и третьим кластером, оба из которых имеют средний уровень привязанности к городу при формировании миграционных установок различных уровней. Использование таблиц сопряженности позволило выявить два критерия, по которым распределения полученных данных в группах значимо отличались. Первый критерий — это пол респондентов ($\chi^2 = 8{,}8$, $p \leq 0{,}05$). В первом кластере ожидаемые и наблюдаемые частоты не отличались, а вот во втором и третьем были найдены значимые различия между распределениями. Во втором кластере ожидаемая частота появления юношей была ниже (72,7), чем наблюдаемая (84), при этом это единственный кластер, где преобладают юноши (в него попало 61,3% школьников мужского пола). Это значит, что, вероятно, формирование умеренных взглядов как на город, так и на миграцию, особенность, более характерная для юношей, чем более радикальные взгляды и решения, свойственные девушкам. Возможно, в школьном возрасте молодые люди реже задумываются об отдаленном будущем, и потому они не готовы к тому, чтобы принимать решения о миграции на момент опроса, тогда как девушки в большей степени склонны к тому, чтобы выстраивать долгосрочные планы.

В третьем кластере, напротив ожидаемая частота появления девушек (56,2) уступает наблюдаемой (68), что может дать основания предполагать, что формирование высоких миграционных установок более характерно для девушек, чем для юношей. В третьем кластере подавляющее большинство девушек (68%), тогда как в иных группах примерно равный по полу состав.

Второй критерий, по которому отличаются респонденты из разных кластеров — это принадлежность к титульной нации ($\chi^2 = 7{,}7$, $p \leq 0{,}01$). В третьем кластере наибольший процент (18,0%) школьников, не относящихся к ней, тогда как в первом кластере таких молодых людей только 4,3%, во втором — 9%. Таким образом, более половины всех нерусских участников исследования (51,4%) были включены в третий, самый настроенный на миграцию кластер. Причины, по которой молодые люди, не относящиеся к титульной нации, стремятся уехать, могут касаться дискриминации по национальному признаку (что

имеет относительную природу в столь многонациональном регионе, как Омская область), а также быть связаны с позитивным опытом миграции семьи, который выступает своего рода миграционным капиталом, снимающим ограничения и опасения перед тем, чтобы принять решение о дальнейших перемещениях.

Таким образом, можно выделить три группы школьников, обладающих всеми тремя уровнями миграционных установок в сочетании с высоким или средним уровнями привязанности к г. Омску. В наибольшей степени настроены на миграцию девушки и школьники, не принадлежащие к титульной нации. Полагаем, что усиленной профилактикой миграционного поведения омичей необходимо заниматься именно в подростковом возрасте, поскольку в студенчестве вероятно имеются свои особенности оценки города и его возможностей, отличные от обнаруженных нами на выборке учащихся средних образовательных учреждений.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20375, https://www.rscf.ru/project/22-28-20375/, гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, Соглашение №22-с.

Литература

Питина С.А., Урванцев Г.В. Образ города в тегах // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1(447). С. 128–132.

Овсянникова Н.В., Саенко Л.А. Современный образ и имидж Ставрополя: социокультурный анализ // Вестник ЧГАКИ. 2022. № 3(71). С. 42–51.

Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 13(3). С. 498–518.

Шуб М.Л. «Город как сцена моих чувств»: особого эмоционального уровня идентичности жителей закрытого города // Сфера культуры. 2021. № 4(6). С. 80–86.

Чикер В.А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2004. 176 с.

ПЯТИСТУПЕНЧАТАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ С ПОДРОСТКАМИ С ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫМ ТРЕВОЖНЫМ РАССТРОЙСТВОМ С ПОМОЩЬЮ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ

А.С. Рахимкулова

Нейропсихологический центр для детей и подростков, г. Москва, Россия

Уровень психоэмоционального стресса в последние годы вырос настолько значительно, что от него страдают не только взрослые, но также дети и подростки. Это приводит к различным нарушениям психического здоровья молодых людей, в том числе развитию тревожных расстройств. Переживание повышенной тревожности затрагивает вегетативную, двигательную, мотивационную и когнитивную сферы. В юные годы это может привести к закреплению тревожности как черты личности и развитию ряда сочетанных нарушений, в том числе, повышенного суицидального риска. Генерализированное тревожное расстройство (ГТР) вместе с паническими расстройствами являются одними из наиболее важных для клинической практики тревожных состояний. Когнитивно-поведенческая терапия по праву считается одним из лучших терапевтических методов для проработки тревожных расстройств. Целью статьи является разработка краткосрочной программы терапии ГТР подростков с помощью КПТ. Предложенная нами пятиступенчатая модель работы с ГТР с помощью КПТ охватывает все важные аспекты, которые провоцируют тревогу и беспокойство подростка, ухудшают его вегетативные состояния, провоцируют коморбидные расстройства и закрепляют неадаптивные формы реагирования и защитного поведения. В программе предусмотрен ряд практических упражнений для совместной работы терапевта и подростка, а также для самостоятельной работы. Логически построенные этапы затрагивают психологические и эмоциональные внутренние триггеры подростка, прорабатывают его когнитивные установки в отношении восприятия и интерпретации происходящего. Навыки, приобретаемые клиентами в процессе прохождения пятиступенчатой программы, могут быть экстраполированы на другие ситуации, связанные с эмотивным реагированием.

Ключевые слова: подростки, генерализированное тревожное расстройство, повышенная тревожность, когнитивно-поведенческая терапия.

Актуальность. Генерализированное тревожное расстройство вместе с паническими расстройствами являются одними из наиболее важных для клинической практики тревожных состояний (Вознесенская, 2013). Уровень психоэмоционального стресса последние годы вырос настолько значительно, что ему подвержены не только взрослые, но дети и подростки (Розанов, 2013). Переживание повышенной тревожности в столь юные

годы приводит к закреплению тревожности как черты личности (Старшинина, 2007), следовательно, начинает оказывать влияние на ее психическое здоровье, ведь симптоматика ГТР затрагивает вегетативную, двигательную, мотивационную и когнитивную сферы (Вознесенская, 2013). Более того, закрепление и усиление тревожности приводит к накоплению негативного эмоционального опыта, что делает личность еще более уязвимой.

Обнаружена и доказана корреляция между развитием ГТР и увеличением депрессивной симптоматики, позволяющей выделить тревожную и тоскливо-тревожную депрессию, что провоцирует развитие других сочетанных нарушений, в том числе расстройств сна, повышенной утомляемости, вегетативных расстройств, а также суицидальное поведение (Робишо, Дюга, 2021). При этом степень ГТР существенно влияет на регулятивно-адаптивные возможности подростков — чем тяжелее выраженность ГТР, тем ниже способность к адаптации (Александрова, 2014).

Мы считаем, что только эффективная помощь подросткам в работе с ГТР, желательно в максимально короткие сроки, сможет помочь в реализации задач по оказании психологической помощи, поставленный в Проекте ФЗ N 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации»: «Психологическая помощь — система профессиональных мер поддержки и содействия человеку, семье, социальной группе со стороны лиц, оказывающих психологическую помощь, в предупреждении, разрешении, преодолении психологических проблем, которые нарушают нормальную жизнедеятельность, и способствующих поддержанию психического здоровья, оптимизации психического развития, социальной адаптации, саморазвитию, самореализации и повышению качества жизни».

Целью нашего исследования мы определили разработку краткосрочной программы терапии ГТР подростков с помощью КПТ. Для реализации поставленной цели выделяем следующие *задачи*: изучить возможности применения стандартных схем КПТ для терапии ГТР; разработать этапы терапии ГТР, которые позволят в короткие сроки снизить тревожность клиента; подобрать практические упражнения для реализации во время терапевтических сессий и в качестве домашнего задания для клиента; выделить необходимые навыки, которым важно обучить клиента, чтобы он мог справляться с тревогой и другими расстройствами самостоятельно. Разработка краткосрочной терапии ГТР в пределах пяти ступеней обладает высокой теоретической и практической значимостью, поскольку позволяет в течение нескольких недель снизить тревожность подростка и выработать у него навыки для самостоятельного преодоления данного психологического состояния.

Предложенная нами пятиступенчатая модель работы с ГТР с помощью КПТ охватывает все важные аспекты, которые провоцируют тревогу и беспокойство подростка,

ухудшают его вегетативные состояния, провоцируют коморбидные расстройства, закрепляют неадаптивные формы реагирования и защитного поведения, в том числе суицидальное.

Первая ступень помогает подтвердить или опровергнуть диагноз ГТР у подростка, а также обучает его дифференцировать типы беспокойства и выработать привычку мониторить его ежедневно. Этот этап побуждает подростка начать рефлексировать о своих состояниях и начать применять техники КПТ осознанно.

На второй ступени подросток осваивает практические навыки «Сам себе терапевт», чтобы еще более осознанно работать со своим беспокойством. Терапевт рассказывает о модели ABC и обучает подростка разделять свои когниции о ситуации с чувствами, которые она вызывает, и поведением, которое автоматически запускается. Мониторинг беспокойства становится более осмысленным и глубоким, так же как и рефлексия подростка.

На третьей ступени терапевт с помощью специальных вопросов помогает подростку проработать его убеждения о пользе беспокойства в его жизни. Этот этап один из самых сложных и может вызвать сопротивление и отрицание. Его продолжительность так же может быть различной, так как этап требует максимально тщательной проработки. Для этого терапевт использует различные упражнения.

Четвертая ступень прорабатывает отношение подростка к неопределенности, с тем чтобы подготовить его к изменению своих представлений о нем. Анализируется цикл беспокойства конкретного ребенка, что позволяет ему проследить, как его автоматические мысли и внутренние триггеры запускают этот процесс. Терапевт знакомит подростка с типами и характеристиками защитного поведения и прорабатывает вместе с ним каждый из них.

На пятой ступени подросток обучается понятию «поведенческий эксперимент». Терапевт подробно разбирает его структуру, обучает ребенка, как правильно выбирать ситуации для эксперимента, поощряет его успехи. На этом этапе у подростка происходит выработка толерантности к неопределенности, что значительно снижает его тревожность и беспокойство. Обучение поведенческому эксперименту позволяет подростку самостоятельно прорабатывать любые ситуации, связанные с его эмоциональными реакциями, не только тревогой.

Разработанная нами модель позволяет за достаточно короткий срок проработать все фундаментальные аспекты тревоги. Логически построенные этапы затрагивают психологические и эмоциональные внутренние триггеры подростка, прорабатывают его когнитивные установки в отношении восприятия и интерпретации происходящего.

В программе представлено достаточное количество практических упражнений для совместной работы терапевта и подростка, а также для самостоятельной работы подростка над различными аспектами тревоги. Навыки, приобретаемые клиентами в процессе прохождения пятиступенчатой программы, могут быть экстраполированы на другие ситуации, связанные с эмотивным реагированием.

Литература

Александрова Л.А. Регуляторно-адаптивные возможности организма при генерализованных тревожных расстройствах // Кубанский научный медицинский вестник. 2014. № 6. С. 115–117.

Вознесенская Т.Г. Генерализованное тревожное расстройство: дифференциальный диагноз и лечение // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2013. № 2. С. 18–22.

Робишо М., Дюга М.Ж. Генерализованное тревожное расстройство. Когнитивно-поведенческая терапия для преодоления неуверенности, беспокойства и страха. Киев: Диалектика, 2021. 288 с.

Розанов В.А. Стресс и психическое здоровье (нейробиологические аспекты) // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. № 1. С. 79–86.

Старшинина И.В. Феномен подростковой тревожности // Преподаватель XXI век. 2007. № 1. С. 183–187.

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И СУИЦИДЫ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ: СПРАВЛЯЮТСЯ ЛИ ДЕТИ С ВЫЗОВАМИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ, И КАК ИМ ПОМОЧЬ?

В.А. Розанов

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Минздрава России, г. Санкт-Петербург, Россия

Наблюдаемый рост нарушений психического здоровья и самоповреждающего (в том числе, суицидального) поведения среди подростков начался задолго до пандемии. Попытка объяснить эти тенденции только влиянием цифровой среды не подтверждается исследованиями. Тотальное пребывание онлайн несет в себе и риски, и несомненные возможности, в том числе по оказанию психосоциальной помощи и превенции суицидального поведения. Необходимы инновационные решения, которые бы превратили социальные сети из источника стресса в ресурс превенции. Но рассчитывать только на это нельзя, именно сейчас растет значимость личных контактов и выстраивания доверия между подростками, семьями и системами поддержки.

Ключевые слова: суициды, психическое здоровье, подростковый возраст, психосоциальная помощь, превенция.

В последнее время много внимания уделяется проблемам психического здоровья подростков в связи с пандемией. Недавний мета-анализ сотен опубликованных исследований показал, что в 2020–2021 годы повышенные баллы депрессии и тревоги наблюдались у 25% и 20% подростков соответственно, у девочек больше, чем у мальчиков (Racine et al., 2021). В то же время опубликованный в 2021 г. отчет о тенденциях психического здоровья среди подростков США демонстрирует, что проблемы начались гораздо раньше. За 10-летний период с 2009 по 2019 г. среди подростков на 134% выросло число тревожных расстройств и на 100% — анорексии, на 145% выросло число девочек и на 161% — число мальчиков с депрессией, при этом среди девочек больше чем среди мальчиков увеличилось число обращений за медицинской помощью по поводу суицидальных попыток и необычайно (на 188%) выросло число самоповреждений, кроме того, завершенные суициды также выросли значительно больше среди девочек, чем среди мальчиков (Youth Risk Behavior Survey, 2021).

Те разрозненные сообщения, которые есть в отечественных источниках, и наши собственные наблюдения говорят о том, что российские подростки демонстрируют во многом

аналогичные тенденции. Даже по данным официальной статистики (их неполнота известна, поскольку в отчетах омбудсмена регулярно озвучиваются почти вдвое большие значения) за последние годы снижение суицидов прекратилось, а среди девочек наметился подъем. Большое беспокойство в последнее время вызвали последние сообщения о резком росте самоубийств среди несовершеннолетних в целом по России в 2021 г. Нечто аналогичное наблюдается в Санкт-Петербурге. В то же время, если ознакомиться с динамикой за последние 5–6 лет, становится очевидным, что кратковременное снижение в 2020 г. было связано с общим снижением суицидов во время пандемии, и мы по сути наблюдаем возврат к допандемийному уровню. Более того, за последние годы, среди девочек наблюдался постоянный рост завершенных случаев. Точно так, как и в США, среди российских подростков наблюдается рост самоповреждений, обращений на телефоны доверия, причем значительно больше среди девочек. Если еще множество признаков того, что девочки являются наиболее пострадавшими от нарушений психического здоровья в последние годы. При этом среди городских подростков наблюдаются некоторые особенности фатального суицидального поведения, отличающие их от общей популяции, в частности сезонность, свидетельствующая о связи со школьными ситуациями, а также заметное преобладание прыжков с высоты среди способов суицида. Это может говорить и о высокой намеренности суицидального акта, и об импульсивности, присущей этому возрастному периоду, и о доступности и «популярности» этого способа в большом городе.

Естественно, возникает вопрос о причинах такого развития событий. Рост различных проблем психического здоровья подростков, включая суицидальность, многие авторы связывали с наступлением цифровой эпохи и массовым вовлечением детей в систематическое пребывание онлайн. Действительно, еще 5–10 лет тому назад исследования, в которых часто основной переменной было время, проведенное онлайн, выявляли ассоциации с одиночеством, депрессией и суицидальными переживаниями. Однако внимательный взгляд дает возможность увидеть гораздо более сложную картину — современные подростки практически все свободное от любой социальной активности или сна время проводят онлайн, поэтому нужно учитывать тип деятельности, связанной с этим пребыванием, и его результирующую (Odgers, Jensen, 2022).

С точки зрения распределения показателей негативного и позитивного психического здоровья в популяции подростков формируются две крайние группы — устойчивые и процветающие с одной стороны, и тревожные и депрессивные с другой. При этом и у тех, и у других могут возникать элементы зависимости от социальных сетей, которые нельзя трактовать однозначно. В одном случае это постоянная потребность в информации, общении и новых ощущениях, приводящие к ускоренному развитию и в конечном итоге — к

взрослению и успешному освоению новой реальности, в то время как в другом — попытка ослабить внутренние переживания и фрустрации. При возникновении зависимости это приводит к еще большим фрустрациям, одиночеству, депрессии и агрессии. Таким образом, социальные сети и онлайн активность — это во многих случаях скорее попытка справиться со стрессом и своими проблемами, а не источник стресса из-за ощущения собственной неуспешности при сравнении с другими, как часто говорилось ранее.

Поэтому такие трактовки, когда каждое новое поколение рассматривается с позиций отношения к цифровой реальности («цифровые аборигены», «взрослеющие в цифровом формате» и «рожденные цифровыми»), наверное, правильнее заменить на трактовки, когда современное постпубертатное поколение, со всеми присущими ему характеристиками (риск, импульсивность, открытость всему новому, стремление к новым социальным контактам, трудности с саморегуляцией и самоконтролем, эмоциональная нестабильность и др.) оказывается под давлением реальности, которое может дать и ускоренное развитие, и множество нарушений психического здоровья. Это особенно хорошо иллюстрируется современными нейробиологическими данными (асинхрония созревания эмоциогенных отделов мозга и зон контроля поведения, особенности взаимоотношений объемов нейронной массы и миелинизации проводящих путей), которые раскрывают подоплеку всех поведенческих, когнитивных и эмоциональных особенностей взросления подростка, в том числе с учетом пола (Giedd, 2020). Все перечисленные нейропластические перестройки определяются с одной стороны генетическими особенностями, а с другой — эпигенетическими процессами, которые выполняют функцию «интерфейса» между консервативным геномом и необычайно динамичной внешней средой, в том числе цифровой.

Важно подчеркнуть, что все вышеперечисленные механизмы необходимо рассматривать в контексте выраженности и тайминга наиболее значимых для ребенка и подростка стрессовых ситуаций и их соотношения с возможностями социальной поддержки как главного антисуицидального фактора. Стрессовая социальная и цифровая среда, связанная с неравенством, потребительством и (часто) обессмысливающим контентом, взаимодействует с генетическими и эпигенетическими уязвимостями (или наоборот, устойчивостями), вызывая различные последствия для психического здоровья подростка и его способности развиваться по позитивной траектории. В то же время суициды случаются и среди подростков, имеющих множество проблем, то есть явно дезадаптированных, девиантных и агрессивно-импульсивных, и среди тех, кто демонстрирует способности выше средних, адаптивность и легкое взаимодействие с цифровым пространством. Здесь решающее влияние может принадлежать межличностным проблемам, взаимоотношениям между полами, с родителями, школьным окружением, ценностями, модными течениями и смыслами в подростковой

среде. Все это отражает многообразие всех вариантов и взаимодействий между социальными, биологическими и психолого-психиатрическими факторами в генезе суицидального поведения в этот сложный и стрессовый для подростка период жизни. Вероятно, в этих взаимодействиях, а также в массовости информации о суициде в сети следует искать корни повышенной уязвимости девочек в последние десятилетия.

Проблема подростковых суицидов далека от разрешения, поэтому основные усилия должны быть направлены на меры превенции, которые в основном понятны и многократно описаны, но которые также должны использоваться с учетом цифровой среды. В этом смысле нужно искать и находить инструменты влияния на подростков и оказания им поддержки с использованием цифровых средств с учетом специфики жизни подростка в сети (приложения для превенции, способы взаимодействия через сети, использование сетей для сопровождения после кризиса, онлайн-помощь и онлайн-психотерапия и т.д).

В то же время становится все более очевидным, что никакие сетевые связи не заменят личного взаимодействия. Отсюда еще большая потребность в реальных контактах со взрослыми, и активизация самих подростков и обучение их навыкам само- и взаимопомощи, и обучение родителей способам укрепления стрессоустойчивости детей, и поиск направлений, в которых подросток будет наиболее успешен, и в которых его жизнь будет наполнена смыслом. Во всяком случае, не стоит во всем винить цифровую среду, необходимо принимать ее как реальность, предоставляющую, наряду с вызовами, некие новые возможности и перспективы.

Литература

Giedd J.N. Adolescent brain and the natural allure of digital media // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2020. No. 22(2). P. 127–133. https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/jgiedd.

Odgers C.L., Jensen M.R. Annual Research Review: Adolescent mental health in the digital age: facts, fears, and future directions // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2020. No. 61(3). P. 336–348. https://doi.org/10.1111/jcpp.13190.

Racine N., McArthur B.A., Cooke J.E., Eirich R., Zhu J., Madigan S. Global prevalence of depressive and anxiety symptoms in children and adolescents during COVID-19: A meta-analysis // JAMA pediatrics. 2021. No. 175(11). P. 1142–1150. https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2021.2482.

Youth Risk Behavior Survey: Data Summary and Trends Report. 2011–2021. Centers for Disease Control and Prevention. URL: https://www.cdc.gov/healthyyouth/data/yrbs/pdf/YRBS_Data-Summary-Trends_Report2023_50 8.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

ДЕФИЦИТЫ В МЕЖПОКОЛЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПОДРОСТКАМИ И ИХ РОДИТЕЛЯМИ

А.Н. Россинская

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

А.А. Иванова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Авторы поставили перед собой задачу выяснить, какие проблемы коммуникации препятствуют нормальному межпоколенному диалогу между родителями и подростками. Для этого был проведен ряд феноменологических интервью с респондентами 18–30 лет об особенностях их общения с родителями в подростковом и взрослом возрасте и в результате анализа выделены основные противоречия между коммуникативными потребностями детей и стилем общения с ними родителей.

Ключевые слова: подростки, межпоколенный диалог, межличностная коммуникация, дефициты в коммуникации, родители подростков.

Проблемы общения родителей с детьми-подростками давно стали общим местом как в академическом, так и в публичном дискурсе. Исследованию их причин, особенностей и разработке подходов к их решению посвящены многочисленные работы в области психологии и педагогики (см., например, Ермолаева, 2020).

Однако с окончанием у детей переходного возраста проблемы в общении поколений внутри семьи не теряют актуальности. Результаты социологического исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (Синявская, 2007) показывают, что ¾ респондентов, у которых живы оба родителя, не живут ни с одним из них; 4% респондентов не живут и не контактируют с родителями; ⅕ респондентов получает от родителей помощь в работе по дому или по уходу за детьми; ¼ респондентов живут на расстоянии 15 минут от родителей, 80% на расстоянии не более часа; ⅓ респондентов видятся с отцом более одного раза в неделю, 40% видятся с матерью более одного раза в неделю. Авторы исследования делают на основании полученных данных вывод, что в России межпоколенные взаимодействия продолжают играть существенную роль после того, как взрослые дети покидают родительский дом.

При этом нельзя отрицать существование межпоколенных конфликтов, которые сохраняются и после итоговой сепарации взрослых детей. Е.В. Мигунова (2016) и М.В. Сапоровская (2020) среди причин таких конфликтов отмечают конфликт ценностей поколений,

противоречия между старыми и новыми устоями жизни, быстрый темп изменения контекста и образа жизни, рассогласованность представлений участников конфликта друг о друге как о представителях разных поколений.

В 2022–2023 годы мы провели исследование с целью выявления тем и проблем в коммуникации, которые являются источниками межпоколенных конфликтов, для дальнейшей методической работы с родительским сообществом по установлению и развитию межпоколенного диалога. В рамках исследования была проведена серия феноменологических интервью с 20 респондентами в возрасте от 18 до 30 лет об особенностях их общения с родителями в подростковом и взрослом возрасте.

На первом этапе качественного анализа интервью методом конденсации смыслов (Бусыгина, 2013) нами были выявлены пары оппозиций личностных и коммуникативных потребностей взрослых детей и описываемых ими стилей и тематики общения родителей.

Во-первых, многие респонденты отмечают наличие у себя потребности вести диалог с родителями и желание делиться с ними своими проблемами и переживаниями, которые вступают в противоречие с недостаточным развитием, по мнению респондентов, коммуникативных умений у их родителей. Оно выражается в неумении или нежелании выслушать и понять собеседника, в том числе в высмеивании, осуждении, отказе в поддержке, а также в уверенности родителей в собственной точке зрения как единственно правильной, отрицании ими альтернативных точек зрения как таковых, а также в отсутствии в семье механизмов безоценочной коммуникации и боязни родителей делиться своими чувствами. Также многие респонденты отмечают, что хотя во взрослом возрасте у них устанавливаются дружественные отношения с родителями, многие при этом упоминают их холодность, отсутствие интереса к своему взрослому ребенку за исключением бытовых вопросов, особенно у отцов, отсутствие эмпатии, поверхностность общения.

Во-вторых, часто отмечается непринятие родителями факта взросления детей, что выражается в отказе детям в праве на самостоятельность в принятии решений, на собственное мнение, а также в гиперопеке. В результате объективная взрослость детей и необходимость в самостоятельном принятии решений часто вступает в противоречие с обесцениванием или осуждением этих решений со стороны родителей.

В интервью часто также отмечалось желание детей обсуждать с родителями свои жизненные решения, однако оно не всегда может быть реализовано в связи с табуированностью ряда важных тем со стороны родителей. Так, родители часто отказываются рассказывать о своей молодости и говорить об истории семьи, не умеют или не хотят говорить о физиологии, в особенности, связанной с сексуальной жизнью, недооценивают ментальные проблемы, стремятся замалчивать или избегать темы утраты, горя, не принимают важность

активизма. Интересно отметить, что одновременно типичным источником конфликтов становится и противоречие между потребностью у детей в соблюдении личных границ и неумение родителей не нарушать их, которое выражается в нарушении как физических, так и эмоциональных и психологических границ, а также личного пространства.

Наконец еще одну проблему составляет неудовлетворяющее детей разделение ролей в семье на женские и мужские, преобладание ответственности матери за воспитание ребенка и отстранение отца от воспитания, а затем и вообще от общения с детьми.

Выделение основных тем и дефицитов межпоколенной коммуникации представляется актуальным основанием для дальнейшего их изучения и способствует развитию инструментов психологической и педагогической практики по налаживанию контакта в проблемных ситуациях.

Литература

Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2013. 302 с.

Ермолаева М.В., Смирнова О.В. Особенности родительского общения как фактор психологического благополучия подростков // Психологическая наука и образование. 2020. № 25(1). С. 51–62. https://doi.org/10.17759/pse.2020250105.

Мигунова Е.В. О межпоколенном конфликте взрослых и детей в современном обществе // Вестник НовГУ. 2016. № 5(96). С. 65–68.

Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 4. С. 48–54.

Синявская О.В. Гладникова Е.В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.

ПОДРОСТКИ КАК ЛИДЕРЫ ПОЗИТИВНЫХ ЦИФРОВЫХ ПРАКТИК: МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ И СТИЛИ РУКОВОДСТВА

Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова

Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

С.Н. Илюхина

Центр мониторинга рисков и социально-психологической помощи Академии социального управления, г. Москва, Россия

Работа посвящена сравнительному анализу подростков с разным уровнем включенности в организацию позитивных цифровых практик по ряду характеристик цифровой социализации, стилям лидерства и мотивации (N = 891 человек). Респонденты были разделены на три группы по степени включенности в организацию позитивных цифровых практик: «цифровые обыватели», «цифровые дебютанты», «цифровые лидеры». Для всех опрошенных подростков характерен достаточно высокий уровень цифровой компетентности.

Ключевые слова: цифровые практики, лидерство, мотивация, подростки.

Цифровое пространство расширяет возможности подрастающего поколения в изобретении и участии в новых позитивных практиках, способствующих развитию культуры общения в интернете, поиску решения социально значимых проблем, укреплению солидарности и взаимоподдержки в обществе, формированию навыков, которые пригодятся в будущем. Участие в таких онлайн-практиках в подростковом возрасте способствует развитию эмпатии, альтруизма, ответственности, лидерских качеств, получению опыта межличностного и межгруппового взаимодействия, формирует уважение к другим людям, их труду, отработке важных жизненных навыков, необходимых для успеха в цифровом мире и мире смешанной реальности (Солдатова и др., 2021). При большом количестве работ, связанных с различными деструктивными онлайн-практиками, в первую очередь, киберагрессией и кибербуллингом, изучению позитивных цифровых практик в подростковой среде только начинает уделяться внимание исследователей (например, Молчанов и др., 2021; Суховская, 2022). Цель работы — сравнительный анализ трех групп подростков с разным уровнем включенности в организацию позитивных цифровых практик по ряду характеристик цифровой социализации, стилям лидерства и мотивации.

Методы и выборка. Для изучения опыта участия в позитивных практиках респондентам предлагалось оценить, выступали ли они организаторами флешмобов или челленджей, посвященных решению социально значимых проблем, краудсорсинга, онлайн-благотворительности, цифрового волонтерства, цифрового активизма или блогинга. Для

оценки различных особенностей цифровой социализации использовался Индекс цифровой компетентности (Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова), вопрос о количестве друзей и подписчиков в социальных сетях и возможности получения от них помощи и поддержки (показатели социального онлайн-капитала). Для изучения стилей лидерства использовались методика «Диагностика склонности к определенному стилю руководства (Е.П. Ильин) и методика изучения лидерского стиля Р. Бейлза, К. Шнейера (модификация Т.В. Бендас). Особенности мотивации участия в позитивных практиках в роли организатора оценивалась с помощью Универсальной шкалы типов мотивационной регуляции (UPLOC) (К.М. Шелдон и др.) и вопроса о причинах, которые могли бы определить такую активность респондента.

В исследовании осенью 2022 года приняли участие 891 подросток 14–17 лет (66% девушек) из Москвы и Московской области, Хабаровска, Ижевска, Новосибирска.

Результаты и обсуждение. Респонденты были разделены на три группы по степени включенности в организацию позитивных цифровых практик: «цифровые обыватели» (не организовывали ни одной практики) — 69% респондентов, «цифровые дебютанты» (организовывали одну практику) — 14,8%, «цифровые лидеры» (организовывали две и более практик) — 16,2%. «Дебютанты» чаще всего выступали авторами блога, существенно реже организовывали флешмобы, челленджи, краудсорсинг и онлайн-благотворительность, а «цифровые лидеры» были организаторами всех практик в равной мере. Девушки чаще выступают «дебютантами», имея опыт организации одной практики, в то время как юноши чаще регулярно выступают в роли цифровых лидеров ($\chi^2 = 7{,}66$, $p < 0{,}05$).

Для всех опрошенных подростков характерен достаточно высокий уровень цифровой компетентности. Цифровая компетентность выше всего у «дебютантов» (86% из 100% максимально возможных), в то время как у «обывателей» (79%) и «лидеров» (72%) несколько ниже ($F = 12{,}76$, $p < 0{,}01$). По показателю друзей и подписчиков в социальных сетях — важному маркеру социального онлайн-капитала, выделяются «дебютанты» и «цифровые лидеры»: более трети (35% «дебютантов» и 38% «лидеров») имеют 150 и больше человек в списках ($\chi^2 = 53{,}5$, $p < 0{,}01$). Каждый шестой «цифровой лидер» (16%) и каждый восьмой «дебютант» (12%) может обратиться за помощью и поддержкой ко всем своим более 150 френдам и друзьям, значительно опережая в ликвидности своего социального онлайн-капитала, то есть его конвертацией в реальную помощь ($\chi^2 = 81{,}38$, $p < 0{,}01$). Сочетание двух важных показателей цифровой социализации (уровня цифровой компетентности и характеристик социального онлайн-капитала) может объяснять на первый взгляд парадоксальные результаты о более низком уровне цифровой компетентности у «цифровых лидеров». В отличие от «обывателей» «цифровые лидеры» могут компенсировать некоторые лакуны в знаниях и умениях, необходимых в цифровой среде, способностью заставлять

свой социальный капитал «работать», привлекая к решению поставленных задач своих друзей и подписчиков. Все исследуемые практики в той или иной мере требуют вовлечения других людей для обеспечения успешности их реализации, и опытные цифровые лидеры используют этот ресурс.

Демократический стиль лидерства — наиболее распространенный среди подростков во всех группах. При этом по сравнению с «цифровыми обывателями» и «дебютантами» для «цифровых лидеров» характерна меньшая выраженность демократического стиля ($F = 25{,}05$, $p < 0{,}01$) и большая — авторитарного ($F = 27{,}86$, $p < 0{,}01$), хотя ведущим стилем остается демократический ($F = 25{,}05$, $p < 0{,}01$). По-видимому, в цифровом пространстве лидеру необходимо уметь совмещать стили руководства и как опираться на других, так и брать ответственность за принятие решений на себя. Если «цифровые дебютанты» прежде всего ориентируются на решение задач, то более опытные лидеры в равной мере ориентируются и на выстраивание взаимоотношений, и на необходимость решить поставленную задачу ($F = 12{,}75–19{,}54$, $p < 0{,}01$). Возможно, поэтому «цифровые лидеры», в чем-то проигрывающие «дебютантам» в цифровой компетентности, способны успешно организовывать различные онлайн-практики, уделяя внимание взаимоотношениям с другими людьми и впоследствии более активно привлекая свой социальный капитал.

Среди типов мотивационной регуляции для всех подростков в организации позитивных онлайн-практик характерна большая выраженность позитивной мотивации: внутренняя мотивация, основанная на интересе к выполняемой деятельности или удовольствии от её выполнения; идентифицированная мотивация, связанная с субъективной важностью и ценностью деятельности; интроецированная позитивная мотивация, опирающаяся на повышение самооценки. Наиболее выражены данные типы мотивационной регуляции у «дебютантов», в то время как у «лидеров» по сравнению с другими группами более выражены также экстернальная мотивация, связанная с ориентацией на внешние награды; интроецированной негативной мотивацией, определяющейся избеганием чувств вины и стыда, а также амотивацией — выполнением деятельности в отсутствии переживаемого внутреннего или внешнего побуждения ($F = 4{,}44–8{,}61$, $p < 0{,}05–0{,}01$). При анализе причин организации просоциальных онлайн-практик для «дебютантов» важнее всего оказывается расширение круга знакомств, польза для других, достижение цели и решение важных проблем. В то время как для опытных «цифровых лидеров» помимо удовлетворения социальных (расширение круга знакомств, участие с другими в общем деле) и альтруистических потребностей (польза для других, достижение важных целей) важной целью становится возможность повышения статуса в обществе ($\chi^2 = 6{,}12–40{,}02$, $p < 0{,}05–0{,}01$). Таким образом,

цифровые лидеры прагматичны в своих причинах организации позитивных онлайн-практик, что согласуется с более высокими показателями внешней регуляции мотивации.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о достаточно высокой активности подростков по конструированию цифровой культуры: каждый третий выступает организатором позитивных онлайн-практик. Первые шаги подростки чаще делают в области блогинга, в то время как выделенная группа цифровых лидеров организовывает в равной мере различые просоциальные активности в интернете — от флешмобов до цифрового активизма. Отсутствие или недостаточность усилий со стороны различных социальных институтов в поддержке развития позитивных цифровых практик выражается в нескольких моментах. Цифровые лидеры не используют в полной мере цифровые инструменты в реализации цифровых практик, что выражается в более низком уровне цифровой компетентности по сравнению с «дебютантами», чаще занимающимися менее трудоемким видом практик — блогингом. Если у подростков, которые впервые попробовали себя в роли организатора онлайн-практик, доминирует только позитивная мотивация, то мотивация цифровых лидеров дополняется негативной. Это может свидетельствовать о некотором выгорании подростков, длительно и регулярно занимающимися просоциальными практиками в связи с отсуствием достаточной поддержки. При этом цифровые лидеры выделяются как наличием внушительного социального онлайн-капитала и умению его актуализировать для своих задач, так и ориентацией не только на достижение целей, но и на выстраивание отношений. Это свидетельствует о том, что опыт организации онлайн-практик может способствовать развитию социальной компетентности, умению видеть в другом партнера и единомышленника, уважительному отношению к другим и их труду. Таким образом, организация позитивных онлайн-практик способствует развитию у подростков важных для достижения успеха в будущем качеств и должна поощряться и поддерживаться со стороны различных институтов социализации, что пока реализуется в недостаточной степени.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00350 (https://www.rscf.ru/project/23-18-00350/).

Литература

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Отношение к цифровому волонтерству российской молодежи // International Journal of Open Information Technologies. 2021. № 9(12). С. 83 –89.

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Социокультурные онлайн-практики в молодежной среде: Мы в ответе за цифровой мир. Учебное пособие. М.: Когито-Центр, 2021.

Суховская Д.Н. Социологическое исследование поведенческой моды поколения Z: зумеры и практики филантропии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 160–178.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ ОТ МАТЕРИ ПОДРОСТКОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ СТАРШИМИ И МЛАДШИМИ СИБЛИНГАМИ

Д.С. Фокина

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Россия

Статья посвящена особенностям сепарации от матери старших подростков, являющихся старшими и младшими сиблингами. Обнаружено, что аттитюдная независимость от матери наиболее выражена у старших братьев, а функциональная независимость сильнее проявляется у младших сестер. Обнаружены связи между характером сиблинговых отношений и особенностями сепарации от матери у старших и младших сиблингов.

Ключевые слова: психологическая сепарация, сиблинговые отношения, автономность, конфликтологическая, аттитюдная, функциональная, эмоциональная независимость.

Распространено мнение, что дети с каждым поколением взрослеют и становятся независимыми все позже и позже. Исследователи отмечают, что раньше подростки уже в 15 лет мало чем отличались от взрослых и могли успешно жить самостоятельно, а сейчас человек и в 25 лет зачастую не готов к автономной жизни. Таким образом, и для общества, и для научного сообщества актуален вопрос о процессе сепарации современных подростков от семей. Что влияет на скорость и успешность ее протекания? Какие семейные факторы связаны с психологической сепарацией?

Связям процесса сепарации с семейным контекстом посвящено немало исследований. В частности, С.К. Нартова-Бочавер изучает роль порядка рождения сиблингов и их психологическую суверенность (Нартова-Бочавер, Силина, 2019). Л.В. Сысоева и В.А. Луговский задавались вопросом о взаимосвязи типа сепарации и типа привязанности к родителям (Сысоева, Луговский, 2017). Есть также и работы, посвященные роли сиблинговых отношений в том или ином контексте (Булыгина, 2021; Hallberlin, 2015). Однако на данный момент в психологии явно недостаточно исследований сепарации от матери при наличии других детей в семье и различными сиблинговыми отношениями.

На первый взгляд кажется более вероятным, что подростки, являющиеся старшими в семье, будут быстрее и проще проходить процесс сепарации, чем младшие. Ведь если ребенок с раннего возраста был помощником родителей и выполнял более «взрослые» обязанности относительно младшего сиблинга, то логично предположить, что он быстрее станет независимым от родительской семьи. Возможен и другой вариант. Если в детстве старшему ребенку в семье недоставало родительского внимания и проявлений любви,

предъявлялось много требований, а отношение было в основном как ко взрослому и ответственному, но не как к любимому «младшенькому», то недостаток уверенности в безусловной родительской любви может привести к сложностям в сепарации. Таким образом, отсутствие однозначного ответа требует проведения объемных исследований роли сиблинговых отношений в процессе сепарации подростков от родителей.

Цель данного исследования состояла в изучении особенности психологической сепарации от матери подростков в контексте сиблинговых отношений. В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 15 до 18 лет (M = 15,48, SD = 0,97), являющиеся старшими или младшими сиблингами. Выборку составил 61 человек, из них 28 юношей и 33 девушки; 29 человек — старшие сиблинги в семье и 32 младшие.

Методики: анкета о структуре семьи и индивидуальных характеристиках респондента; опросник взрослых сиблинговых отношений «Adult Sibling Relationship Questionnaire», авторы — C. Stocker, R. Lanthier, W.Furman; опросник психологической сепарации от родителей «Psychological Separation Inventory» Дж. Хоффмана в адаптации Т.Ю. Садовниковой, В.Н. Дзукаевой; опросник автономности для юношеского возраста и взрослых Г.С. Прыгина.

Полученные результаты были проанализированы с помощью коэффициента корреляции Спирмена, коэффициента Манна-Уитни и критерия Краскела-Уоллеса.

Результаты исследования. Сравнение особенностей сепарации от матери у мальчиков и девочек показало, что у мальчиков значимо выше аттитюдная независимость от матери, чем у девочек (U = 293,0 при p = 0,023), причем наиболее высокие показатели у старших мальчиков. Другими словами, старшие мальчики значимо чаще имеют собственные взгляды и суждения, отличающиеся от материнских, чем девочки. Возможно, эта тенденция связана с культурной идентификацией девочек с матерью, поскольку в старшем подростковом возрасте они примеривают на себя образ взрослой женщины.

Выявлена связь между автономией и функциональной независимостью от матери у мальчиков (независимо от из сиблингового статуса). Они считают себя более самостоятельными, чем девочки и уверены в способности обеспечить себя всем необходимым. Этот результат также кажется культурно обусловленным, гендерные различия проявляются, в частности, в том, что от юношей, как правило, ждут большей финансовой независимости и самостоятельности, чем от девушек.

Сравнение отношений с сиблингом у мальчиков и девочек обнаружило, что сиблинговые отношения девочек эмоционально более заряженные. Девочки характеризуются более выраженным принятием сиблинга, готовностью оказать ему практическую поддержку,

но при этом они более склонны к конкуренции и противоборству, чем мальчики (различия значимы при $p < 0,05$).

У старших девочек аттитюдная независимость от матери выражена наиболее слабо по сравнению с мальчиками и младшими девочками в семье (различия значимы при $p = 0,048$). То есть их мнение совпадает с материнским чаще, чем у остальных детей. Старшие девочки чаще являются в семье помощницами матерей в воспитании младших. Кроме того, ревность к матери у старших девочек выражена сильнее, чем у старших мальчиков (при $p = 0,009$). Этот результат наименее ожидаем из всех вышеописанных, поскольку, с точки зрения психоанализа, можно было ожидать более высокую ревность сыновей к матери, а не дочерей. Однако речь здесь идет о ревности в отношениях с сиблингом, а не с родителем своего пола. Результаты корреляционного анализа выявили в группе старших девочек связь между конфликтной независимостью от матери и привязанностью к сиблингу. Иными словами, чем меньше негативных чувств к матери (вины, тревоги, гнева), тем выше привязанность, взаимное восхищение и эмоциональная поддержка у девочки в отношениях с младшим сиблингом (при $p < 0,05$). А вот чем сильнее старшие девочки зависят от одобрения матери, тем больше стремления к доминированию над младшим сиблингом ($r = -0,489$ при $p < 0,05$). Эти результаты также можно отнести к высокой ревности старших дочерей к матери, которая влечет за собой и стремление к одобрению. При этом, чтобы заслужить одобрение матери, девочки могут пытаться подчинить себе младшего сиблинга и стать его дополнительным воспитателем.

У младших сестер показатель функциональной независимости оказался выраженным сильнее, чем у старших сестер. Младшие девочки неожиданно показали себя наиболее самостоятельными и физически независимыми от матери (при $p < 0,05$). Выявлено, что независимость от мнения матери связана с ревностью ее к сиблингу ($p < 0,05$). Ожидаемо, что, если девочка ревнует мать к сиблингу, она будет больше ориентироваться на ее взгляды и разделять ее суждения.

Младшие братья выше оценивают эмоциональную поддержку в отношениях с сиблингами, чем старшие братья (при $p \leq 0,05$). Это связано с тем, что младшие дети нуждаются в поддержке старших как в товарищах и авторитетах, в то время как старшие скорее ориентированы на поддержку родителей. Среди младших сиблингов мальчики тем больше свободны от чрезмерных негативных чувств по отношению к матери, чем больше близости и знания друг друга в отношениях с сиблингом ($p < 0,05$). Кроме того, автономность младших мальчиков напрямую зависит от близости с сиблингом, эмоциональной и практической поддержкой и знания друг друга ($p < 0,05$).

Полученные результаты согласуются с другими исследованиями процесса сепарации, например, с работой А.В. Литвиновой, в которой показано, что для юношей более характерна аттитюдная и функциональная сепарация от матери. Юноши демонстрируют большую психологическую независимость, чем девушки (Литвинова, 2020). Это можно объяснить разными требованиями социума к юношам и девушкам как к будущим мужьям и женам.

Обобщая результаты работы, можно сделать вывод, что в старшем подростковом возрасте сепарация от матери у старших и младших мальчиков и девочек протекает по-разному. У мальчиков, являющихся старшими братьями, наиболее выражена аттитюдная независимость. А у девочек, являющихся младшими в семье, сильнее выражена функциональная независимость. Старшие дочери в семье более зависимы от матери, чаще испытывают ревность к ней, и особенности их сепарации сильнее связаны с характером сиблинговых отношений. В целом, отношения с сиблингом у девочек носят более эмоционально глубокий характер.

Данное исследование требует дальнейшего развития и проверки дополнительных факторов. Следует изучить, влияет ли на сепарацию однополость и разнополость сиблингов. Также важно, что в этой работе рассматривалась психологическая сепарация только от матери, а не от обоих родителей. Вероятно, сепарация дочерей от матери протекает иначе, чем сепарация сыновей.

Литература

Булыгина М.В. Сиблинговые отношения и их роль в жизни человека // Современная зарубежная психология. 2021. № 10(4). С. 147–156.

Литвинова А.В. Психологическая сепарация от родителей как условие развития целеполагания студентов // Психолого-педагогические исследования. 2020. № 12(1). С. 59–71. https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120105.

Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Генезис психологической суверенности: фактор порядка рождения //Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 137–146.

Сысоева Л.В., Луговский В.А. Изучение взаимосвязи ведущего типа сепарации от родителей с типом привязанности к ним в юношеском возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 23(3). С. 41–45.

Hallberlin J. Surviving the divorce: the power of the sibling relationship. Masters Thesis, Smith College, Northampton, MA, 2015.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДОВЕРИЯ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМАМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СРЕДИ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.В. Фомичева, Ж.К. Жыргалбек, О.Р. Михайлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В тезисах приведено описание и текущий задел проекта, целью которого является выявление детерминант доверия цифровым сервисам предоставления психологической помощи (ЦСППП) среди московской студенческой молодежи. Под доверием ЦСППП понимается готовность пользоваться сервисами. Анализируется воздействие социально-демографических характеристик студентов, их опыт прохождения психотерапии, а также характеристики платформ, через которые предоставляется психологическая помощь. Изучение предмета исследования ведется методом онлайн-опроса. Теоретически исследование опирается на социологию медицины, а также публикации о потребительском рынке ЦСППП в России и за рубежом. На данный момент в проекте разработана анкета, проведено ее пилотирование и ведется сбор данных. По результатам исследования при помощи статистических методов анализа данных предполагается измерить уровень доверия ЦСППП, а также установить причины его вариабельности среди студентов. Исследование проводится в рамках проекта «Жизненный выбор: рациональность в условиях турбулентности» (проект программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Ключевые слова: онлайн-терапия, телетерапия, онлайн психотерапия, цифровые сервисы предоставления психологической помощи, доверие цифровым сервисам предоставления психологической помощи, практики поддержания психологического здоровья, студенческая молодежь.

Несмотря на повышенный интерес к оказанию помощи по вопросам психологического здоровья среди россиян через цифровые устройства, в особенности молодежи (Акулов, 2022), и рост числа сервисов для поддержания состояния психологического здоровья (Bennion, 2017), в российской и зарубежной литературе обнаруживается недостаток исследований, объясняющих разную степень доверия ЦСППП у молодежи. Вместе с тем информация об этих факторах может улучшить качество уже имеющихся сервисов оказания подобной помощи и быть полезной для разработки новых. Данное исследование сосредоточено на выявлении детерминант, которые определяют уровень доверия молодых людей к онлайн-психотерапии, проводимой через ЦСППП, такие, как «Ясно» или «Zigmund.online».

Доверие ЦСППП определяется как готовность пользоваться сервисом. Изучается доверие платформе, психотерапии и психотерапевту, который ведет прием посредством ЦСППП.

Основным методом сбора данных является онлайн-опрос московской студенческой молодежи в возрасте 18–35 лет. Выбор данной социально-демографической группы для опроса был обусловлен тем, что наиболее активные пользователи сервисов оказания психологической помощи — жители больших городов в возрасте 25–35 лет (Акулов, 2022). Кроме того, в данной возрастной когорте широко распространены тревожные и депрессивные расстройства, и как следствие молодежь может считаться нуждающейся в основательной психотерапевтической поддержке (Там же). В нашу выборку входят студенты бакалавриата, специалитета, магистратуры, ординатуры и аспирантуры, так как студенты подвержены стрессу, тревоге и депрессии. Выборка разделена на три группы: респонденты, имеющие опыт личной терапии; респонденты, имеющие опыт онлайн-терапии; респонденты, которые не посещали психотерапевта. Это позволит нам впоследствии оценить, как варьируется доверие к онлайн-терапии в зависимости от опыта прохождения терапии оффлайн и / или онлайн. Среди изучаемой молодежи будет выявлена группа высоко-доверяющих, скептиков и людей со средним уровнем доверия по уровню доверия терапии в целом, онлайн-терапии и психотерапевту.

В основе анкеты лежат маркетинговые и медицинские исследования пользователей ЦСППП, литература из области социологии медицины. Также в опросе присутствуют элементы из инструментов оценки доверия пациентов PART (оценка восприятия пациентами факторов, составляющих доверие к телемедицинской услуге), модель UTAUT (детерминанты принятия и использования технологий для психического благополучия), перечень рабочих альянсов для подростков и терапевтов WAI-SR («молодежь и терапевт»), вопросника, измеряющего отношение к психологическим онлайн-вмешательствам — APOI.

Финальная анкета состоит из 49 вопросов. В нее вошли вопросы про личный опыт получения психологической помощи, оценивание степени уверенности в результативности психотерапии, эффективности онлайн-терапии, уверенности в безопасности методов терапии, уверенности в безопасности коммуникации посредством платформы, уверенности в опытности и достаточной квалификации психотерапевта, а также социально-демографические характеристики респондентов. Также мы добавили в анкету личностный семантический дифференциал, в котором анализируются оценка клиентом личных субъективных качеств терапевта, для выявления существования разницы между восприятием терапевта онлайн и оффлайн.

В марте 2023 года состоялся пилотаж анкеты в формате когнитивных интервью и количественного опроса 14 студентов. В результате пилотажа были доработаны

формулировки вопросов, добавлены дополнительные варианты ответов, скорректировано деление на блоки.

На данный момент исследование находится на этапе сбора данных. Опрос прошли уже более 160 человек. По предварительной оценке, существует тенденция, что респонденты, которые не используют терапию для решения своих психологических проблем, имеют более низкий уровень доверия онлайн-терапии, чем те, кто прибегают к последней. Дальнейшие гипотезы еще предстоит проверить при наполнении базы ответов респондентов.

Литература

Акулов А. В регионах объявлений стало больше на 150%: почему растет рынок психотерапии в России. URL: https://www.gazeta.ru/business/2022/05/24/14898320.shtml?updated (дата обращения: 19.10.2022).

Иванов В.Г., Лазарева Е.Ю. Что лежит в основе обращения клиента за психологической помощью в онлайн-форме? // Медицинская психология в России. 2019. № 11(1). С. 7. https://doi.org/10.24411/2219-8245-2019-11070.

Краля О.В. Дистанционное оказание психотерапевтической помощи пациентам в условиях пандемии COVID-19 // Acta Medica Eurasica. 2020. № 2. С. 15–22.

Bennion M.R. E-therapies in England for stress, anxiety or depression: What is being used in the NHS? A survey of mental health services // BMJ Open. 2017. No. 1(7). e014844.

К ВОПРОСУ ВАЛИДИЗАЦИИ МЕТОДИКИ ДИСПОЗИЦИЙ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА ВЫБОРКЕ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ

К.Д. Хломов, М.А. Варенов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Рассматривается проблема оценки предпосылок насильственного экстремизма среди подростков и молодежи. Обсуждается валидизация методики диспозиций насильственного экстремизма. Установлена положительная связь между показателями диспозиций насильственного экстремизма и проявлениями легитимизированной агрессии. Планируется дальнейшая работа над валидизацией инструмента.

Ключевые слова: насильственный экстремизм, методика диспозиций насильственного экстремизма, лезитимизированная агрессия, экстремистская деятельность.

Насильственный экстремизм — это поведенческие проявления крайней нетерпимости к ряду социальных групп с иными взглядами, а также готовность применения насилия и чрезмерной жестокости, связанная с восприятием насилия как единственного способа разрешения конфликтов и выражения своего мировоззрения (Давыдов, 2017). Экстремизм может реализовываться на религиозной, национальной или политической почве. Он отличается от радикализма как приверженности крайним взглядам тем, что рассматривается возможность использования насилия и жестокости для достижения своей цели: радикализм скорее является идеологией, которая может стать экстремистской при внесении в неё компонентов допустимости насилия и его реализации против определённых социальных групп. Идеология используется при экстремизме для подтверждения рациональности и обоснованности своего поведения, она используется для оправдания насилия (Там же). В категорию насильственного экстремизма попадают действия, которые совершаются под знаменем радикальной идеологии и носят насильственный или жестокий характер: это могут быть массовые драки на национальной или религиозной почве, террористические акты, агрессивное, запугивающее принижение социальных групп с другим мировоззрением и др.

Проблема оценки предпосылок насильственного экстремизма среди молодежи и подростков представляется чрезвычайно актуальной, и целью данного исследования стала валидизация методики диспозиций насильственного экстремизма (Давыдов, Хломов, 2017) на двух возрастных группах: подростках и молодежи. В исследовании приняли участие представители двух возрастных групп: 711 подростков (средний возраст — 14,9,

стандартное отклонение — 1,39), а также 122 студента (средний возраст — 19,92, стандартное отклонение — 1,81). Подростки участвовали в обследовании очно, заполняя методику диспозиций насильственного экстремизма и опросник легитимизированной агрессии (Ениколопов, Цибульский, 2008). Студенты вуза участвовали в исследовании онлайн, заполняя аналогичную анкету, к которой был добавлен опросник диагностики агрессии Басса-Перри (Ениколопов, Цибульский, 2007).

В процессе анализа включающая 11 факторов структура опросника не подтвердилась. Были обнаружены статистически значимые положительные корреляции между диспозициями насильственного экстремизма и уровнем легитимизированной агрессии в обеих возрастных группах. Также обнаружены некоторые корреляции между отдельными показателями диспозиций и шкалами опросника агрессии Басса-Перри. Наиболее сильные корреляции были обнаружены между диспозицией «толерантность к агрессии» с физической агрессией и общим показателем агрессивности. Тестовые нормы по шкалам склонности к насильственному экстремизму были выше у подростков, чем у студентов.

Таким образом, показана необходимость пересмотра факторной структуры опросника из-за недостаточной пригодности модели с 11 факторами на подростковой и студенческой смешанной выборке. В то же время было установлено, что показатели диспозиций насильственного экстремизма статистически значимо положительно коррелирует с проявлениями легитимизированной агрессии, что свидетельствует в пользу внешней валидности инструмента. Судя по всему, терпимость к агрессии и способность реализовывать ее совершенно разными способами являются важными составляющими насильственного экстремизма. Для подростков тестовые стандарты склонности к насильственному экстремизму были выше, чем для студентов. Результаты показывают, что подростки потенциально более склонны к вовлечению в экстремистскую деятельность по сравнению со группой студентов. В результате использования опросника на выборке среди подростков и студентов была подтверждена его конвергентная валидность и установлены нормы тестирования, однако факторная структура опросника остается неясной и ее улучшение становится задачей дальнейших исследований.

Литература

Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма // Психология и право. 2017. № 7(1). С. 106–121.

Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. № 14(1). С. 78–98.

Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 28(1). С. 115–124.

Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения // Психологическая наука и образование. 2008. № 13(1). С. 90–98.

ТЕОРИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ Ц. ЧЖАНА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ШКАЛ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

К.А. Чистопольская

Московский НИИ психиатрии — филиал НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, г. Москва, Россия

Н.И. Колачев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

С.Н. Ениколопов

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», г. Москва, Россия

С.Э. Дровосеков

ГБОУ СОШ №93, г. Санкт-Петербург, Россия

Теория суицидального напряжения Ц. Чжана — перспективный ракурс исследования суицидального поведения. Теория основывается на работах Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Р. Агнью, Л. Фестингера и выделяет четыре типа психологического напряжения, способного вызвать серьезный внутренний конфликт, провоцирующий суицидальные переживания: расхождения в ценностях между обществом и индивидом, расхождение между стремлениями и реальностью, относительные лишения, а также трудности совладания. Для операционализации теории был разработан опросник — Шкалы психологического напряжения, адаптированный нами на русский язык. Нормативная выборка состояла из 269 студентов от 17 до 28 лет (M = 19,0, SD = 1,1), 169 женщин (63%), 99 мужчин, 1 участник не указал пол. Клиническая выборка состояла из 146 пациентов кризисного суицидологического стационара от 16 до 48 лет (M = 23,1, SD = 5,9), 105 женщин (72%) и 41 мужчина. После процедуры валидизации в русскоязычной версии опросника оставлено 29 пунктов. Конфирматорный факторный анализ показал удовлетворительное соответствие модели эмпирическим данным: $\chi^2(371) = 1252{,}220$, CFI = 0,920, TLI = 0,912, RMSEA = 0,076, SRMR = 0,074. Три шкалы из четырех (напряжение ценностей, стремлений и совладания) показали высокий уровень различий между нормативной и клинической выборками, в связи с чем был произведен анализ этих шкал (20 пунктов), позволивший установить нормы для получившегося опросника, чтобы можно было использовать его в диагностике суицидального риска.

Ключевые слова: теория суицидального напряжения, шкалы психологического напряжения, валидизация, операционализация, нормы.

Работа Э. Дюркгейма «Самоубийство: Социологический этюд» 1897 года — первый монументальный труд по суицидологии, однако сейчас в дисциплине преобладает психолого-психиатрический и феноменологический ракурс исследований. И хотя этот подход во многом оправдывает себя, позволяя рассмотреть проблему на субъективном уровне переживаний и микросоциальных конфликтов, зачастую исследователи упускают из вида «большую картину»: социальные проблемы, которые вызывают сильное психологическое напряжение, когнитивный диссонанс, борьбу мотивов, способные спровоцировать суицидальные мысли и поведение.

Теория суицидального напряжения Ц. Чжана (Zhang, 2020a,b) представляет собой слияние социологических и психологических моделей суицидального поведения. Она базируется на типологии самоубийств Э. Дюркгейма, теории рассогласования целей и средств Р. Мертона, общей теории деформации Агнью (Agnew, 2001), а также социально-психологической теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера. Кроме того, модель дополнена психологическими факторами медиации (душевная боль, безнадежность и депрессия опосредуют отношения между разными типами напряжения и суицидальным поведением) и модерации (к примеру, наличие или отсутствие социальной поддержки способно качественно изменить эти отношения).

Нами была поставлена задача — адаптировать на русский язык Шкалы психологического напряжения и проверить, способны ли они выступить в качестве диагностического инструмента.

Нормативная выборка состояла из 269 студентов от 17 до 28 лет (M = 19,0, SD = 1,1), 169 женщин (63%), 99 мужчин, 1 участник не указал пол. Клиническая выборка состояла из 146 пациентов кризисного стационара от 16 до 48 лет (M = 23,1, SD = 5,9), 105 женщин (72%) и 41 мужчина.

Исследуемой методикой были Шкалы психологического напряжения (Zhang et al., 2022). Методика представляет собой форму самоотчета о различном противоречивом жизненном опыте человека. Она состоит из 40 утверждений, по 10 пунктов на каждую шкалу, четыре шкалы соответствуют четырем типам напряжения: напряжение ценностей («Я часто сомневаюсь в том, что значит для меня жизнь»), напряжение стремлений («Я бы хотел(а), чтобы у меня был шанс получить лучшее образование, но не могу реализовать это по разным причинам»), напряжение лишений («По сравнению с другими людьми в моем районе я бедный человек») и напряжение совладания («Когда я сталкиваюсь с кризисом, мой мозг обычно отключается»). Оценивание утверждений происходит по 5-балльной шкале ликертовского типа от «неверно» до «верно».

Для проверки качества инструмента использовалась многомерная конфирматорная модель с коррелирующими факторами. В качестве метода оценки параметров выступил метод диагональных наименьших квадратов, который даёт более точные результаты в случае использования порядковых индикаторных переменных. После проверки нагрузок каждого пункта на модель были оставлены те пункты, чьи нагрузки превышали 0,5. В результате остались 29 пунктов: 4 пункта для шкалы напряжения ценностей, 7 — для шкалы напряжения стремлений, и по 9 пунктов на шкалы относительных лишений и совладания. Сокращённая модель имеет следующие статистики согласия: $\chi^2(371) = 1252{,}220$, CFI = 0,920, TLI = 0,912, RMSEA = 0,076, SRMR = 0,074. Композитная надёжность измерений такова: стресс ценностей — 0,726, стресс стремлений — 0,876, стресс лишений — 0,957, стресс совладания — 0,901.

Кроме того, была проведена проверка критериальной валидности методики: с помощью критерия t-Стьюдента и оценки величины эффекта d Коэна проверялись различия между нормативной и клинической выборками по исследуемым шкалам. Было обнаружено, что шкалы напряжения ценностей, стремлений и совладания имеют высокий уровень различий (d Коэна = 1,3–1,6), в то время как напряжение лишений — только средний уровень различий (d Коэна = 0,6).

В связи с этим был проведен анализ шкал, дающих высокий уровень различий, и рассчитаны нормативные показатели, способные различать низкий, умеренный, повышенный и высокий суицидальный риск.

Поскольку в практической работе может быть более предпочтительным выделение одного уровня выраженности стрессов, мы проверили одномерную модель, в которую включены отобранные пункты для стресса ценностей, стремлений и совладания. Проверка осуществлялась с помощью одномерной модели современной теории тестирования для рейтинговых шкал. В первую очередь анализ размерности базировался на анализе контрастов, то есть латентных факторов, не связанных с измеряемым конструктом. Чтобы результаты измерения могли считаться существенно одномерными, необходимо, чтобы количество нагруженных на первый контраст переменных не превышало 2 и процент объясненной им дисперсии не превышал процент дисперсии, объясненной трудностью пунктов методики. Анализ контрастов показал, что на первый контраст нагружается 2,20 переменной, а доля объясненной дисперсии первым контрастом составляет 6,20%. При этом доля дисперсии, объясненной трудностью утверждений, равна 30,00%. То есть процент дисперсии, объясненной трудностью утверждений, превышает долю дисперсии, объясненной первым контрастом, почти в 5 раз. Следовательно, данные можно счесть существенно одномерными.

Надёжность получившихся измерений составила 0,88. Все утверждения находятся в приемлемом согласии с моделью.

После этого нами были выделены уровни риска по опроснику с тремя шкалами (20 пунктов): низкий (20–46 баллов), умеренный (47–62), повышенный (63–89) и высокий (90–100). Было замечено, что респонденты с низким уровнем риска могут проявлять незначительные признаки напряжения ценностей или совладания. При умеренном риске респонденты характеризуются четко выраженным напряжением ценностей и совладания, а также незначительными проявлениями напряжения стремлений. При повышенном уровне риска респоденты отличаются четко выраженным напряжением стремлений, а также комплексными проявлениями напряжения ценностей и совладания. При высоком уровне риска одинаково четко выражены все три типа напряжения.

Таким образом, в нашем исследовании было показано, что опросник прошел успешную адаптацию и может использоваться не только в исследовательских целях и клиническом сеттинге, но и для скринингов — для выявления групп риска среди студентов.

Литература

Чистопольская К.А., Колачев Н.И., Ениколопов С.Н., Дровосеков С.Э., Чжан Ц. Адаптация Шкал психологического напряжения и эмпирическая проверка теории суицидального напряжения J. Zhang на российской выборке // Суицидология. 2023. № 14(1). С. 14–37. https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-14-37.

Agnew R. Building on the foundation of general strain theory: Specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2001. No. 38. P. 319–361. https://doi.org/10.1177/0022427801038004001.

Zhang J. The strain theory of suicide. Part I // Суицидология. 2020. No. 11(2). P. 118–134. https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-118-134.

Zhang J The strain theory of suicide. Part II // Суицидология. 2020. No. 11(3). P. 84–100. https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-84-100.

Zhang J., Wang W., Huen J.M.Y. et al. Towards higher psychometric properties: Testing the Psychological Strain Scales with larger samples // Archives of Suicide Research. 2022. No. 26(2). P. 912–927. https://doi.org/10.1080/13811118.2020.184770.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ ПРИВЯЗАННОСТИ К РОДИТЕЛЯМ

А.А. Шашкова

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Россия

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования на тему психологического благополучия подростков с разным типом привязанности к родителям. В исследовании приняли участие 45 подростков в возрасте 14–17 лет (31 девочка и 14 мальчиков). На основании полученных результатов сделаны выводы о том, что психологическое благополучие подростков связано в большей мере с уровнем отчуждения в отношениях, такие характеристики привязанности, как доверие и коммуникация связаны с психологическим благополучием в меньшей степени.

Ключевые слова: привязанность, психологическое благополучие, самооценка, подростковый возраст.

Психологическое благополучие является важным показателем качества жизни личности. Данное понятие активно исследуется и развивается примерно с середины прошлого века, в частности активно изучается связь психологического благополучия с различными характеристиками личности. Тем не менее по-прежнему остается много вопросов, которые требуют дальнейшего изучения.

Г.В. Бурменская отмечает актуальность понятия психологическое благополучие в рамках консультирования родителей детей и подростков. Она подчеркивает, что в отличие от понятия психологического развития, которое опирается в основном на объективные признаки, понятие психологического благополучия во многом ориентируется на субъективное состояние ребенка, на эмоциональную составляющую, восприятие жизни (Бурменская, 2017).

Подростковый возраст традиционно считается одним из сложных и ответственных этапов в жизни ребенка, во многом определяющим дальнейшую взрослую жизнь. В этот период по-прежнему, как и в детстве, остается крайне важной связь с родителями, однако начинают играть существенную роль и взаимоотношения со сверстниками.

Многие исследователи отмечают влияние паттернов привязанности на поведение, эмоциональное состояние, сложности не только в детском, но и подростковом и взрослом возрасте. В статье Н.А. Авдеевой и Б.Я. Хофман отмечается, что ряд исследований демонстрирует положительное влияние надежной привязанности к родителям на взросление

подростка, поиск собственных смыслов, целей, ценностей (Авдеева, Хофман, 2019). В связи с этим целью нашего исследования было выявление связи между уровнем надежности привязанности к матери, отцу и друзьям и психологическим благополучием подростка.

В исследовании приняли участие 45 подростков в возрасте 14–17 лет, из них 31 девочка и 14 мальчиков. Для определения уровня надежности привязанности были использованы опросник М.В. Яремчук на определение типа привязанности к матери и отцу и опросник привязанности подростков к родителям и друзьям IPPA в адаптации Д.В. Лифинцева и А.А. Лифинцевой. включающий в себя показатели доверия, коммуникации и отчуждения. Опросники, касающиеся отношений с отцом, были заполнены 19 девочками из 31 и 11 мальчиками из 14, принявших участие в исследовании.

Для определения уровня психологического благополучия были использованы опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф, адаптация Н.Н. Лепешинского (включающий в себя показатели автономии, управления окружающей средой, личностного роста, позитивного отношения с окружающими, цели в жизни и самопринятия), опросник Г.Н. Казанцевой на диагностику общей самооценки.

Для статистической обработки полученных данных применялись критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции Спирмена.

Учитывая, что русскоязычная версия опросника IPPA до сих пор в исследованиях использовалась достаточно редко, были вычислены корреляции между уровнем надежности привязанности к матери и отцу по опроснику М.В. Яремчук и уровнем доверия, коммуникации, отчуждения и общим баллом по опроснику IPPA для отношений с матерью и отцом. Была выявлена статистически значимая сильная прямая зависимость уровня надежности привязанности по опроснику М.В. Яремчук с уровнем доверия, коммуникации и общим баллом по опроснику IPPA, а также сильная обратная связь с уровнем отчуждения, как для отношений с матерью, так и для отношений с отцом.

Все респонденты были разделены на две группы по уровню психологического благополучия (общий балл по опроснику Рифф): в группу с низким уровнем благополучия (1–5 стен) попало 27 участников, в группу с высоким уровнем благополучия попало 18 участников. С помощью критерия Манна-Уитни было выявлено, что подростки с высоким уровнем благополучия имеют статистически значимый более низкий уровень отчуждения, как с родителями, так и с друзьями, и статистически значимые более высокие уровни самооценки и уровней доверия и коммуникации в отношениях с друзьями.

На основании этих результатов можно предположить, что хотя отношения с родителями в подростковом возрасте и продолжают играть важную роль, отношения с друзьями

все же выходят на первый план и в большей степени связаны с психологическим благополучием подростков.

Корреляционный анализ показал следующие результаты. Для девочек выявлена средняя прямая корреляция между общим баллом опросника IPPA для отношений с матерью и с отцом. И для девочек, и для мальчиков уровень отчуждения в отношениях с матерью коррелирует с уровнем отчуждения с отцом и с друзьями.

Наибольшее количество корреляций шкал психологического благополучия выявлено со шкалой отчуждение (и в отношениях с родителями, и в отношениях с друзьями). И для девочек, и для мальчиков общий балл по опроснику Рифф, а также самопринятие имеет среднюю обратную корреляцию со шкалами отчуждения в отношениях с родителями и друзьями. И для девочек, и для мальчиков отчуждение от матери имеет среднюю обратную корреляцию с управлением окружением, отчуждение от отца — с целью в жизни, отчуждение от друзей — с целью в жизни и самооценкой. Кроме того, у девочек самооценка имеет обратную корреляцию с отчуждением от отца и от матери, тогда как у мальчиков такой связи не выявлено. Для девочек также выявлена связь положительных отношений с другими, личностного роста, цели в жизни, самопринятия и общего балла по опроснику Рифф с уровнем доверия к друзьям и уровнем коммуникации с друзьями.

На основании этих результатов можно предположить, что дистантные отношения с высоким уровнем отчуждения с родителями или друзьями зачастую воспроизводятся и в других отношениях подростка, при этом именно высокий уровень отчуждения связан с более низкой самооценкой и более низким уровнем психологического благополучия.

Таким образом на основании результатов исследования можно сделать следующие выводы.

- Отношения с друзьями в подростковом возрасте в большей степени связаны с уровнем психологического благополучия, чем отношения с родителями. Для друзей связь наблюдается и с уровнем доверия, коммуникации и с отчуждением, тогда как с родителями выявлена связь только с уровнем отчуждения.
- Высокий уровень отчуждения в одних отношениях (с кем-то из родителей или друзьями) связан с высоким уровнем отчуждения и в других отношениях.
- Параметры психологического благополучия наиболее связаны с уровнем отчуждения в отношениях. Другие характеристики привязанности — доверие и коммуникация связаны с психологическим благополучием в меньшей степени.

- Психологическое благополучие девочек в большей степени связано с отношением с друзьями, чем психологическое благополучие мальчиков. Однако, учитывая размер выборки мальчиков, вопрос требует дальнейшего изучения.

Литература

Авдеева Н.Н., Хоффман Б.Я. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями // Современная зарубежная психология. 2019. № 8(4). С. 69–78. https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407.

Бурменская Г.В. Возрастно-психологический подход в консультировании родителей по вопросам психического развития и психологического благополучия детей и подростков // Мир психологии. 2017. № 2. С. 231–242.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ И РЕЗУЛЬТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ

Н.П. Шилова

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), г. Москва, Российская Федерация

Приводятся результаты исследования, полученные на выборке 1538 юношей и девушек от 14 до 28 лет, с использованием методики И.С. Кона «Я через пять лет». Цель исследования заключалась в выявлении связи между образом будущего и образовательными результатами в юношестве. В рамках исследования выявлено: низкие оценки на экзамене связаны с уверенностью в своих достижениях сверх планов; средние с тем, что планы смещаются по времени своей реализации на более позднее время; высокие — с опорой на знания и самостоятельность в образе будущего.

Ключевые слова: юность, юношеский возраст, взросление, образ будущего, результаты образования, образовательные результаты, результаты государственной итоговой аттестации.

На сегодняшний день результат, полученный на едином государственном экзамене (ЕГЭ), является основным показателем успешности школьного обучения в Российской Федерации. Мы предположили, что успеваемость юношей и девушек, продемонстрированная ими на ЕГЭ, зависит от того, каким они представляют собственное будущее. Проведенный теоретический анализ позволил выделить основные критерии этой взаимосвязи: содержательный смысл представлений о собственном будущем юношей и девушек демонстрирует их образовательные результаты; самооценка актуальных достижений юношей и девушек, демонстрирующих высокие образовательные результаты, в сравнении с ожидаемыми им/ею достижениями указывает на более «длительное ожидаемое будущее.

Целью проведенного исследования было проанализировать связанность представлений о собственном будущем юношей и девушек с баллами, полученными ими на едином государственном экзамене. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе в 2018 году мы при помощи методики И.С. Кона «Я через пять лет» (Кон, 1984) выявили содержательные элементы прогнозирования будущего участников исследования. Участникам было предложено описать себя такими, какими они видят себя через пять лет. Такой временной диапазон был выбран для того, чтобы выявить среднесрочную перспективу, не связанную с задачами настоящего времени. Ограничений по объему написанного текста и

времени выполнения задания не давалось. Выборку исследования составили 1538 юношей и девушек от 14 до 28 лет.

Полученные на первом этапе тексты сочинений и ответы на вопросы исследовались при помощи статистического программного пакета R. Нами были изучены взаимосвязи среди наиболее популярных слов, используемых в сочинениях. Проведенный анализ позволяет утверждать, что есть основания для практической возможности выделения из реальных текстов информации о семантической близости отдельных слов, использованных в сочинениях. Значимость различий оценивалась при помощи коэффициента хи-квадрат, который проверяет значимость расхождения эмпирических (наблюдаемых) и теоретических (ожидаемых) частот, так как этот критерий позволяет анализировать категориальные данные.

На втором этапе исследования в 2021 году мы провели дополнительный опрос тех же юношей и девушек, которые участвовали в первом этапе. Участникам направлялись письма, которые они писали о себе в будущем на первом этапе исследования и задавились вопросы об их жизненных достижениях, и результатах сданных экзаменов. Повторно участие приняли 10% респондентов первого этапа, что явилось хорошим результатом с учетом прошедшего периода времени и в итоге составило 150 человек в возрасте от 16 до 28 лет. Значимость взаимосвязей оценивалась при помощи точного критерия Фишера (уровень значимости 0,05).

Такая организация исследования позволила нам сопоставить содержание прогнозного будущего юношей и девушек с их образовательной успешностью.

На первом этапе исследования мы получили информацию о том, какие слова юноши и девушки чаще всего используют при описании своего будущего, и как эти слова связаны между собой. Всего в 1538 сочинениях содержалось 15988 слов. Из содержательного анализа были исключены предлоги, имена собственные, числительные, и другие слова, не несущие смысловой нагрузки. Наиболее часто в сочинениях повторялись взаимосвязи следующих слов: «вижу», «могу», «надеюсь», «хочу», «сделать», «цели», «работа», «знаю», «возможно», «стану».

При этом представления о будущем участников исследования, сдавших ЕГЭ хотя бы по одному предмету на отличную оценку (от 81 до 100 баллов), сильно отличаются в части использования ими следующих слов: «работа», «хочу», «знаю», «сделать». Юноши и девушки, сдавшие ЕГЭ на отличную оценку, реже используют слова «работа» и «хочу», но при этом чаще используют слова «сделать» и «знаю». Значимость этих различий подтверждает анализ, проведенный с помощью коэффициента хи-квадрат.

В ответах на вопрос, о том, почему что-то еще не произошло или не происходит из того, что участники исследования ожидали, были выявлены значимые взаимосвязи между позицией респондентов — «у меня будет всё так, как я предполагал, но позже, чем через пять лет» и средними баллами, полученными по обязательным предметам ЕГЭ (не отличные и не неудовлетворительные).

Так, юноши и девушки, сдавшие ЕГЭ по математике на оценку «удовлетворительно» (на 60–27 баллов), пересматривают свои планы, и среди ответов на вопрос «Если что-то еще не произошло, и Вы поставили в предыдущем вопросе оценку меньше 10, напишите, пожалуйста, почему?» склонны настаивать на своих планах и выбирать ответ «у меня будет всё так, как я предполагал, но позже, чем через пять лет» (f = 0,0037). Юноши и девушки, сдавшие ЕГЭ по русскому языку на оценку «хорошо» (на 80–61 баллов), пересматривают свои планы, и среди ответов на вопрос «Если что-то еще не произошло, и Вы поставили в предыдущем вопросе оценку меньше 10, напишите, пожалуйста, почему?» склонны настаивать на своих планах и выбирать ответ «у меня будет всё так, как я предполагал, но позже, чем через пять лет» (f = 0,0387). Юноши и девушки, которые сдали предмет по выбору на отличную оценку (от 100 до 81 балла), оценивают достижение своих планов ниже, чем те, кто сдал экзамен по выбору хуже. Юноши и девушки, сдавшие предмет по выбору на низкие оценки, указывают, что достигли своих планов за половину срока.

По итогам проведенного исследования сделаны следующие выводы.

В проведенном исследовании были получены данные, характеризующие взаимосвязи образовательных результатов и представлений о собственном будущем в юношеском возрасте. Смысловая связь, создаваемая указанием на «знаю» и «сделаю» в представлении о своем будущем, позволяет достичь значимых образовательных результатов.

Более чем в 70% случаев слово «работа» является центральным содержанием будущих жизненных историй юношей и девушек, участвующих в исследовании. При этом в сочинениях юношей и девушек, которые сдали ЕГЭ по предмету по выбору на «отлично», слово «работа» встречается только в 15% сочинений. Также значимые отличия есть в использовании слова «хочу» — юноши и девушки, которые сдали ЕГЭ по выбору на отличную оценку, используют его значимо реже. Но «знаю» и «сделаю» используются юношами и девушками, которые сдали ЕГЭ по предмету по выбору на «отлично», значимо чаще, чем остальными участниками исследования. Таким образом, современным юношам и девушкам для достижения успехов на ЕГЭ необходимо иметь представление о собственной жизни, но не в режиме вопросов окружающих взрослых — «кем хочешь работать», а в понимании собственных знаний и того, что юноша и девушка могут сделать самостоятельно. Таким

образом, смысловая связь, создаваемая указанием на «знаю» и «сделаю» в представлении о своем будущем, позволяет достичь значимых образовательных успехов.

Оценки за ЕГЭ по предметам по выбору взаимосвязаны с оцениванием достижения своих планов на будущее. Юноши и девушки, которые сдали предмет по выбору на «отлично», оценивают достижение своих планов ниже, чем те, кто сдал экзамен по выбору на меньший балл. Юноши и девушки, сдавшие предмет по выбору на низкие оценки, указывают, что пришли к своим целям значительно быстрее, чем в срок, указанный ими ранее в сочинении. Такая заниженная оценка своих возможностей объясняется отсутствием четких критериев желаемого будущего, что позволяет занижать требования к себе, а также к необходимому уровню подготовки и знаний для достижения заявленных целей.

Литература

Кон И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 255 с.

Шилова Н.П. Взаимосвязь представлений о будущем и образовательных результатов в юношеском возрасте // Российский психологический журнал. 2022. № 19(1). С. 76–88. https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.6.

Шилова Н.П., Бруданов П.П. Изменение представлений об образе будущего в юношеском возрасте // Психолог. 2020. № 4. С. 45–59. https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.4.32736.

Шилова Н.П., Владыко А.К. Современный культурный контекст представлений о будущем в юношеском возрасте // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 103–118. https://doi.org/10.17223/17267080/86/6.

ИМПЛИЦИТНЫЕ И ЭКСПЛИЦИТНЫЕ МОТИВЫ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ АНТИСОЦИАЛЬНОГО РИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Т.В. Шинина

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Россия

И.Г. Морозова

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Проведено исследование мотивации 241 подростков (юноши — 56,8%, девушки — 43,2%), в возрасте 13–18 лет, по 3 группам: лидеры, подростки с девиантным поведением; подростки с делинквентным поведением. Наиболее выраженный имплицитный мотив — «Контакт» (8,2; 8,0; 7,0 ед. соответственно). Самые значимые расхождения между имплицитными и эксплицитными мотивами отмечаются в группе 3 «подростки с делинквентным поведением».

Ключевые слова: имплицитные и эксплицитные мотивы, подростки, лидеры, девиантное поведение, делинквентное поведение; модель изменений.

Современные подростки характеризуются высоким уровнем рискового поведения, его можно фиксировать по таким проявлениям: езда в автомобиле без прав, распитие спиртных напитков, различные пробы психотропных веществ, налеты на магазины и воровство. Конфликты в родительской семье, сопровождающиеся педагогической некомпетентностью и воспитательным бессилием родителей; противоречия между субъективным стремлением подростков к самостоятельности и объективным сужением ее реальных границ с помощью мер, применяемых институтами социализации (семьей, школой и др.); противоречия между возросшими материальными потребностями подростков и реальными возможностями родителей по их удовлетворению — все эти процессы и явления создают негативные условия для жизни и воспитания подростков и могут провоцировать поведенческие девиации (Гусельцева, Асмолов, 2020). Что движет подростками? Какие мотивы преобладают? Как соотносятся между собой имплицитные и эксплицитные мотивы, в разрезе трех групп с разными моделями поведения. Такой исследовательский фокус мы выбрали при конструировании данного исследования.

Способность осмыслять сложившуюся ситуацию, принимать риск и сохранять жизнестойкость являются фундаментом для активной позиции подростка в ситуации неопределенности, особенно при скудной урбанистической арктической среде и отдаленными

муниципальными территориями (Шинина, Морозова, 2021). Степень развития личностного потенциала, стержнем которой является комплексная личностная характеристика, именуемая в последнее время как «личностная автономия», «самодетерминация» или «субъектность» (agency), общепризнана одним из критериев психологической успешности и психического здоровья человека. Дефицит этого качества является признаком возможного неблагополучия, выражающегося в инфантильности и нежелании брать ответственность за свою жизнь (Kuhl, 2000). Куль отмечает, что для развития личностного потенциала особенно важны три аспекта личности: первичная реакция: индивидуальный стиль (предпочитаемые стереотипы поведения); вторичная реакция: навыки самоуправления; мотивация: осознанные (эксплицитные) и неосознанные (имплицитные) мотивы, как источники энергии для действий, методы реализации мотивов.

Мотивы направляют человеческую деятельность (Thrash, Maruskin, Martin, 2012). Когда человек действует в согласии со своими мотивами (а не желаниями, потребностями и мотивами других), достижение поставленной цели воспринимается как награда. Однако, часто нелегко осознать и сформулировать причины своего поведения. Это связано с тем, что мотивы преимущественно «неосознанны». Цели, наоборот, осознаваемы и, обычно, четко соответствуют намерениям. Для психического здоровья и благополучия подростка важно, чтобы осознаваемые цели согласовывались с внутренними желаниями и мотивами.

Имплицитные мотивы возникают неосознанно в момент наличия стимулов (например, вызов от референтной группы: сможешь или нет нарушить и остаться не замеченным), данные поступки проходят в моменте, без пауз и осознанных размышлений (например, при попадании в момент совершения воровства подростки не могли объяснить свой поступок). Эксплицитные мотивы связаны с желаниями, которые находятся в осознанном контуре и преобразуются в цели, которые подростки могут вербализовать и оценить их значимость для себя. Эксплицитные мотивы отражаются в осознанных выборах и возможных оценках, когда подростки могут осуществить выбор и аргументировать свою позицию. Мотивация подростков может быть связана с удовлетворенностью жизнью: более мотивированные показывают большую резильентность к учебным вызовам. Образовательные планы на будущее сильно связаны с удовлетворенность жизнью (Поливанова, 2020).

Выборка и методы исследования. В рамках проекта было проведено исследование в 13 муниципальных образованиях Ямала. На первом этапе проекта в исследовании приняли участие 241 респондент (юноши — 56,8%, девушки — 43,2%) в возрасте 13–18 лет (M = 15,40 SD = 1,20) по трем группам. Первая группа — подростки «лидеры» (n = 76), проявляют лидерский потенциал, активно участвуют в мероприятиях округа, принадлежат к общественным, патриотическим, творческим, волонтерским объединениям. Вторая

группа — подростки, проявляющие «девиантное поведение» (n = 140), состоят на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, демонстрируют отклоняющееся поведение. Третья группа — подростки, проявляющие «делинквентное поведение» (n = 25), состоят на учете в ОМВД по причине совершения правонарушений.

Исследование включало в себя диагностический пакет изучения эксплицитных и имплицитных мотивов: (1) оценка бессознательных мотивов и потребностей проективной методикой «Тест определения мотивов» Unbewusste Motive und Motivumsetzung (OMT), в которой предлагалось ответить на вопросы к картинкам; (2) оценка мотивации на осознанном уровне «Тест реализации мотивов» Bewusste Motive und Motivumsetzung (MUT).

Полученные результаты отражены на рисунках 1 и 2.

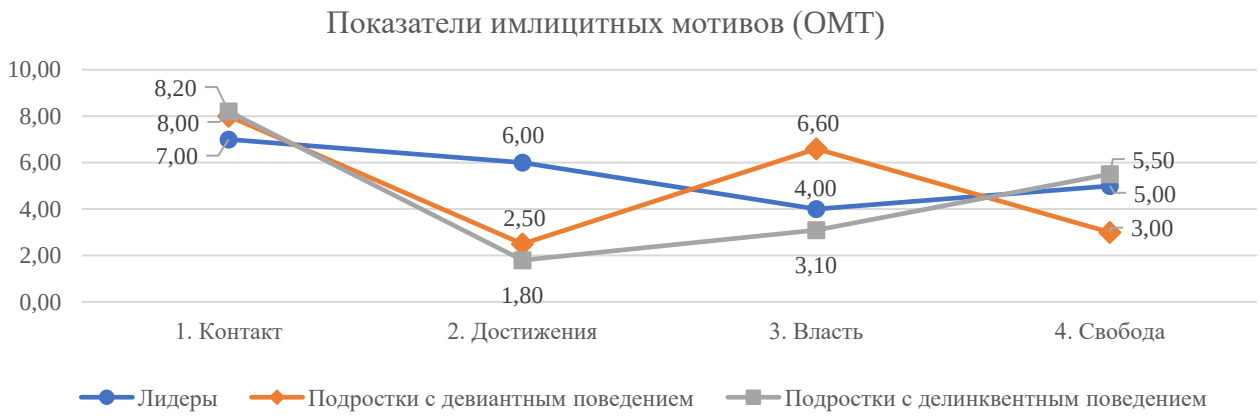

Рис. 1. Показатели имлицитных мотивов (OMT)

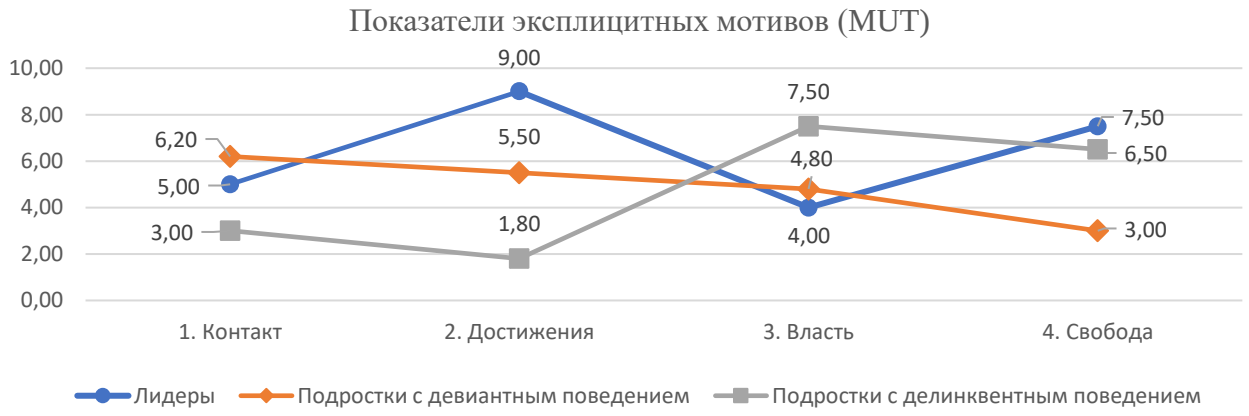

Рис. 2. Показатели эксплицитных мотивов (MUT)

Результаты. Наиболее выраженным имплицитным мотивом для всех трёх групп респондентов является мотив «Контакт» (8,2; 8,0; 7,0 ед. соответственно), что свидетельствует о потребности подростков в выстраивании доверительного контакта со значимыми

для них людьми. Наиболее выраженные эксплицитные мотивы: «Достижения» в группе лидеров (9,0 ед.); «Контакт» в группе подростков с девиантным поведением (6,2 ед.); «Власть» в группе подростков с делинквентным поведением (7,5 ед.).

По итогам проведённого исследования можно констатировать значительные расхождения между имплицитными и эксплицитными мотивами для всех трёх групп. Наибольшее расхождения отмечаются по мотивам «Контакт» и «Достижения». Наиболее выраженные колебания между имплицитными и эксплицитными мотивами отмечаются в группе 3 «подростки с делинквентным поведением» (Контакт = 5,2 ед.; Власть = 4,4 ед.; Свобода = 1 ед.), что свидетельствует о наличии внутренних противоречий, что осложняет формирование личностной идентичности подростков. Отдельно стоит отметить, что в имплицитных мотивах мотив «Достижения» в группе 3 подростки с делинквентным поведением (1,8 ед.) и в группе 2 подростки с девиантным поведением (2,5 ед.) значительно ниже, чем в группе подростков-лидеров (6,0 ед.).

Различия могут указывать на возможные пути саморазвития респондентов. В мотивационном профиле нет неизменяемых структур. Мотивационные процессы подлежат динамическим изменениям на различных этапах жизни. Та или иная мотивация слабеет, если соответствующие мотивы удовлетворены.

По итогам проведенного исследования была разработана модель мотивации подростков на достижения и саморазвитие, которая включает в себя: (1) фокус на развитии; (2) фокус на осмотрительности; (3) перспектива будущего; (4) самоидентификация; (5) добросовестность.

Литература

Гусельцева М.С., Асмолов А.Г. (Скрытое лидерство и разнообразие моделей успеха в современном обществе // Поволжский педагогический поиск. 2020. № 2(32). С. 14–23.

Поливанова К.Н. Новый образовательный дискурс: благополучие школьников // Культурно-историческая психология. 2020. № 16(4). С. 26–34. https://doi.org/10.17759/chp.2020160403. EDN QUWWEB.

Шинина Т.В., Морозова И.Г. Подростки и пандемия: профиль самостоятельности // Психологические исследования, 2021. № 14(80). https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.111.

Kuhl J. The volitional basis of personality systems interaction theory: Applications in learning and treatment contexts // International Journal of Educational Research. 2020. No. 33(7–8). P. 665–703. https://doi.org/10.1016/s0883-0355(00)00045-8.

Thrash T.M., Maruskin L.A., Martin C.C. Implicit-explicit motive congruence // R.M. Ryan (Ed.), The Oxford Handbook of Human Motivation. New York: Oxford University Press, 2012.

ПРОФИЛАКТИКА РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ И БУЛЛИНГА БЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАПРЕТОВ

А.В. Ширшов

Натуральная школа, г. Москва, Россия

В статье рассказывается об опыте профилактики конфликтов и травли с опорой на базовые права человека и понижении опасности среды с помощью подготовки к опасным ситуациям, а не изоляции от них. Обсуждается программа детских прогулок для восполнения дефицита движения, безопасного (нетравматичного) риска и общения детей между собой. Предлагается ряд принципов, положенных в основу программы.

Ключевые слова: риск, буллинг, травля, подростки, дети, резильентность, безопасность, самостоятельность, конфликт, свобода.

Безопасный риск. В 2015 году мы с коллегами запустили программу детских прогулок для восполнения дефицита движения, безопасного (нетравматичного) риска и общения детей между собой. Сначала мы работали с детьми, потом стали работать как подростками 13–17 лет, так и со взрослыми. Сначала мы вели прогулки в лесу, потом на заброшенных объектах и в городе.

Как проходили те лесные прогулки. Дети жгли костры, лазили по деревьям, прыгали через ручей, строили шалаши и плотины, катались на тарзанке, дрались на палках понарошку. Единственное, что тогда мы не давали делать, — это подбадривать при совершении рискованных действий и брать на слабо. В том числе благодаря этому травмы отсутствовали, а дети через короткое время становились осторожными и спокойными.

Травмы были только там, где был очевидный риск их получения. Поэтому профилактика травматичного поведения заключается и в том, чтобы обходить опасные места, не останавливаться у них. Еще один важный момент — взрослый не должен рисковать, потому что его рискованное действие является провокацией. Глядя на него, неподготовленные участники могут захотеть повторить, забывая об оценке своих способностей и оценке риска, то есть вероятности травмы.

Наши прогулки вызывали беспокойство у родителей. Чтобы убрать беспокойство, мы начали готовить детей к действованию в опасных ситуациях: учить тушить огонь, выбираться из полыньи, эвакуироваться из задымленного здания, пользоваться страховочными системами и приемами первой помощи, переходить дорогу и ходить вдоль нее. Таким образом вместо изоляции от опасностей окружающего мира мы осуществляем подготовку к ним, включая оценку риска и его устранение.

Конфликты и травля. С травмами мы справились, обеспечив безопасный риск, но нас беспокоили конфликты и риск, связанный с ними. Мы сталкивались время от времени с затяжными, непродуктивными конфликтами, после которых дети переставали приходить на прогулки. Мы проанализировали причины конфликтов и выделили три группы: 1) когда кто-то обзывает, коверкает имя или даже просто называет не по имени, например, «малыш»; 2) когда кто-то берет чужую вещь, в том числе палку, лежащую на земле, но которую ранее нашел другой; 3) когда кто-то толкает, дергает, прикасается или даже просто подходит близко.

Глядя на эти группы причин, стало понятно, что нужно их убрать через требование неприкосновенности: не «трогать» чужое имя, не трогать другого, не трогать чужие вещи. Потом это требование мы превратили в право на себя — право на свое имя, свое тело и свои вещи. Или — собственность на себя. На свое имя, тело и вещи. Такая собственность подразумевает, что ты распоряжаешься собой и можешь договариваться с другим о других именах, обмене вещами или каком-то телесном взаимодействии — речь идет об играх с прикосновением, например, догонялки, борьба и т.д.

Потом мы перенесли эти принципы и на мероприятия для подростков и взрослых. И там, и там они работают. Помимо принципов, которые глобальны, мы можем договариваться о правилах, которые локальны. Например, на заброшенных объектах мы не заходим в опасные здания, идем в ряд по одному за ведущим и т.п. При лазании по деревьям действует правило держаться всегда хотя бы одной рукой за надежную опору.

Эти принципы убирают вероятность возникновения большинства видов буллинга. Есть тонкие вещи типа игнорирования, изолирования в одиночестве, но вообще-то каждый имеет право не общаться с другим. Особенность этих принципов собственности на самого себя в том, что они помогают формировать и защищать свои границы. Помимо того, что взрослый может следить за их выполнением и защищать от их нарушения, которое легко фиксируется, сами дети и подростки присваивают принципы и опираются на них. Эти принципы не являются нашим изобретением. Их можно обнаружить в международных конвенциях, конституциях и уголовных кодексах разных стран. Так, например, известная конвенция о правах ребенка начинается с утверждения его права на имя, а разделы УК РФ группируют преступления по преступлениям против собственности (право на свои вещи), здоровья, жизни и половой неприкосновенности (право на неприкосновенность тела), чести и достоинства (право на доброе имя). Таким образом мы обеспечиваем профилактику травли, конфликтов и травм.

ВНИМАНИЕ: РОДИТЕЛИ! СОСТОЯНИЕ РОДИТЕЛЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕМЬЯХ ПОДРОСТКОВ С СУИЦИДАЛЬНЫМ И САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ

В.А. Ясная, С.Л. Залманова

Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой, г. Москва, Россия

Доклад посвящен обсуждению особенностей семейных систем и состояния родителей подростков с суицидальным и самоповреждающим поведением, которые мы наблюдаем при работе с семьями в кабинете кризисной помощи Центра психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой, и представляет собой набор гипотез для последующего исследования. Мы оговорим о наблюдаемых тенденциях и разберем клинические случаи.

Ключевые слова: суицидальное поведение, самоповреждающее поведение, работа с родителями, детско-родительские отношения.

Исследования различных авторов, изучавших влияние семейной системы на степень выраженности суицидальных переживаний подростков, показали связь между суицидальным поведением подростков и стрессовыми событиями в семье (развод, смерть, конфликты, сексуальное и физическое насилие) (Alvarez-Subiela et al., 2022; Pfeffer, 1987), определенными параметрами семейных систем (Heillig, 2014) и особенностями детско-родительских взаимодействий (Alvarez-Subiela et al., 2022; Consoli et al., 2013). Степень тяжести суицидального поведения подростков показала связь с разногласиями и конфликтами в детско-родительских отношениях и в семье в целом (Consoli et al., 2013), с восприятием процесса подростковой сепарации семьями и самими подростками как безвозвратной потери, непреодолимого и неуправляемого события (Heillig, 2014), с нарушениями привязанности (Alvarez-Subiela et al., 2022). Особенности семейных взаимодействий, детско-родительских отношений и состояния родителей, которые мы наблюдаем при работе с подростками и их семьями в кабинете кризисной помощи, согласуются с данными этих исследований.

Кабинет кризисной помощи оказывает краткосрочную амбулаторную помощь детям и подросткам с суицидальным и самоповреждающим поведением, переживающим острое горе, и находящимся в кризисном состоянии в связи с недавно перенесенным насилием или чрезвычайной ситуацией. Подавляющая часть обращений связана с самоповреждениями или суицидальными переживаниями. Прием ребенка, как правило,

проводится совместно с одним или обоими родителями. На первой консультации врач-психиатр и психолог определяют степень кризисности состояния и дальнейший маршрут оказания помощи. Семейное консультирование — один из основных видов психологической помощи, которая оказывается подростку и семье в Центре Сухаревой и при амбулаторном, и при стационарном лечении.

В ходе работы с семьями в кабинете кризисной помощи мы наблюдаем следующие особенности.

1. *Жизненная ситуация и стрессогенные события*. Более половины подростков, обратившихся в кабинет кризисной помощи, переживали одно или несколько из следующих событий: переезды, конфликтные отношения между взрослыми, развод родителей, потеря близких, болезнь или смерть одного из родителей, тюремное заключение кого-то из близких, необходимость заботиться о недееспособных родственниках, насилие в семье и др. Интересно, что эти события, по субъективным отчетам, только в части случаев эмоционально и функционально затронули подростка лично. Эти события, по нашим наблюдениям, затрагивают семейную систему в целом таким образом, что внимание и усилия родителей оказываются в значительной степени направлены на решение внешних по отношению к семье и ребенку задач. При этом подросток не получает достаточной поддержки, а часто сам служит поддержкой для нуждающегося в ней родителя.

2. *Особенности семейной структуры и функционирования*. В семьях с различными нарушениями функционирования (конфликты между взрослыми с вовлечением подростка в конфликт, его медиацию или коалицию с кем-либо из взрослых; нарушение ролевой структуры семьи с привлечением подростка в несоответствующие возрасту и возможностям функциональные роли, инверсией ролей и проч.) суицидальное поведение подростка может восстанавливать баланс в распределении ролей, нагрузки, эмоционального ресурса, часто служит перераспределению фокуса эмоционального напряжения.

Семьи часто демонстрируют очень высокую степень сплоченности, доходящую до эмоционального слияния, либо разобщенности, и низкий уровень гибкости (в модели Д. Олсона) (Olson et al., 1988), попадая, таким образом, в категорию несбалансированных семейных структур. Мы предполагаем, что в семьях с крайней степенью сплоченности, с одной стороны, и с крайней степенью разобщенности, с другой, суицидальное поведение подростка несет разную смысловую и функциональную нагрузку. В чрезмерно сплоченных («слитых») семьях присутствует высокий уровень контроля и гиперопекающий или гиперконтролирующий стиль воспитания, высокий уровень

родительской тревоги, связанной с отличиями и сепарацией, и трансляция этой тревоги подростку. Суицидальное и самоповреждающее поведение в «слитых» семьях, как мы предполагаем, играет роль протеста, служит увеличению дистанции, укреплению личных психологических границ подростка. Суицидальное поведение в крайне разобщенных семьях является «криком о помощи» и служит привлечению родителей или других взрослых в родительские роли для обеспечения необходимой поддержки подростку и семье в целом.

3. Состояние родителей, которых мы видим на приеме, как правило, характеризуется высокой эмоциональной напряженностью, тревожностью, часто — переживаниями горя, утраты и аналогичными им, безнадежностью и проч. Часть родителей сообщает о нарушениях психического (тревожные, депрессивные состояния, хронические психические заболевания) или соматического (тяжелые острые или хронические соматические заболевания) функционирования. При нестабильном состоянии взрослых оказывается фрустрирована потребность подростка «опереться» на родителя и «оттолкнуться» от него (Скиннер, Клииз, 2015) и затруднена реализация основных задач семьи в данный период развития. Повышение уровня тревоги в семейной системе, нарушение иерархии, вовлечение подростка в решение «взрослых» задач и регуляцию взаимоотношений взрослых препятствует естественному развитию семьи и подростка. Суицидальное и самоповреждающее поведение в таком случае оказывается способом выхода из тупиковой ситуации, двигая семью к изменениям.

Во время беседы с подростком на первичном приеме о его состоянии и суицидальных переживаниях родители часто демонстрируют широкий спектр защитных реакций (холодность, отстраненность, отсутствие эмпатической реакции на переживания подростка; агрессию в адрес подростка или специалистов; защитное отрицание, отстранение, рационализирующие объяснения и др.). Работа с состоянием и реакциями родителей уже на первичном — диагностическом — приеме составляет существенную часть оказания помощи подростку.

Литература

Скиннер Р., Клииз Дж. Семья и как в ней уцелеть. М.: Класс, 2015.

Alvarez-Subiela X., Castellano-Tejedor C., Villar-Cabeza F., Vila-Griffol M., Palao-Vidal D. Family factors related to suicidal behavior in adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19. P. 9892. https://doi.org/10.3390/ijerph19169892.

Consoli A., Peyre H., Speranza M., Hassler Ch., Falissard B., Touchette E., Cohen D., Moro M.-R., Revah-Levy A. Suicidal behaviors in depressed adolescents: role of perceive relationships in the family // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2013. No. 7(1). P. 8.

Heillig R.J. Adolescent suicidal behavior: A family systems perspective. Doctoral dissertations 1896 - February 2014. 1551. https://doi.org/10.7275/w940-d527 https://scholarworks.umass.edu/dissertations_1/1551.

Olson D., Lavee Y., McCubbin H.I. Types of families and family response to stress across family life cycle // In Social Stress and Family Development / ed. by D.M. Klein, J. Aldous. New York-London: The Guilford Press, 1988.

Pfeffer C.R. Families of suicidal children // In Suicide in Adolescents / ed. by R.F.W. Diekstra et al. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.

Электронное научное издание

ПОДРОСТОК В МЕГАПОЛИСЕ:
ПОИСК ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Сборник трудов
XVI Международной научно-практической конференции
4–5 апреля 2023 года, Москва

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел. +7 (495) 772-95-90, доб. 22910